

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ГОЛОВИНА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА

**Творчество Н.Д. Городецкой в литературном контексте
русского зарубежья**

Специальность – 10.01.01 Русская литература

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е.М. Криволапова

Курск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА Н.Д. ГОРОДЕЦКОЙ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ..	17
1.1 Русская эмиграция как исторический и социокультурный феномен.....	17
1.2 Основные тенденции литературного процесса русского зарубежья.....	28
1.3 Н.Д. Городецкая – представитель «незамеченного поколения».....	38
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.Д. ГОРОДЕЦКОЙ.....	52
2.1 Приемы ретроспективного повествования в изображении России.....	52
2.2. Память как способ сохранения национальной идентичности.....	66
2.3 Мотив одиночества в прозе о женщинах-эмигрантках.....	81
2.4 Традиции «духовного реализма» в изображении детских образов.....	97
2.5 Проблема самоопределения «младшего поколения» в романе «Дети в изгнании».....	117
ГЛАВА III. Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ КАК ПУБЛИЦИСТ И ЖУРНАЛИСТ.....	127
3.1 Публицистика и журналистика русского зарубежья.....	127
3.2 Очеркистика Н.Д. Городецкой: проблема социокультурной адаптации русских эмигранток.....	144
3.3 Беседы с писателями	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	177

ВВЕДЕНИЕ

Феномен русской эмиграции – явление сложное и многогранное, представляющее интерес для самых различных областей науки: литературоведения, истории, культурологии, социологии, политологии. Но именно литературе принадлежит ключевая роль в сохранении русской культуры за рубежом, продолжении традиций Серебряного века. В этом эмигранты видели свою высокую миссию.

В XXI веке интерес исследователей к творчеству писателей-эмигрантов неуклонно растет и затрагивает самые различные аспекты литературной жизни мастеров слова. Следует отметить, что первые попытки осмысления русского зарубежья как историко-культурного феномена были сделаны самими эмигрантами и их современниками. Таковы работы Г.П. Струве, В.С., В.Ф. Ходасевича, Варшавского, Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева, Ю.К. Терапиано, Г.В. Адамовича и др.¹

Значительно позже (в 50-е гг.) в Советском Союзе появились отдельные исследования художественного творчества писателей эмиграции начала XX века, целью которых было включение творческой деятельности диаспор в общие процессы русской культуры XX века (труды О.Н. Михайлова, А.А. Саакянц, Т.М. Бонами, Л.Н. Афонина)². В настоящее время мы располагаем множеством работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных истории русского зарубежья, его

¹ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996; Ходасевич В.Ф. Литература в изгнании // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4-х т. / Сост., подгот. текста И.П. Андреевой, С.И. Богатыревой, С.Г. Бочарова, И.П. Хабарова. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 гг.; Варшавский, В.С. Незамеченное поколение: публицистика / Под ред. Л.М. Сурис. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016; Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. Вып. 2. С. 15-26; Бердяев Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М.: Канон+, 2017; Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). /Сост., вступ. ст. Р. Герра. Спб.: Росток, 2014; Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961.

² Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. М.: Просвещение, 1995; Саакянц А.А. Тайный жанр. М.: Правда, 1986; Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904). Владимир: Кн. изд-во, 1962; Афонин Л.Н. Иван Алексеевич Бунин: памятка читателю. Орел, 1952.

культурно-просветительской, педагогической, политической, религиозной, литературной, научной деятельности. Это исследования А.И. Доронченкова, О.А. Коростелева, В.В. Костикова, Ю.А. Азарова, И.В. Сабенниковой, Е.И. Пивовара, М.И. Раева, А.И. Чагина, М.В. Назарова, О.А. Казниной, Р. Герра, М. Икута, А. Копршивова-Вуколова, А. Колонтари, Л. Ливака и др.³

В последние десятилетия внимание исследователей привлекают писатели, полноправно обозначившиеся в 20-30-е гг. XX века уже в эмиграции – так называемое «младшее поколение» или «незамеченное» поколение (Н.Н. Берберова, В.В. Набоков, М.А. Алданов, Б.Ю. Поплавский, И.В. Одоевцева, Ю.К. Терапиано, С.И. Шаршун и др.). Сами себя эмигранты назвали поколением «неудачников», поколением «отчужденных», поколением «пролета эпох», что в полной мере раскрывает особенности их жизненного пути и творческой деятельности. Одними из первых проблему «незамеченного» поколения подняли Г. П. Струве и В.С. Варшавский.

³ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001; Коростелев О.А. Пафос свободы: литературная критика русской миграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья: В 2 ч. – М.: ООО Изд-во «Олимп», ООО Изд-во «АСТ», 2002. – Ч.1. / Сост., преамбулы, примеч. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. С.3–35; Коростелев О.А. Итоги двух десятилетий // От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать русского зарубежья / ИМЛИ, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2013. С. 7–20; Костиков В.В. «Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990; Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940). М.: Совпадение, 2005; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1933): сравнительно-типологическое исследование. Монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015; Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти // История и архивы. 2019. №3. С. 30-39; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008; Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919 –1939. М.: Прогресс, 1994; Чагин А.И. Расколота лира. (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920—1930-е годы). М., 1998; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции: В 2-х т. М.: Родник, 1994; Казнина О.А. Русские в Англии: рус. эмиграция в контексте рус.-англ. лит. связей в первой половине XX в. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 1997; Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970). Издательство: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004; Герра Р. Герра Р. Младшее поколение писателей русского зарубежья. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2009; Икута М. Национальная идентичность русских в Харбине // XIX совместный симпозиум ученых Дальневосточного отделения РАН и ученых района Кансай Японии. Владивосток, 2003. С. 84–88; Копршивова-Вуколова А. Ruští emigranti ve Všenorech, Mokropsch a Černošicích (20. a 30. léta 20. století). [Русские эмигранты во Вшенорах. Мокропсах и Черношицах (20-е и 30-е гг. XX века)] – Praha: Národní knihovna-Slovanská knihovna ČR, 2003; Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Русская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Покивайлова Т. А. (отв. ред.). – М.: Индрик, 2009. – С. 157–181; Livak L. How It Was Done In Paris. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003.

Характерная особенность произведений младоэмигрантов – описание жизни изгнанников, биографичность, катастрофичность мировосприятия, скептическое отношение к будущему, частое обращение к жанрам автодокументальной прозы. Поэзия и проза младоэмигрантов дают полное и подробное представление о жизни русских граждан за рубежом, достоверные сведения о быте, труде, творчестве эмигрантов, что позволяет считать произведения представителей «младшего поколения» подлинными документами эпохи.

Однако проза и поэзия «незамеченного поколения» в силу идеологических причин не могли быть осмыслены в полном объеме и поэтому оказались недостаточно изучены. Значительное число младоэмигрантов вынуждено было печататься в малоизвестных, малотиражных изданиях, что осложняет поиск текстов, составление сборников конкретных авторов. Кроме того, архивы многих журналов и газет русского зарубежья первой волны в настоящий момент не находятся в открытом доступе или вовсе не оцифрованы (например, сейчас ведется оцифровка важного для эмиграции журнала «Иллюстрированная Россия», а также на сайтах появляются архивные номера газеты «Возрождение», которые предоставляет Принстонский университет).

Названные выше обстоятельства выявляют одну из главных проблем изучения литературы русского зарубежья начала XX века: многие значимые фигуры эмиграции первой волны до сих пор остаются неизвестны, а их творческое наследие недоступно для читателей. Отсюда вытекает необходимость последовательного и системного исследования творчества писателей-эмигрантов, в особенности представителей «незамеченного поколения», с целью формирования целостного представления о развитии русской культуры за рубежом.

В числе имен, неизвестных российскому читателю, остается и Надежда Даниловна Городецкая, писательница начала XX века, информация о которой практически отсутствует в антологиях по

литературе эмиграции, в Литературной энциклопедии русского зарубежья⁴ и в других литературоведческих трудах об эмиграции. Исключение составляет библиографический сборник «Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре», составленный Н. Зёрновым. Цель сборника состояла в том, чтобы познакомить читателей с произведениями русских эмигрантов за 1921 – 1972 гг.

Писатель, публицист, журналист, переводчик, историк литературы, историк церкви, богослов, педагог – личность, яркая и незаурядная, Н.Д. Городецкая была одним из видных представителей культурной жизни эмиграции. Она стала свидетелем социальных потрясений, произошедших в России после октября 1917 г., и последующего за ними изгнания русских людей в страны Европы. Жизненный и творческий путь Н.Д. Городецкой во всей полноте отражает масштабность трагедии русской эмиграции.

Актуальность исследования заключается в необходимости разностороннего изучения художественного и публицистического наследия Н.Д. Городецкой, обращения к самой личности писательницы как одной из ярких представительниц русской эмиграции «первой волны», долгое время остававшейся вне исследовательского внимания. В аспекте проблематики данной работы особо значимым представляется и тот факт, что обращение к творчеству Н.Д. Городецкой позволит воссоздать целостную картину литературной жизни «незамеченного поколения», осмыслить специфику художественного сознания его представителей, тем самым заполнить «лакуны», связанные не только с творчеством малоизученных писателей-эмигрантов, но и с творчеством общепризнанных мастеров слова. Все это откроет новые возможности для дальнейшего постижения общих закономерностей и тенденций историко-

⁴ Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) в 3-х т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

литературных и культурных процессов, происходивших в русской эмиграции «первой волны».

Степень разработанности темы. Как уже отмечалось, творчество Н.Д. Городецкой и сама ее личность оказались вне исследовательского внимания. На данный момент существуют лишь несколько работ, посвященных творчеству писательницы: А.М. Любомудрова «Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества», В.Т. Захаровой «Малая проза Надежды Городецкой: своеобразие жанровой поэтики», Т.П. Сидоровой «Идея кенозиса в житнетворчестве Н.Д. Городецкой» и «Вклад Н.Д. Городецкой в русское литературоведение за рубежом», О.А. Казниной «Русские в Англии».⁵ Весомый вклад в исследование жизненного и творческого пути Н.Д. Городецкой внес А.М. Любомудров, собравший художественные, публицистические труды Надежды Даниловны, ее статьи, беседы с известными писателями, письма в сборнике «Остров одиночества».⁶ Благодаря этому произведения Н.Д. Городецкой стали доступны для исследователей литературы русского зарубежья, а также широкого круга читателей.

Жизнь и творчество Н.Д. Городецкой прочно вписаны в историко-литературный процесс русской эмиграции. В 30-е гг. XX века в Париже она печаталась в русских и французских изданиях («Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Воля России», «Сатирикон», «Дни», «Sept», «Cahiers de la quinzaine» (основанное Шарлем Пеги), «Revue français»). Первые произведения молодой писательницы сразу обратили на себя

⁵ Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества // Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудров. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013; Захарова В.Т. Малая проза Надежды Городецкой: своеобразие жанровой поэтики // Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты: Коллективная монография под редакцией Э. Тышковской-Каспшак, И.В. Мотеюнайте и А.И. Смирновой, при участии М. Гей. Вроцлав – Краков, 2021. С. 311-320; Сидорова Т.П. Идея кенозиса в житнетворчестве Н.Д. Городецкой // Studia Rossica Geranensia. 2018. № 5. С. 172-182; Сидорова Т.П. Вклад Н.Д. Городецкой в русское литературоведение за рубежом // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Елабуга. 2019. С. 276-277; Казнина О.А. Русские в Англии: рус. эмиграция в контексте рус.-англ. лит. связей в первой половине XX в. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. - М. : Наследие, 1997.

⁶ Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудров. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013.

внимание авторитетных писателей и критиков: Б. Зайцева, А. Куприна, Ю. Мандельштама, М. Гофмана, П. Пильского, М. Цейтлина и др.

А.И. Куприн отмечал: «... русский язык, которым пользуется Надежда Городецкая, можно определить как природный, богатый и, самое главное, оригинальный, то есть не обнаруживающий никакой зависимости от современных мэтров».⁷ Интересно высказывание и Элизабет Хилл, английской переводчицы и лингвиста: «Я уважала ее <Городецкую> как коллегу: она была решительной, требовательной и справедливой; русский язык ее был превосходен, ее литературные оценки – проницательны. Она обладала чувством стиля и была хорошо знакома с классической русской литературой».⁸

Б.К. Зайцев в рецензии на роман Н. Городецкой «Мара» особо подчеркнул «изящное дарование» молодой писательницы.⁹

Н.Д. Городецкая публикует романы на русском («Несквозная нить», «Мара» и др.) и французском («L' exil des enfants») языках, многочисленные рассказы, очерки, статьи об эмигрантском быте, культуре, о русской и французской литературах того периода. Особо следует отметить ее знаменитые интервью, которые она брала у А.И. Куприна, И.А. Бунина, А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, Н.А. Тэффи, И.С. Шмелева, М.А. Алданова, В.Ф. Ходасевича, М.И. Цветаевой.

После публикации первого романа Н. Городецкой «Несквозная нить» в парижских газетах и журналах появились отклики на ее творчество. Так, М. Цейтлин в своей рецензии среди достоинств начинающей писательницы отмечал «хороший “почерк”», умение «видеть и изображать

⁷ Куприн А.И. Предисловие к роману Н. Городецкой «Les mains vides» // Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудров. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 757.

⁸ Хилл Э. Надежда Городецкая: изучение и осуществление кенозиса // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 759.

⁹ Возрождение. Париж. 1931. 29 июля. №. 2248.

увиденное». «В ее книге нет фальши, – писал критик, – она правдива».¹⁰ Сходное впечатление от романа Н. Городецкой находим и в отклике П. Пильского, который отмечает хороший стиль, искренность повествования. Именно поэтому роман «читается легко, притягивает естественной занимательностью, ненадуманной и тоже простой, как проста бывает сама жизнь».¹¹

Обращает внимание и доброжелательный отклик Ю. Мандельштама на роман Н. Городецкой «Дети в изгнании»¹². Критик отмечает «духовное беспокойство» героев писательницы, их стремление к «внутреннему преображению», обращение к вере, «хотя и почти бессознательное».¹³

Н.Д. Городецкая входит в литературное объединение «Кочевье» (образовано в Париже в 1928 году), становится участницей Франко-русской студии (1929-1931 гг.), целью которой было изучение русской культуры. Писательница оказалась свидетельницей чествования И.А. Бунина после присуждения ему Нобелевской премии, она берет у него интервью, в котором писатель делится своими первыми впечатлениями от известия о своей победе. «Этот живой материал, – отмечает А.М. Любомудров, – позволяет сегодня ощутить атмосферу литературной жизни русской эмиграции, увидеть человеческие типы, услышать реплики издателей, редакторов, литераторов. И, конечно, лучше понять облик Бунина-человека...».¹⁴

Писательница оказывается в центре не только литературной жизни русской эмиграции, но и жизни духовной. Городецкая неоднократно посещает Религиозно-Философскую академию Н.А. Бердяева, который становится ее духовным наставником. В начале 1930-х годов Городецкая выступает в Клубе молодежи Русского студенческого христианского

¹⁰ Цейтлин М. Н. Городецкая. Несковозная нить. Париж. 1929 // Современные записки. 1929. № 39. С. 533.

¹¹ Сегодня. 1929. 6 апр. № 94. С. 8.

¹² Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании). Париж, 1936.

¹³ Мандельштам Ю. «Дети в изгнании» // Возрождение. 1936. 12 апр. № 3966. С. 4.

¹⁴ Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 17.

движения с докладом о книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», на семинарах в академии Н.А. Бердяева – с докладами о новых тенденциях в русской и французской литературе, о связи художественного творчества и веры. Она увлекается идеями поэта, публициста и философа Шарля Пегги, который был вдохновителем целого поколения творческих деятелей французской культуры. Под влиянием католического священника-богослова Луи Жилле, перешедшего в православие, Городецкая приходит к принятию православной веры.

Отдельный этап жизни Н.Д. Городецкой связан с Англией, куда она переезжает в середине 30-х гг. по приглашению Н.М. Зёрнова, русского религиозного философа и богослова. Именно там она посвящает себя научной и преподавательской деятельности, изучает католицизм, протестантизм, увлекается идеей миссионерства. Н.Д. Городецкая работает в Оксфордском университете (одновременно с Дж. Толкином), в 1938 г. она получает степень бакалавра, а в 1944 г. защищает докторскую диссертацию и становится первой женщиной-лектором на богословском факультете. В 1956–1968 гг. руководит кафедрой славистики Ливерпульского университета, являясь там первой женщиной-профессором. В университете Городецкая возглавляет ассоциацию славистов и преподавателей русского языка, является членом Международного комитета славистов, что дает ей возможность посетить Советский Союз в составе делегации. Однако этот период жизни и творчества Н.Д. Городецкой изучен недостаточно, поскольку основные данные о нем находятся в архиве Оксфордского университета.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые творчество Н.Д. Городецкой стало предметом комплексного научного исследования, выявлены содержательные особенности её прозы и публицистики, проведен анализ ключевых произведений писательницы, определены эволюционные характеристики ее творчества. В научный оборот вводится роман «L'exil des enfants», переведенный автором диссертации с

французского языка. Все это позволило не только по-новому взглянуть на творчество младоэмигрантов, но и глубже понять специфику литературного и культурного пути русской эмиграции в целом.

Объект исследования – основные тенденции историко-литературной жизни русской эмиграции «первой волны», отраженные в творчестве Н.Д. Городецкой.

Предмет исследования – особенности изображения в прозе и публицистике писательницы духовно-эстетических и нравственно-религиозных установок русских эмигрантов, попытки обрести социокультурную и национальную идентичность.

Эмпирическим **материалом** для данного исследования послужили художественные произведения, очерки, статьи, беседы с писателями, письма Н.Д. Городецкой, вошедшие в сборник А.М. Любомудрова «Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма», а также роман «L'exil des enfants» («Дети в изгнании»), впервые полностью переведенный на русский язык автором диссертационного исследования.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование творчества Н.Д. Городецкой, ее литературной и журналистской деятельности, выявление соотнесенности творчества писательницы с общими закономерностями и тенденциями, характерными для историко-литературных и культурных процессов, происходивших в русской эмиграции «первой волны».

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- охарактеризовать историко-литературные процессы в среде русской эмиграции первой волны;
- осуществить анализ художественных и публицистических текстов в сопоставлении с фактами биографии писательницы;
- осмыслить творчество Н.Д. Городецкой в контексте общих тенденций литературного процесса русского зарубежья;

- обозначить основные тематические, идейные и композиционные особенности прозы Н.Д. Городецкой;
- выполнить перевод романа «L'exil des enfants», представить характеристику ключевых образов, идей и проблем произведения;
- выявить связь творчества Н.Д. Городецкой с традициями русской литературы и культуры;
- произвести комплексный анализ журналистских работ Н.Д. Городецкой, выявить их основные темы, идеи и стилевые особенности, соотнести с тенденциями в публицистике и журналистике русского зарубежья.

Методологическую и теоретическую базу исследования составляют работы по истории русской литературы: Ю.М. Лотмана, А.М. Панченко, Б.Ф. Егорова, Н.А. Богомолова, О.Н. Михайлова; русской и зарубежной религиозной философии: Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, В.С. Соловьева, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина, Ш. Пеги, Л. Жилле; по истории русского зарубежья и эмиграции: Г.П. Струве, В.С. Варшавского, В.В. Вейдле, О.А. Коростелева, Ю.А. Азарова, В.В. Костикова, А.И. Доронченкова, И.Н. Есаулова, К.В. Ратникова, И.А. Есаулова, А.И. Чагина, Р. Герра; о жизни и творчестве Н.Д. Городецкой: А.М. Любомудрова, О.А. Казниной, В.Т. Захаровой, Т.П. Сидоровой, Э.М. Хилл.

Специфика материала, а также цель и задачи исследования обусловили обращение к следующим **методам**: историко-литературному, позволяющему рассмотреть особенности и эволюционные изменения явлений литературы и культуры в контексте исторического процесса; историко-биографическому с целью выявления взаимосвязи творческой деятельности Н.Д. Городецкой и фактов биографии; сравнительно-типологическому и сравнительно-историческому методам, раскрывающим общие литературные тенденции, характерные для работ Н.Д. Городецкой и мастеров слова XIX и XX столетий.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении и расширении принципов историко-литературного анализа художественного и документального творчества малоизученного автора, что предполагает соотнесение творчества писателя с его биографией, которое, в свою очередь, открывает возможность прояснения и уточнения «художественной истории» того или иного произведения для его углубленного исследования.

В соответствии с полученными результатами исследования сформулированы следующие основные положения, выносимые на защиту:

1. Н.Д. Городецкая является представителем «незамеченного поколения», на что указывают факты её биографии (вступила на литературное поприще уже в эмиграции) и тематическая направленность художественных и публицистических произведений (быт и повседневность изгнанников, адаптация и ассимиляция младоэмигрантов).

2. В художественном творчестве Н.Д. Городецкой прослеживаются основные тенденции, обозначившиеся в литературе русского зарубежья первой волны, – обращение к образу дореволюционной России, к актуальным проблемам жизни русских изгнанников в начале XX века (в том числе, сохранение национальной идентичности, самоопределение младоэмигрантов), смещение акцента на изображение повседневности русской эмиграции, осмысление действительности через призму православных традиций.

3. В образной системе художественных произведений писательницы ключевыми являются женские и детские персонажи, через призму восприятия которых представлены политические, социальные и религиозные реалии начала XX века. Женщина в прозе Н.Д. Городецкой чаще всего изображается одинокой, страдающей от несчастной или безответной любви, но тем не менее внутренне готовой к испытаниям, преодолению жизненных трудностей и даже к самопожертвованию. Через тему детства писательница поднимает проблему самоидентификации

младшего поколения эмигрантов и раскрывает особенности осознания ребенком православия и христианства в целом.

4. Первостепенное значение в творчестве Н.Д. Городецкой имеет категория памяти как средство, позволяющее глубже раскрыть особенности психологии и мотивы поведения человека, передать специфику исторической обстановки, мироощущения эпохи, осмысления механизмов формирования личности и сохранения русской культуры. Память в художественных произведениях писательницы становится способом сохранения национальной идентичности эмигрантов, а воспоминания являются одним из главных приемов ретроспекции в воссоздании образов «старой» и революционной России.

5. Сквозной мотив художественной прозы Н.Д. Городецкой – одиночество. Оно проявляется в состоянии отчуждения как главного показателя страданий эмигрантов (чувства абсурдности мира и жизни, неполноценности, трагичности собственного бытия), а также в духовном уединении, когда герои чувствуют свое единение с Богом.

6. В прозе писательницы прослеживаются принципы «духовного реализма» (понимаемого как «художественное освоение духовной реальности»¹⁵), окончательно оформившегося в творчестве писателей-эмигрантов (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев). Они проявляются не столько в изображении богослужений, молитв, праздников, сколько в особенностях восприятия человеком православных традиций и религии вообще. Главным образом, это касается романа «Дети в изгнании», посвященного духовным исканиям младшего поколения, оставшегося без Отечества.

7. Важнейшей проблемой, отраженной в художественном и публицистическом наследии Н.Д. Городецкой, можно считать адаптацию изгнанников к жизни за границей и чужой культуре, раскрывающуюся чаще всего через детальное изображение эмигрантской повседневности. Не

¹⁵ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

менее значимым оказывается вопрос национального самосознания «третьего поколения» эмигрантов, представители которого покинули Россию в юном возрасте или родились уже за рубежом, вследствие чего, имели неясные, часто разрозненные представления о родной земле.

8. Одной из главных тем журналистских работ Н. Д. Городецкой является повседневность русской эмиграции, которая нередко раскрывается с помощью необычного приёма «интервью», позволяющего наиболее достоверно и выразительно показать трагедию изгнанников, оторванных от семьи и родины. Это характерно для портретных очерков о жизни бывших русских подданных во Франции, для статей, посвященных младшему поколению, и, прежде всего, для бесед с писателями: А.И. Куприным, И.А. Буниним, М.И. Цветаевой, И.С. Шмелевым, Б.К. Зайцевым и др.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества Н.Д. Городецкой как представителя «незамеченного поколения» и литературы русского зарубежья в целом. Кроме того, материалы могут быть востребованы в практике вузовского изучения литературы русского зарубежья при подготовке лекционных курсов, а также семинарских и практических занятий. Помимо этого, результаты исследования могут быть применены в элективных курсах по истории общественной мысли, культуры рубежа веков, религиоведения, социологии (изучение «повседневности»).

Апробация результатов исследования проводилась с 2016-го по 2022 гг. на заседаниях кафедры литературы Курского государственного университета, а также на международных и межвузовских научных и научно-практических конференциях: «Эпоха “великих потрясений” в литературе, языке и культуре» («Фетовские чтения»-2017», КГУ); «Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре» («Фетовские чтения-2019», КГУ); «А.А. Фет: взгляд сквозь века (к 200-летию со дня

рождения писателя)» (2020, КГУ-ОГУ); «Вокруг Лескова» (2021, ОГУ); «Традиции фольклора в современной культуре детства» («Юдинские чтения-2021», КГУ); «Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы» (2022, г. Уфа). Основные идеи и выводы диссертационного исследования отражены в 9 публикациях, из которых 3 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографического списка.

Глава I. Общая характеристика творчества Н.Д. Городецкой в контексте культуры русской эмиграции

1.1 Русская эмиграция как исторический и социо-культурный феномен

Эмиграция, согласно толковому словарю, это «вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам».¹⁶ В рамках человеческой истории эмиграцию можно рассматривать как обыденное явление: от эпохи древнего мира до настоящего времени процессы перемещения практически не прекращались. В качестве примера можно привести великое переселение народов, рассеивание арабов в I в., насильственное перемещение болгар и турок из Османской империи, кроме того с XVI-XVIII вв. важной составляющей населения Северной и Южной Америки становятся мигранты.¹⁷

В России в разные исторические периоды также фиксировались миграционные потоки в обе стороны, однако до начала XX века они не акцентировались и не политизировались в значительной мере. Данную мысль подтверждают сведения паспортного стола за 1898 год, приведенные А.И. Доронченковым: 175796 российских граждан и 226996 иностранцев покинули пределы Российской империи, вернулись в страну – 136354 и 279691 человек соответственно.¹⁸ Энциклопедический словарь «Россия» приводит схожие данные: с 1828 года по 1915 год империю покинуло до 3 миллионов граждан.¹⁹

¹⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. С. 913.

¹⁷ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1933): сравнительно-типологическое исследование. Монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 26.

¹⁸ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб, 2001. С. 6.

¹⁹ Цит по: Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 6.

Тем не менее русская эмиграция как исторический и социокультурный феномен возникает в XX веке, когда в результате революции и Гражданской войны, Советский Союз добровольно покинули и были высланы до 2 млн. человек (по данным Красного креста на 1.11.1920 г.). Следствием этого стало формирование русской диаспоры в странах Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки и Австралии.

Причинами эмиграции могут выступать как экономические кризисы, так и религиозные и политические конфликты. Все они находят отражение в российской истории – XX век практически полностью был ознаменован перемещением граждан. Принято выделять три волны: 1) первая волна – эмиграция времен революции и Гражданской войны (ее также называют белой или постреволюционной; временные рамки обычно очерчивают с 1917 по 1930 гг.).

2) вторая волна – эмиграция, возникшая в период Второй мировой войны (40-е гг.). Она формировалась главным образом из лиц, сотрудничавших с немецко-фашистскими оккупантами, участниками антисоветских военных группировок (УПА, РОА и др.), гражданами, вывезенными на работы в Германию.

3) третья волна (70-80-е гг.), связанная с возвращением на «историческую родину» (Греция, Израиль и др.), а также с выездом или высылкой диссидентов (И.А. Бродский, А.И. Солженицын и т.д.).²⁰

Однако вопрос хронологических рамок и состава русской эмиграции до сих пор не решен в полной мере. Например, А.Л. Гуревич выделяет четыре волны: первая (1920-е гг.), вторая (40-е гг.), третья (70-е гг.), четвертая (рубеж 80-х и 90-х гг.).²¹ В данной работе мы будем придерживаться первого варианта классификации.

Для формирования более полной картины русской эмиграции следует упомянуть Андрея Курбского, первого русского изгнанника,

²⁰ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 5-7.

²¹ Гуревич А.Л. Четыре волны русской эмиграции и их отношение к Православию // Альфа и Омега. Москва, 2003. № 35. С. 357-364. С. 357.

перебравшегося в Литву в 1564 году из-за гонений Ивана Грозного, дворянскую эмиграцию первой половины XIX века и экономическую эмиграцию 1900-х гг.²²

Следствием этих процессов становится появление значительного российского рассеяния еще до революции (около 2 млн. человек). И.В. Сабенникова подробно останавливается на анализе французской колонии до 1917 года. Так, еще в 1878 году во Франции зарождается одна из самых первых русских организаций – Общество русских художников, с 1909 года в Париже функционирует Русское сообщество, имевшее благотворительные задачи. В 1912 году появляется Кружок русских студентов, в 1913 году – Кружок Монпарнас, куда входят К.Д. Бальмонт и И.Г. Эренбург.²³

Тем не менее именно эмиграция начала XX века способствовала оформлению феномена русского зарубежья. Прежде всего, здесь необходимо рассматривать первую волну не столько вследствие ее масштабности и политизированности, сколько благодаря неопределимому вкладу в отечественные и зарубежные науку и искусство ее представителей.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных анализу различных сторон и аспектов этого периода (исторических, политических, культурологических, социологических, психологических, литературоведческих и др.), собран значительный объем фактического материала, который позволяет осуществлять исследования обобщающего характера для создания наиболее полной картины Зарубежной России начала XX века. Поэтому в нашей работе мы лишь кратко рассмотрим ключевые характеристики данного историко-культурного феномена.

²² Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с. С. 18.

²³ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1933)... С. 181-185.

По своему социальному составу русское зарубежье не было однородно, оно включало все слои общества дореволюционной России (крестьяне, рабочие, казаки, офицеры, врачи, журналисты, представители науки и искусства, политические и религиозные деятели). Интересен и гендерный фактор: большинство изгнанников были мужчинами трудоспособного возраста, поэтому исследователи сам период называют также трудовой эмиграцией.²⁴ Самыми востребованными профессиями являлись: водитель у мужчин (особенно характерно для бывших военных) и швея у женщин.

Наряду с этим исследователи отмечают высокий уровень образованности беженцев: абсолютное большинство эмигрантов имели начальное образование, более 30% – среднее, почти 10% – университетское.²⁵ Именно эта особенность определила уникальность созданного за рубежом сообщества, которое не обладало географическими границами, политической структурой, экономикой, но располагало значительной долей интеллектуальной, политической, культурной интеллигенции в своем составе.

За рубежом продолжалась политическая борьба. Ю.А. Азаров указывает на существование нескольких групп: 1) беженцы, не проявляющие особого интереса к политическим дискуссиям; 2) сторонники и активисты левых партий; 3) монархисты. Между различными политическими направлениями имелось немало противоречий, и, несмотря на попытки самих эмигрантов идейно сплотить сообщество (Зарубежный съезд 1926 года в Париже), соглашения достичь не удавалось. Единственным объединяющим фактором для всех групп и партий становится негативное отношение к Советскому Союзу.²⁶ Более того, изгнанники определяли большевизм как аномалию, стихийное

²⁴ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1933) ... С. 236.

²⁵ Большая российская энциклопедия «Россия». М: Большая рос. энциклоп. 2004. С. 411

²⁶ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940). М.: Совпадение, 2005. 235 с. С. 12.

бедствие, недаром писатели-эмигранты использовали библейские выражения в качестве характеристики революции, Гражданской войны, выезда из России (И.С. Шмелев «Солнце мертвых», Г.П. Струве «Литература в изгнании», Н.Д. Городецкая «Исход»).

В СССР отношение к эмиграции было определено еще в 20-х гг. XX века и существенно не изменялось на протяжении первой волны – всех изгнанников причисляли к белой эмиграции независимо от политических взглядов и жизненных обстоятельств. Впрочем, разрыв отношений между метрополией и диаспорой происходит не одновременно. На протяжении 1920-1922 гг. осуществлялся диалог, главным образом, в художественной сфере. Важнейшую роль в этом процессе играл Берлин. Так, знаковым моментом становится публикация литературно-художественного сборника «Шиповник» (1922 г.), в который вошли произведения как советских, так и эмигрантских авторов – Б.К. Зайцев, Ф.А. Степун, В.Ф. Ходасевич, А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак и др. Но к 1924 году практически все связи обрываются, и эмиграция перестает участвовать в культурной жизни страны. Органы периодической печати и частная переписка оказываются последними средствами поддержки творческих связей СССР и русской диаспоры.²⁷ Со временем стали появляться эмигранты, поддерживающие советскую действительность и готовые на полноценное сотрудничество. Наиболее заметным из них стало идейно-политическое течение «Сменовехцы», под влияние которого попали Н.А. Бердяев, П.Н. Милюков, М.С. Грушевский и др. Однако в большинстве своем изгнанники рассматривали формирование советской культуры как «процесс размывания ее национального компонента».²⁸

Вследствие замкнутости социальной и культурной жизни, а также заметного влияния иностранной среды возникает проблема дерусификации молодежи. Здесь речь идет о так называемом втором и третьем поколениях

²⁷ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 17.

²⁸ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 73.

беженцев, родившихся за рубежом или оказавшихся в эмиграции в детском возрасте. А.И. Доронченков выделяет две основные причины дерусификации: 1) естественные – отрыв от исторического и культурного пространства родины; 2) влияние воспитателей – иностранная среда, недостаточная национальная просвещенность.²⁹ Данная проблема получила широкое обсуждение – В.В. Зеньковский «Духовный облик современной молодежи», Н.А. Чернышев «Русское национальное воспитание и познание России», И.М. Малинин «Общие соображения по вопросу о возможности и формах воспитательного влияния школы на учащихся» и др. А.И. Доронченков в подтверждение этой мысли приводит слова профессора И.М. Малинина: «Наши дети знают лишь язык литературный (если знают), язык взрослых, их окружающих <...> Перед нами стоит задача, если мы не хотим потерять наших детей для России, заменить все то недостающее каким-то пусть искусственным, пусть недостаточным, но планомерным и настойчивым воздействием».³⁰

Не менее остро встает проблема переосмысления русской идеи, русскости и прошлого России. Этот вопрос находит отражение в публикациях эмигрантов (Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Г.П. Федотова и др.) и в самой «миссии» сохранения национальной идентичности. Культура становится ключевым аспектом в этом процессе, более того, для изгнанников приверженность к дореволюционным ценностям и традициям оказывается сопоставима с показателем нравственности. Поэтому причины активности в духовной и творческой деятельности можно увидеть в ожидании возвращения на родину и в склонности сохранить порядок старой России. Сознательный отказ от ассимиляции и стремление воссоздать за рубежом хотя бы одну из культурных составляющих Отечества (в русских музеях, библиотеках, школах, церкви, мастерских и т.д.) считаются главным аспектом в

²⁹ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 92-93.

³⁰ Цит по: Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 92-93.

разграничении первой и последующих миграционных волн XX века. Достаточно привести статистические сведения, отмеченные М. И. Раевым: в 1922 году количество неассимилированных граждан за рубежом составляло 718 тысяч.³¹ Представители второй и третьей волн в своем большинстве занимали антисоветскую позицию и были мало осведомлены о наследии и целях белой эмиграции. Напротив, изгнанники начала XX века не хотели ассоциировать себя ни с СССР, ни с Европой, опасаясь потерять ту классическую русскую культуру, сохраненную общими усилиями в российских диаспорах. Таким образом, они выступают в роли посредников между Россией и миром Запада, способствуя тем самым развитию диалога культур – одной из важных проблем в рамках русской эмиграции.³²

Более того, в сохранении и передаче наследия русской культуры будущим поколениям беженцы видели историческую значимость собственного исхода из России. М. Раев писал: «Эмиграция перестала быть лишь способом физического выживания, она приобрела характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины».³³ В этой миссии изгнанники видели возможности для возрождения прежней России. В Советском Союзе творческая интеллигенция не обладала средствами в полной мере реализовывать собственный творческий потенциал: деятелей науки и искусства высылали за границу, их произведения подвергались цензуре и запрещались. Музыкальное и изобразительное искусство, литература, кинематограф оказались под жестким государственным контролем.

Напротив, беженцы располагали полной свободой в творческой деятельности. Это подтверждается огромным количеством литературных,

³¹ Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс, 1994. С. 261.

³² Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с. С. 24.

³³ Раев М.И. Россия за рубежом... С. 14.

музыкальных произведений, развитием живописи, балета, театра и т.д. Французский славист Р. Герра в своей книге «Они унесли с собой Россию» указывает на то, что в сложившихся политических обстоятельствах Серебряный век мог найти продолжение только в русском зарубежье: «Эмигранты сделали правильный выбор. Да, безусловно, любая эмиграция – трагедия, но для них она оказалась удачей. Здесь, в Советской России, они не смогли бы создать ничего подобного».³⁴

Естественно, сложившаяся политическая ситуация вызывала споры о культурном процессе в метрополии и в диаспорах. Как уже отмечалось выше, в СССР деятельность эмиграции рассматривали как контркультуру, а следовательно, враждебную по отношению к советским гражданам. Изгнанники настаивали на обратной точке зрения, указывая на идеологизированность, политизированность всех сфер искусства. Третий путь предлагали сменовехцы и «парижские кадеты», искавшие, как отмечает Л.Г. Березовая, «точки соприкосновения русского «духа» в новой России и в России, ушедшей за рубеж».³⁵

Расцвету культуры в изгнании способствовали ощущение у беженцев причастности к трагедии России (многие представители интеллигенции оказались носителями революционных идей, которые преподносились обществу, в том числе средствами публицистической и художественной литературы), тяжелые социально-экономические условия жизни и моральная неопределенность эмигрантов.

Кратко опишем основные тенденции развития культуры русской эмиграции первой волны. Продолжали свою деятельность художники – К.А. Коровин, К.С. Малевич, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский и др. Заметного успеха добились представители авангардных течений, главным образом, М.З. Шагал, ставший зачинателем экспериментального

³⁴ Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920 – 1970). СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2004. С. 14.

³⁵ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.)// Новый исторический вестник, 2001. № 3. С. 121.

направления «парижская школа», тем не менее, постоянно обращавшийся в своих работах к русским мотивам. Важно отметить и другую сферу деятельности художников-эмигрантов – они оказались задействованы в оформлении костюмов, декораций для оперных и балетных постановок, спектаклей в Париже, Берлине и Нью-Йорке (С.Ю. Судейкин, Б.Д. Григорьев, Н.К. Рерих и др.). К концу 20-х гг. авангардные группы теряют популярность, но работы П.Н. Филонова, М.З. Шагала, К.С. Малевича, В.В. Кандинского и др. обогатили не только отечественную, но и мировую художественную культуру.

Не менее значимым был вклад русских композиторов (И.Ф. Стравинский, С.В. Рахманинов), певцов (Ф.И. Шаляпин, А.Н. Вертинский, Н.В. Плевицкая), балерины и танцоры (Т.П. Карсавина, М.Ф. Кшесинская, А.П. Павлова, С.М. Лифарь, М.М. Фокин и др.). «Русские сезоны» под руководством С.П. Дягилева, а затем С.М. Лифарь стали для европейского зрителя олицетворением русского искусства. Усилиями эмигрантов в зарубежье удалось поставить получившие широкую известность оперы «Князь Игорь», «Снегурочка», «Царская невеста», «Сказание о граде Китеже» и т.д.³⁶ Более детально эти аспекты рассматривались в исследовательских трудах М. Литаврина, А. Толстой, В.А. Тесемникова, Н.В. Сабенниковой, Г.Л. Березовой и др.).

В Зарубежной России становится возможным возрождение иконописи. Активность эмигрантов в духовной сфере обеспечивала усиление интереса к этому виду искусства. Здесь стоит упомянуть работы Д.С. Стрелецкого – автора росписи храма Сергиева подворья в Париже, в которой соединились византийские и древнерусские мотивы, а также деятельность историка, археолога Н.П. Кондакова, создателя иконографического метода изучения памятников искусства.

Задачам сохранения классической культуры отвечало и открытие в Европе большого числа музеев и создание архивов. Самым крупным

³⁶ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции... С. 132-133.

считается Русский культурно-исторический музей, основанный в 1933 году в Праге. Сюда передавали свои работы эмигрантские художники, в особенности Н.К. Рерих, для картин которого была организована отдельная секция. Среди архивов выделяется Архив славянского искусства, организованный Н.Л. Окуневым. В эмиграции возрождается библиотека им. И.С. Тургенева, основанная самим писателем в 1875 году. В ее распоряжении оказываются произведения изгнанников, а также документы, дневники и письма, вывезенные из России.

Не обошлось за рубежом без создания образовательных и специализированных учебных заведений. Были организованы и вели активную деятельность Русская музыкальная школа (Ю.Н. Померанцев), Русская драматическая школа (Ю.Э. Озаревский), художественная школа-мастерская (В.И. Шухаев).

Подводя итог анализу русской эмиграции как социо-культурному феномену, можно сказать, что эмигрантами активно велась разнообразная, многосторонняя культурная и просветительская работа, что обеспечивало своеобразное продолжение Серебряного века, оборвавшегося в России с революцией и Гражданской войной. Однако вместе с этим исследователи³⁷ отмечают и заметную тенденцию обращения к традициям XIX века. Она отразилась не только в художественном творчестве, но и в организации и формах культурной жизни. Ярким примером является возвращение к популярным в XIX веке кружкам, клубам и салонам (собрания на Монпарнасе, салон В.А. Маклакова). Но наиболее важным был салон З.Н. Гиппиус, который посещали как мэтры, так и начинающие литераторы зарубежья, в том числе Н.Д. Городецкая.

Отметим, что русская культура за рубежом подвергалась значительному иностранному влиянию. Это отразилось в появлении в эмигрантском творчестве новых идей, образов, тем (например, влияние Ф.

³⁷ См. Казнина О.А. Религиозно-философская мысль и литературный процесс Русского зарубежья // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х гг. Серия «История русской литературы XX века». Москва. 2010. С. 230-374.

Кафки и М. Пруста на писателей «незамеченного поколения»³⁸ Указанная тенденция имела и положительный результат: в условиях отрыва от метрополии она обеспечивала обновление и «выживание» культуры Зарубежной России. В качестве подтверждения приведем слова эмигранта первой волны, французского академика Анри Труайя (Л.А. Тарасов): «Испытания, выпавшие на долю этих российских изгнанников, еще более обострили их чувства, сделали талант более зрелым, и ностальгия по исчезнувшим далям возвысила их душу».³⁹

С другой стороны, нельзя не обозначить распространение в 30-е годы XX века в западном мире моды на все русское: литературу, музыку, в особенности массовую песенную культуру, оперу, балет, русский стиль в прикладном искусстве (в одежде, обуви, украшениях).⁴⁰ Данный процесс отразился в нескольких очерках Н.Д. Городецкой, посвященных жизни эмигрантов в Париже: «Русская женщина в Париже», «Русская женщина в кино», «Русские студенты» и т.д.

Именно это определило уникальность эмигрантов как носителей одновременно русских и европейских традиций⁴¹, а также стало подтверждением мыслей Ф.М. Достоевского о «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости» русской культуры: «Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?».⁴² Принятие ряда иностранных тенденций не помешало русской эмигрантской культуре стать одним из важных инструментов сохранения национального самосознания. С этих позиций исследователи русского мира (Г.П. Струве, В.С. Варшавский,

³⁸ Герра Р. Они унесли с собой Россию... С. 311.

³⁹ Цит по: Герра Р. Несостоявшийся диалог. Русская эмигрантская культура и французская интеллигенция. 1920-1970 // Новый Журнал. 2009. №257. Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/257/nesostoyavshijsya-dialog.html>

⁴⁰ Городецкая Н.Д. Русская женщина в Париже // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2013.

⁴¹ Ситниченко К.Е. Своеобразие становления русской культуры в условиях эмиграции // Вестник ЮУрГУ, 2006. №17. С. 110.

⁴² Достоевский Ф.М. Пушкин // Речи о Пушкине: 1880-1960-е годы. М.: Текст, 1999. С. 58.

О.Н. Михайлов и др.) рассматривают глубинную роль эмиграции в возрождении России.

Таким образом, представителями эмиграции был внесен заметный вклад в развитие отечественного и мирового искусства. Однако до сих пор остается малоизученной деятельность многих культурных деятелей, в частности представителей ассимилированного зарубежья (византолог Андрэ Грабар, писатель Анри Труайя).⁴³ Заполнение этих «пробелов» остается одной из приоритетных задач исследователей русской эмиграции.

1.2 Основные тенденции литературного процесса русского зарубежья

Значительная роль в процессе сохранения и передачи *русской* культуры принадлежала именно литературе, что связано, прежде всего, со способностью словесного искусства наиболее точно отражать социально-экономические изменения в обществе, передавать отношения автора к происходящим событиям, вскрывать причинно-следственные связи различных явлений.

Как уже отмечалось ранее, активная писательская деятельность способствовала в зарубежье продолжению Серебряного века, практически закончившего в России в результате революции и Гражданской войны. Эмигрантские мастера слова имели возможность создавать произведения, свободные от политической и идеологической цензуры. Впрочем, здесь мы должны сделать оговорку, отмеченную Ю.А. Азаровым: несмотря на отсутствие в русском зарубежье каких-либо официальных запретов, определилась своеобразная общественная установка, которая находила отражение в издательских и редакторских ограничениях на конкретные идеи и темы, например, о «возвращенцах».⁴⁴ Подобное давление

⁴³ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны»... С. 11.

⁴⁴ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 18.

оказывалось в том числе на авторитетных писателей (В.В. Набоков, М.А. Осоргин и др.). Поэтому о свободном художественном творчестве в эмиграции также можно говорить лишь условно. Тем не менее здесь художники могли в полной мере воплощать творческие замыслы. Это касается как тех, кто уже получил признание у читателей и критиков (старшие эмигранты), так и еще неизвестных поэтов и писателей (младшие эмигранты). Такое деление на старших и младших обозначено в научной и справочной литературе, но разграничение проявляется довольно условно. Одним из определяющих критериев является указанное выше обстоятельство: те, чье творчество сложилось и стало известным читателю еще в России, принадлежат к старшим эмигрантам – А.И. Куприн, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, М.А. Ремизов, М.А. Осоргин, И. Северянин, С. Черный, Д.Д. Бурлюк, К.Д. Бальмонт, Вяч. И. Иванов. Те же, кто стал полноправным литератором в эмиграции, относятся к младшим или к «незамеченному поколению» (термин В.С. Варшавского) – В.В. Набоков, Г.И. Газданов, М.А. Алданов, Б.Ю. Поплавский, Н.Н. Берберова, Д.Э. Кнут, В.А. Смоленский, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп, И.Н. Голенищев-Кутузов, Ю.В. Мандельштам, Ю.К. Терапиано и др.

Именно благодаря этому в зарубежной России возникла уникальная обстановка – «в одном духовном пространстве оказались писатели, принадлежавшие к различным, подчас полярным направлениям: традиционно именовавшие себя «реалистами» (И.А. Бунин, А.И. Куприн, А.Н. Толстой, И.С. Шмелев), «модернисты» (А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, позднее – Е.И. Замятин), символисты (К.Д. Бальмонт, Н.М. Минский, Д. С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Вяч. И. Иванов), акмеисты (Г. В. Иванов, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп) <...> натуралисты (И.Ф. Наживич, М.П. Арцыбашев, Е.Н. Чириков)».⁴⁵

⁴⁵ Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. М.: Просвещение, 1995. С. 63

Перечисленные обстоятельства способствовали развитию публицистики, журналистики, литературной критики. Крупные издательские центры существовали в Германии, Франции, Чехии, Югославии, Болгарии, Китае (прежде всего, в Харбине). Наиболее распространенной формой печатной продукции стали газеты и журналы («Последние новости», «Накануне», «Возрождение», «Современные записки», «Числа», «Иллюстрированная Россия» и др.), где публиковались писатели и поэты русской диаспоры (А. М. Ремизов, В.Ф. Ходасевич, Н.Н. Берберова, А. Белый, И.А. Бунин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский и др.).⁴⁶

Дискуссии о русской культуре занимают важное место в публицистике того времени – как в советской, так и в эмигрантской. Одной из главных становится тема революции и искусства. В этой связи необходимо упомянуть своеобразный «диалог» М. Горького и И.А. Бунина на страницах статей, заметок и в записных книжках. Указанные писатели придерживались противоположных позиций о взаимодействии культуры и революции. Например, по мнению А.Н. Руцкого, И.А. Бунин считал указанные выше понятия несовместимыми, для М. Горького, напротив, революция стала «движущей силой» культурного прогресса (И.А. Бунин «О Горьком», «Опять Горький», М. Горький «Несвоевременные мысли», «Из дневника» и т.д.).⁴⁷ Подобные споры нередко возникали в эмигрантской публицистике, критике, литературе и играли важную роль в осмыслении культурных тенденций того времени.

Что касается анализа литературного процесса, то здесь следует говорить о литературе русского зарубежья как о сложном, многогранном и многослойном явлении с различными направлениями, жанрами и стилями. Спектр тематики эмигрантских произведений также достаточно широк.

⁴⁶ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции... С. 130-132.

⁴⁷ Руцкий А.Н. К вопросу об историко-литературном контексте «Окаянных дней» И.А. Бунина: революция и культура в публицистике русского зарубежья и публицистике метрополии 1920-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2010. №1. С. 177-184.

Прежде всего, необходимо остановиться на обращении литераторов к образу старой России, осмыслении ими ее настоящего и будущего. Вполне естественно, что для изгнанников изображение покинутой родины оказывалось наиболее значимым в творчестве. Тема России так или иначе прослеживается в прозе и лирике всех эмигрантских авторов, особенно часто она звучит у старших эмигрантов, хорошо знавших и помнящих отечество. Память становится в произведениях инструментом воссоздания старой России, поэтому самыми распространенными жанрами являются мемуары и автобиографии (И.А. Бунин «Автобиографические заметки», А.И. Куприн «Воспоминания», Н.Н. Берберова «Курсив мой», В.В. Набоков «Память, говори» и т.д.). В произведениях изгнанников нашли отражения разные грани образа родины. Остановимся на них подробнее. Необходимо выделить как особую тему исторических судеб России и русской культуры: В.В. Набоков «Дар», М.А. Осоргин «Свидетель истории» и др. Темы России и духовного пути соотечественника, рожденного в России, – центральные в творчестве И.А. Бунина («Окаянные дни», «Канарейка», «Русская сказка», «Несрочная весна» и др.). В работах Б.К. Зайцева («Путешествие Глеба», «Москва», «Далекое»), И.С. Шмелева («Лето Господне»), М.А. Осоргина («В юности») и др. воссоздаются образы потерянной родины, а также находит отражение дореволюционное мироощущение её граждан. Лейтмотивом произведений эмигрантов становится гибель Российской империи как катастрофа, апокалипсис – например, И.А. Бунин сравнивает разрушение России с крушением древних цивилизаций. И наконец, тема революции и Гражданской войны также прослеживается во многих произведениях изгнанников: И.А. Бунин «Окаянные дни», З.Н. Гиппиус «Петербургский дневник», И.С. Шмелев «Солнце мертвых», А.М. Ремизов «Взвихренная Русь», М.А. Осоргин «Сивцев Вражек» и др.

Конечно, старшие и младшие эмигранты обращались к изображению собственного изгнания: А.И. Куприн «Колесо времени», «Жанетта»,

Б.К. Зайцев «Дом в Пасси», М.А. Осоргин «Вольный каменщик», В.С. Варшавский «Монпарнасские рассказы», стихи Б.Ю. Поплавского и др.

С мотивом изгнанничества связана тема памяти как своеобразного инструмента сохранения культуры и личности. Так, для В.В. Набокова воспоминания играют роль духовного акта «собираания и воскрешения» («выздоровления») личности. Поэтому обращение к памяти у прозаика изображено как движение вперед, в поисках духовного покоя («Другие берега», «Память, говори»).

С категорией памяти соотносится тема православия. Революция, Гражданская война, изгнание – определило необходимость в духовной опоре для русского гражданина. Именно генетическая, национальная память приводит человека к «Молитве Господней» (А.И. Куприн). И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев и др. становятся создателями отдельного направления, названного А.М. Любомудровым «духовным реализмом», т.е. реализмом, для которого характерно «художественное освоение духовной реальности».⁴⁸ Это наблюдается и в произведениях «Лето Господне» (И.С. Шмелев), «Путешествие Глеба» (Б.К. Зайцев), «Дети в изгнании» (Н.Д. Городецкая), где происходит осмысление России и православия как единого целого.

Одной из важных особенностей литературного процесса зарубежья становится переосмысление русской классики. Г.П. Струве противопоставлял эмигрантскую и советскую литературу, считая последнюю идентичностью уже иного сообщества, иных норм и законов. Поэтому одной из наиболее важных задач эмиграции исследователь видел сохранение, развитие и передачу традиций литературы XIX века будущим потомкам. Эта тенденция отразилась как в художественных произведениях (обращение писателей и поэтов к образам русской классической

⁴⁸ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 38.

литературы), так и в исследованиях наследия мастеров слова Золотого и Серебряного века (И.А. Бунин участвовал в жизнеописании Л.Н. Толстого, В.Ф. Ходасевич изучал творчество А.С. Пушкина, Б. Зайцев – творчество И.С. Тургенева). Благодаря эмигрантским переводчикам иностранному читателю стали доступны произведения Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и др.

В оторванности литературы русского зарубежья от культуры метрополии заключалась одна из наиболее острых проблем эмиграции. В.Ф. Ходасевич в статье «Литература в изгнании» пишет: «Она лишена их (новых идей – Л.Г.) именно потому, что не сумела стать подлинно эмигрантской, не открыла в себе этот пафос, который один мог придать ей новые чувства, новые идеи, а с тем вместе и новые литературные формы. Она не сумела во всей глубине пережить собственную свою трагедию».⁴⁹

Однако мы видим и другую сторону этого процесса – за рубежом художники слова получили возможность реализовывать творческие замыслы, вести активную публикационную, исследовательскую, критическую работу. В период эмиграции создаются знаковые для русской литературы произведения словесного искусства (А.И. Куприн «Юнкера», «Колесо времени»; В.В. Набоков «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»; Н.Н. Берберова «Последние и первые», «Курсив мой»; И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи»; З.Н. Гиппиус «Живые лица» и др.). Появляются молодые поэты и писатели, названные В.С. Варшавским «незамеченным поколением» (В.С. Яновский «Колесо», «Мир»; В.С. Варшавский «Шум магов Франсуа Виллона»; Е.В. Бакунина «Любовь к шестерым», «Тело»; И.В. Одоевцева «Ангел смерти», «На берегах Невы»; С.И. Шаршун «Заячье сердце. Лирическая повесть»).

Критично оценивавший культурные успехи русского зарубежья В.Ф. Ходасевич тем не менее наибольшую ценность эмигрантской литературы

⁴⁹ Ходасевич В.Ф. Литературная критика 1922 – 1939 / под ред. Л.М. Суриса. М; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 58.

видел именно в деятельности младшего поколения, сумевшего признать и воплотить в собственном творчестве трагический опыт изгнания. Исследователи указывают на стремление «младших» к самостоятельности в литературной деятельности, поэтому в Зарубежной России существовало множество кружков, клубов начинающих литераторов (Ю.А. Азаров, Е.И. Пивовар). Так, в 1925 году был учрежден Союз молодых поэтов и писателей, который позже распался на две литературные группы: «Перекресток» (1928-1937 гг.) и «Кочевье» (1928-1939 гг.). К первому принадлежали Ю.В. Мандельштам, В.А. Смоленский, Ю.К. Терапиано, некоторое время заседания посещали В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова. В «Перекрестке» придерживались классических литературных традиций. А.Ю. Азаров отмечает даже дискуссию участников объединения с Г.В. Адамовичем о роли новаторства в художественном творчестве.⁵⁰

К воплощению иных идей стремились участники «Кочевья» (второе название «Свободное литературное объединение»), утверждающие новую эстетику, т.к., по их мнению, традиции ограничивают творческий поиск. Руководителем кружка был писатель, публицист М.Л. Слоним, а участниками – Б.Ю. Поплавский, М.А. Струве, В.С. Варшавский, С.И. Шаршун, Г.И. Газданов, Н.Д. Городецкая.⁵¹ В «Кочевье» ориентировались на советский литературный опыт, а также неоднократно звучала мысль о закате творчества старших эмигрантов и неполноценности литературы русского зарубежья (М.Л. Слоним), что частично совпадает с указанным выше мнением В.Ф. Ходасевича. Поэтому художественный труд незамеченного поколения оказывается крайне важен в осмыслении всей культуры русского зарубежья.

В большинстве своем «сыны эмиграции» оказались лучше интегрированы в иностранную среду: здесь они получали образование, занимались творческой и профессиональной деятельностью, усваивали

⁵⁰ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 34.

⁵¹ Там же. С. 36.

зарубежные нормы и традиции, особенности культуры и искусства. Зарубежье воспринималось представителями младшего поколения как реальность, а связь с Россией основывалась подчас на отрывочных детских и юношеских воспоминаниях. Поэтому объектом их творчества становится, прежде всего, повседневный эмигрантский быт, жизнь русских беженцев как сопротивление и выживание. Это определило появление большого количества автобиографических произведений, которые выступали как форма изображения собственного одиночества, трагедии поколения и конкретного человека. Кроме того, мемуаристику «незамеченного поколения» можно рассматривать с позиции своеобразного вызова советской литературе, иностранной культуре и отчасти творчеству старшего поколения.

Особенностями автобиографических произведений становятся пристальное внимание к психологии, внутреннему миру человека, неотшлифованность языка, обращение к иностранным традициям, отсутствие художественных излишеств и адресации широкому кругу читателей. Мемуары младоэмигрантов Г.В. Адамович назвал «человеческим документом» подчеркивая их правдивость, достоверность и биографизм.⁵²

Автобиографические произведения младшего поколения дают наиболее точное представление об эмигрантском быте, материальном и социальном положении беженцев, о жизни Парижа, Берлина, Софии, Харбина, о психологии человека XX века и «духе времени», что представляет значительный интерес для разных научных областей.

Для советского читателя эмигрантские произведения долгое время были практически недоступны (исключения составляют труды А.И. Куприна, М.И. Цветаевой и др.). Лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. начинается активный процесс возвращения. Это влечет за собой появление

⁵² Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 кн. Кн 2. («Последние новости» (1932-1933) / Подг. Текста, сост и примеч. О.А. Коростылева. СПб.: Алетейя. 2007. 512 с. С. 36.

научных, справочных и популяризаторских трудов. В настоящее время невозможно представить отечественную литературу без творчества И.А. Бунина, В.В. Набокова, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, З.Н. Гиппиус и др.

Исследование феномена белой эмиграции в целом и литературы русского зарубежья в частности начало осуществляться самими изгнанниками и их современниками – Г.П. Струве «Русская литература в изгнании», В.С. Варшавский «Незамеченное поколение», В.Ф. Ходасевич «Литература в изгнании», Ф.А. Степун «Задачи эмиграции», «О человеке “Нового Града”», Н.А. Бердяев «Новое средневековье», «Судьба России», Ю.К. Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 – 1974)», Г.В. Адамович «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» и др.

Одной из важных проблем литературного процесса зарубежья, поставленной самими изгнанниками и окончательно не решенной до сих пор, является так называемый «спор о двух потоках». Одним из первых о проблеме заговорил В.Ф. Ходасевич (статья «Там или здесь?»), вслед за ним раскол двух литературных процессов отметил Г.В. Адамович (Литературные заметки»). Многие изгнанники считали, что настоящей является только эмигрантская литература, свободная от советской идеологии и цензуры. С другой стороны, можно привести мнение М.Л. Слонима, неоднократно указывающего на то, что русская литература осталась именно в СССР, а в эмиграции этот процесс нежизнеспособен вследствие оторванности от метрополии, а потому обречен на провал (статья «Литературные дневники»). Наиболее обоснованной оставалась точка зрения Г.П. Струве, по мнению которого, литература зарубежья – это лишь временно отведенный «поток», который однажды возвратится в общее русло.⁵³ Окончательно эта проблема обозначилась на симпозиуме «Одна или две русских литературы?» в 1978 году. Многие исследователи

⁵³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с. С. 22.

последних десятилетий постепенно приходят к мнению о том, что двух литератур (советской и зарубежной) никогда не существовало. В нашей работе мы будем опираться на точку зрения А.И. Чагина, утверждавшего наличие единой русской литературы и двух литературных процессов – в СССР и в Зарубежной России.⁵⁴

В Советском Союзе исследования носили несистемный и зачастую идеологический характер. В.В. Костиков в книге «Не будем проклинать изгнание» пишет: «В худшие годы нашей истории действительные или мнимые грехи эмиграции широко использовались для борьбы с честной и свободной мыслью в советской России, прежде всего для шельмования интеллигенции».⁵⁵

Однако уже с 60-х гг. в литературоведении СССР обозначилось стремление к полному и глубокому исследованию художественного творчества эмигрантов и включение его в общие процессы русской литературы XX века (труды О.Н. Михайлова, А.А. Саакянц, В. Рослякова)⁵⁶.

В настоящее время анализу белой эмиграции как историко-культурного феномена посвящено множество научных работ отечественных и зарубежных исследователей – М.В. Назаров «Миссия русской эмиграции», А.И. Чагин «Расколота лира. (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920—1930-е годы)», Ю.А. Азаров «Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры, периодика, взаимосвязи (1918–1940)» и др.

Тем не менее, русская литература зарубежья – это сложное и многогранное явление, изученное не в полной мере, анализ творчества младоэмигрантов носит локальный и несистемный характер (исключение

⁵⁴ Чагин А.И. Расколота лира : Россия и зарубежье : Судьбы русской поэзии в 1920-1930-е годы. РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького: Наследие, 1998. - 269 с. С. 102-110.

⁵⁵ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. С. 7.

⁵⁶ Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. М.: Просвещение, 1995; Саакянц А.А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1986; Росляков В. Реванш? Литературные споры и размышления // Литературная газета, 1987. №35.

составляют Б.Ю. Поплавский, В.В. Набоков и Г.И. Газданов), многие писатели и поэты младшего поколения до сих пор остаются не открытыми российскому читателю. Это затрудняет создание полной картины русской эмиграции начала XX века.

1.3 Н.Д. Городецкая – представитель «незамеченного поколения»

Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985), писательница, публицист, журналист, богослов – одна из ярких представителей «незамеченного поколения». Она родилась 10 августа (28 июля по старому стилю) 1901 года в Москве, детство провела в Тверской губернии, Новгороде, Гатчине. Восстанавливая канву детских и отроческих лет жизни Надежды Городецкой, А.Л. Любомудров обращается к письмам ее родителей, сохранившимся в архивах. На их основании исследователь делает вывод, что «девочка росла, не ощущая крепких родственных связей, была лишена прочного семейного быта. Ни с отцом, ни с матерью, кажется, у нее не сложилось душевных теплых отношений».⁵⁷ Исследователь считает, что автобиографическая повесть писательницы «Белые крылья» вполне передает непростые отношения в семье Городецких. Со своим отцом Даниилом Михайловичем Надежда практически не общалась, так как он постоянно находился в разъездах (на основании повести можно предположить, что он умер перед самой революцией), а с матерью Марией Дмитриевной были сложные отношения. Так, например, в повести читаем: «За малейшую оплошность мама на меня ворчала, упрекала в лености»; «С мамой я ладила все меньше. Каждое ее резкое слово вызывало во мне взрыв ненависти. <...> С детства моего она решила, что я буду некрасива, хитра и завистлива. Ложась спать, я складывала руки крестом и мечтала не проснуться».⁵⁸

⁵⁷ Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 6.

⁵⁸ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 46, 47–48.

В 1917 году Надежда окончила Мариинскую женскую гимназию в Полтаве, а семнадцатилетнем возрасте стала свидетелем революции и Гражданской войны. Эти события она сопоставляет с трагедией библейского масштаба. Подтверждение мы находим в рассказе «В дни потопа» («Возрождение», 1930), где писательница приводит строки из Евангелия о последних временах: «Горе беременным и питающим сосцами в те дни...».⁵⁹

С ранней юности писательница была обречена на одиночество, скитальчество и борьбу за существование. В 1919 году вместе с потоком беженцев семья Городецких отправилась из Полтавы на юг, и в толпе Надежда потеряла своих родных и больше уже никогда их не видела. С большим трудом ей удалось сесть на корабль и добраться до Константинополя, а затем до Югославии. Она оказалась в чужой стране одна, без каких бы то ни было родственных и дружеских связей, без средств к существованию.

Э. Хилл, хорошо знавшая Н.Д. Городецкую, так описывает ее положение: «Надя, привлекательная девушка, была одинока в этом мире. У нее не было никаких семейных связей, никаких знакомых, которые помогли бы ей. Ее сверстники, как и сама она, были оторваны от своих корней, разбросаны по миру, лишены всего. Они были равнодушны к земным благам и даже презирали их. Их общей долей стала бедность».⁶⁰

В маленькой автобиографической заметке «О себе» Н.Д. Городецкая вскользь говорит о своих тяготах: «Ну а жизнь... Это на “народный суд” выносить печально...»⁶¹ Чтобы выжить, она много и тяжело работает: на сушке медицинских растений, статисткой в кинематографе, посудомойкой в русском ресторане, гувернанткой, выполняет «разные мелкие случайные работы».

⁵⁹ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 201.

⁶⁰ Хилл Э. Надежда Городецкая: изучение и осуществление кенозиса // Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудров. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 761.

⁶¹ Городецкая Н.Д. О себе // Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 38.

Элизабет Хилл, отмечая сдержанность и замкнутость своей подруги, в то же время говорит о ее тонком чувстве юмора, но смех Надежда «всегда сдерживала, словно ей казалось грехом смеяться».⁶² Удивляет Э. Хилл и манера поведения Городецкой: хотя она всегда была «исполнена достоинства и дружелюбия», поведение ее было «как бы извиняющимся». Поражали и ее глаза, «в которых была печаль и даже трагизм». Э. Хилл рассказывает о впечатлении, которое производила Городецкая на бывшего актера МХАТа Павлова: «...он смотрел на Надежду как ребенок на незнакомого человека и спрашивал меня тревожным шепотом: “Кто эта женщина? У нее глаза человека, который пытался утопиться”. Ее глаза действительно были такими – глазами женщины, пережившей не одну драму. Но я никогда не совала нос в ее частную жизнь. Ничего не знала о ее одиссее...».⁶³

А.М. Любомудров на основании сюжетов нескольких произведений Н. Городецкой, повторяющихся в них мотивов (неудавшееся счастье, смятенность героини, ее душевное одиночество, усталость от жизни и безысходность) высказал предположение, что у писательницы в жизни действительно была личная драма. Так, например, сцена «самоубийства женщины, бросающейся в реку, описана Городецкой дважды – в рассказе “Самоубийство” и в романе “Мара”. Эти описания совпадают и в мотивировках, и в подробностях, в них присутствует детальный хронометраж ощущений, мыслей, состояний человека, расстающегося с жизнью. Как и в рассказе, героиню романа вытаскивает лодочник; единственное различие в том, что Мару вернуть к жизни не удалось, Ольгу откачивают».⁶⁴ Подтверждением автобиографического начала может служить и тот факт, что писательница дает героине имя своей родной сестры – Ольга.

⁶² Хилл Э. Надежда Городецкая: изучение и осуществление кенозиса... С. 760.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 12.

Выжить Н.Д. Городецкой помогло творчество. Так, в автобиографической заметке «О себе» она сообщает: «При всем этом и назло всему этому – писала. Первый роман – брала рукопись в киностудию. Строчила в перерывах между свистками и прожекторами», – вспоминала она.⁶⁵

Канву жизни Н.Д. Городецкой воспроизводит еще одно автобиографическое произведение «Мемуары эмигрантской бабушки» («Сатирикон», 1931), иронично повествующее о пребывании эмигрантов в Константинополе, Греции, Швейцарии, Франции. Именно этот путь проходит и сама Н.Д. Городецкая. В Югославии начинается ее литературная деятельность: она обучается в Загребском университете, начинает увлекаться писательским ремеслом. Подробно это описано в автобиографическом очерке «О себе»: «Первый в жизни заработок: физическая работа в Югославии на сушке медицинских растений. Второй – гонорар за мелкие рассказы на хорватском языке (сама писала, не перевод; вообще первая мною напечатанная проза!) в газете “Jutarnji List”, в Загребе».⁶⁶

Расцвет литературной и публицистической деятельности писательницы достигается в Париже, куда переезжает в 1924 году. В столице Франции, являвшейся центром русской культуры, Н.Д. Городецкая печатается в эмигрантских журналах «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Воля России», «Сатирикон», «Россия и славянство», а также в иностранных изданиях «Cahiers de la quinzaine», «France et monde», «Intransigéant». Во Франции Н.Д. Городецкая публикует романы «Несквозная нить», «Мара», «L'exil des enfants», многочисленные рассказы («Нежность», «Имена», «Лазурные берега», «Снег»), автобиографические очерки («Со дна памяти»), статьи о жизни русских беженцев в Париже («Русский колледж около Парижа», «Русская

⁶⁵ Городецкая Н.Д. О себе. // Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 38.

⁶⁶ Там же. С. 38.

женщина в Париже», «Русская женщина в кино»), интервью с писателями (А.И. Куприн, М.А. Алданов, Н.А. Тэффи, В.Ф. Ходасевич, М.А. Цветаева, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, И.А. Бунин и др.).

Так, в 1933 году в журнале «Возрождение» появляется детальный репортаж Н.Д. Городецкой о чествовании И.А. Бунина, ставшего лауреатом Нобелевской премии: «Еле приехавшего в Париж И.А. Бунина рвут на части, но вчера он, по собственному его выражению, “вырвался повидать друзей” и зашел в “Возрождение”. Многих сотрудников не оказалось на месте, пришлось за ними спешно посылать. В редакции А.И. Куприн правил корректуру».⁶⁷ Буквально одной фразой писательнице удается раскрыть читателю личность И.А. Бунина, передать мельчайшие детали эмоционального состояния, окружающей обстановки: «И.А. (Бунин – Л.Г.) уходит. Вряд ли удастся ему отдохнуть. Его сейчас подхватят французские журналисты. А вечером, как вчера, он, вероятно, ища покоя, станет воевать с многочисленными лампами».⁶⁸

Н.Д. Городецкая участвовала в собраниях литературного объединения «Кочевье», возглавляемого публицистом, критиком М.Л. Слонимом. Кружок, как уже упоминалось выше, был организован прежде всего для молодых писателей и во многом ориентировал их на советскую литературу. На одном из заседаний обсуждался роман Н.Д. Городецкой «Несквозная нить». А позже писательница написала для газеты «Возрождение» статью «Кочевье», в которой выявила сильные и слабые стороны объединения. По мнению исследователя, позиция, которую занимал журнал, не была близка Городецкой: «В статье “Кочевье” (1931) она констатирует его творческую истощенность. “Тянет к новым сюжетам, к вопросам души и духа, – и просыпается чувство ответственности, без которого поистине трудно мыслить русского

⁶⁷ Городецкая Н.Д. И.А. Бунин в «Возрождении» // Возрождение. 1933. 17 ноября. №3090

⁶⁸ Там же.

писателя”, – подчеркивает она, замечая, что “Кочевье” не помогает в пробуждении этого сознания». ⁶⁹

Отношения Городецкой с руководителем «Кочевья» Марком Слонимом тоже не сложились. Он достаточно резко отозвался о ее романе «Несквозная нить», отказывая ему в каких бы то ни было художественных достоинствах. В одной из статей М. Слоним писал, что роман «производит впечатление какого-то блеклого, вылинявшего узора: нет ни размаха, ни яркости, все очень прилично, но серо и неподвижно...». ⁷⁰

Видимо, подобная точка зрения на творчество Н. Городецкой превалировала при обсуждении романа «Несквозная нить» на заседании «Кочевья», которое состоялось 28 февраля 1929 года, поскольку Г.Н. Кузнецова в одном из писем к Л.Ф. Зурову высказывается о том, что «критика была очень суровая, бесцеремонная, с отсутствием всякого плана и логики». ⁷¹

С другой стороны нельзя не отметить позицию самой Н.Д. Городецкой в этом вопросе. В статье «Кочевье» она пишет о важной роли критики для литератора, указывая одну из главных целей создания этого творческого объединения – возможность молодежи «встречаться и читать неизданные свои произведения и подвергать их строгой критике». ⁷² Поэтому можно предположить, что писательница воспринимала столь активное обсуждение «Несквозной нити» положительно, считая критику необходимым инструментом совершенствования художественного произведения – его идейно-образной системы, стиля и т. д. Об этом говорит и тот факт, что второй роман «Мара» (1931 г.) был принят гораздо теплее.

Следует отметить, что на защиту молодой писательницы встал Б.К. Зайцев. В очерке «Леонов и Городецкая» он, вступая в полемику с М.Л.

⁶⁹ Любомустров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 15.

⁷⁰ Слоним М.Л. Молодых писатели за рубежом // Воля России. 1029. № 10 – 11. С. 114-115.

⁷¹ Письмо Г.Н. Кузнецовой Л.Ф. Зурову 1 марта 1929 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 251.

⁷² Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 693.

Слонимом, отмечает: «Городецкой рядом с Леоновым положительно везет. Она тоже молода, но более дебютантка, у нее нет претензий «возглавлять» литературу <...> она просто русская писательница». И добавляет о ее втором романе: «"Мара" написана хорошо — крепче, сложнее, значительнее первого романа Городецкой («Несквозная нить»）」⁷³. Примечательно, что Б.К. Зайцев сознательно ставит в один ряд имя неизвестной писательницы и маститого литератора, тем самым давая понять, что Н.Д. Городецкая ему гораздо ближе по духу.

При обсуждении романа «Несквозная нить» на заседании «Кочевья» возникли претензии к названию произведения, так как смысл словосочетания оказался неясен критикам и читателям, в том числе и французским. Между тем название романа взято из терминологии швейного дела, что позволяет взглянуть на идею произведения под иным углом: главная героиня Вера вынуждена постоянно и часто безуспешно бороться с внешними обстоятельствами (чуждые обычаи и традиции в доме мужа, революция, эмиграция), которые мешают «сложиться» единому узору на «ткани» ее жизни. Дополняет образ одинокой женщины, несчастной в любви, потерявшей связи с родными, с отечеством, французский вариант названия «*Les mains vides*» («С пустыми руками») (в 1931 году роман был переведен для европейского читателя), во многом призванный объяснить иностранцам жизнь русского изгнанника. В подтверждение приведем слова А.И. Куприна, писавшего в предисловии к французскому изданию романа, что в нем читателю представлена жизнь «простой русской женщины <...> часто это жизнь без порывов, без подвигов, без высоких идеалов, без трагических падений. Жизнь, полностью сотканная из будничных мелочей, власть которых столь сильна».⁷⁴

⁷³ Зайцев Б.К. Леонов и Городецкая // Возрождение. 1931. 29 июня. № 2248.

⁷⁴ Куприн А.И. Предисловие к роману Н.Д. Городецкой «*Les mains vides*» // Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 757.

В целом А.И. Куприн высоко оценивает роман Н. Городецкой. Он отмечает «богатый, природный» язык писательницы, энергию и свежесть повествования, персонажей, приходящих «из далеких времен». Показательны и заключительные слова рецензии: «Все это не доказывает ли неоспоримо, что произведение Надежды Городецкой вдохновлено любящим сердцем и что книга написана умелой рукой – рукой талантливого писателя?».⁷⁵

Н.Д. Городецкая была активной участницей и «Франко-русской студии», основанной в 1929 году с целью усиления интереса эмигрантов первой волны к французской культуре. Деятельность этого общества показывает, что отношение представителей старшего и младшего поколения к новым тенденциям в западной литературе было различным. Д.В. Токарев анализирует заседания Франко-русской студии и делает вывод о том, что старшие эмигранты имели собственную точку зрения на русское и европейское искусство, а контакты с французской интеллигенцией рассматривали как способ продвижения русской идеи.⁷⁶

Так, В.В. Вейдле высказывает критическое мнение о необходимости подобного диалога: «Всего досаднее <...> то, что действительно крупные русские писатели, живущие в Париже, попали в редкую по убожеству французскую литературную среду <...> И лучше не вводить русских писателей во французскую литературу, если нельзя это сделать иначе, как с черной лестницы».⁷⁷ Младшее же поколение искало новые идеи в новинках западного искусства и не сопротивлялось европейскому влиянию. Поэтому Франко-русская студия становится площадкой для

⁷⁵ Там же. С. 757.

⁷⁶ Токарев Д.В. «Русская душа» и «Esprit français»: обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях франко-русской студии в Париже (1929-1931) // К истории идей на Западе: Русская «идея» / под ред. В.Е. Банго и М.Э. Маликовой. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 457.

⁷⁷ Дашков Н. (Вейдле В.) Об одной попытке франко-русского сближения // Возрождение. 1929. 12 сентября. №1563. С.3.

дискуссий не только с представителями французской культуры, но и основой для диалога обоих поколений русской диаспоры.⁷⁸

М.К. Гидини отмечает, что с 1930 года встречи «Франко-русской студии» принимают религиозно-философский характер, а одним из главных вопросов для обсуждения оказывается тема «Запад и Восток», по поводу которой выступал и Н.А. Бердяев. Более того, Студия становится местом дискуссий между эмигрантами и французскими писателями, религиозными деятелями (Жака Маритена, Марселя Пеги, Робера Себастана) о христианстве и литературе.⁷⁹

Данный вопрос интересует и Н.Д. Городецкую. Она публикует несколько статей о католической литературе, о тенденциях французской литературы того времени, переписывается с Н.А. Бердяевым, оказавшим на писательницу значительное влияние, а в 1931 году на заседании Студии выступает с докладом о поэте и публицисте Шарле Пеги («Charles Réguy et son œuvre»). Тексты докладов были собраны и опубликованы Л. Ливаком в 2005 году в сборнике «Франко-русская студия (1929-1931)».⁸⁰ Кроме того, заседания Студии способствовали проявлению интереса писательницы к религиозно-философской сфере. Там она получает возможность беседовать с Н.А. Бердяевым, знакомится с духовным писателем, архимандритом Львом (Жилле), который также посещал собрания, активно участвовал в дискуссиях о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском.⁸¹

Именно этот период внес значительные изменения во взгляды Н.Д. Городецкой, религия выходит на первый план, писательница интересуется историей религии, а также преломлением религиозных традиций в литературе. Результатом подобных размышлений становится роман «Дети в изгнании», опубликованный в 1933 году на французском языке и повествующий о жизни «третьего поколения» (термин

⁷⁸ Токарев Д.В. «Русская душа» и «Esprit français»... С. 457

⁷⁹ Гидини М.К. *Jacov Pavlovitch и Monsieur Berdiaeff: Запад и Восток во «Франко-русской студии»* // *Donum homini universalis: сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева*. М.: ОГИ, 2011. 424 с. С. 74-82

⁸⁰ *Le Studio Franco-Russe (1929-1931)*. "Toronto Slavic Library". *Séries*, 2005.

⁸¹ Токарев Д.В. «Русская душа» и «Esprit français»... С. 474.

Н.Д. Городецкой), т.е. о тех, кто родился за рубежом или покинул Россию в раннем возрасте. В произведении затрагивается тема Православия, его роли в жизни эмигрантов; тем самым Н.Д. Городецкая продолжает традицию «духовного реализма» (термин А.М. Любомудрова), начатую в эмиграции И.С. Шмелевым («Лето Господне») и Б.К. Зайцевым («Путешествие Глеба»).

Значительное влияние на писательницу оказал архимандрит Лев (Жилле), пробудивший у Н.Д. Городецкой идеи миссионерства и обративший ее к исследованиям истории религии. По приглашению философа, публициста и богослова Н.М. Зёрнова она в 1934 году перебирается в Англию и, прежде всего, занимается религиозными вопросами. Писательская деятельность уходит на второй план: последний опубликованный рассказ «Сон» датируется 1937 годом. А.М. Любомудров в статье «Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества» отмечает: «Претворять реальность в художественный вымысел она (Н.Д. Городецкая – Л.Г.) уже не хотела и не могла. Она почувствовала потребность непосредственно обратиться к вопросам веры, богословия, заняться христианской практикой». ⁸²

В Англии Н.Д. Городецкая выступает в роли историка литературы и религии, защищает диссертацию «Униженный Христос в современной русской мысли», содержащую примеры самоотречения в творчестве писателей. На основе этого научного труда выходит книга писательницы с тем же названием, рецензию на которую написал В.В. Вейдле. ⁸³

Кроме того, писательница занимается преподавательской деятельностью, становится первой женщиной-лектором на богословском факультете Оксфорда, а затем и первой женщиной-профессором Ливерпульского университета; активно публикует статьи о русской

⁸² Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 30.

⁸³ См. В.В. Вейдле Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Lusern: Vita Nova Verlag, 1938; Gorodetzky N.. The Humiliated Christ in Modern Russian Thought. S.P.C.K., London, 1938; Berdiaev N. Les sources et le sens du communisme russe. Paris: Gallimard, 1938 // Современные записки, 1939. №69.

литературе («Княгиня Зинаида Волконская»), создает фонд для обустройства Дома Св. Григория Нисского и Св. Макрины.

Скончалась писательница 24 мая 1985 года в Оксфорде.

Весомый вклад в изучение жизни и творчества писательницы внес А.М. Любомудров, собравший и опубликовавший художественные и публицистические труды Н.Д. Городецкой в сборнике «Остров одиночества», благодаря чему произведения писательницы стали доступны для исследователей литературы русского зарубежья, а также широкому кругу читателей.

Как видим, Н.Д. Городецкая вела активную литературную, публицистическую, научную и богословскую деятельность, выступала в качестве критика и преподавателя в самых престижных университетах (Оксфордский и Ливерпульский университеты), неоднократно получала поддержку со стороны литературных и общественных деятелей эмиграции. Так, публицист М.Л. Слоним в статье «Заметки об эмигрантской литературе» скептически оценивает литературные достижения русского зарубежья, в особенности художественную деятельность младшего поколения, тем не менее М.Л. Слоним выделяет талант трех молодых писательниц эмиграции – Н.Н. Берберовой, И.В. Одоевцевой и Н.Д. Городецкой.⁸⁴

Впрочем, критики по-разному относились к прозе Н.Д. Городецкой, звучали как положительные, так и негативные отклики. Например, Б.К. Зайцев в статье «Леонов и Городецкая» пишет: «Дарование ее [Городецкой – Г.Л.] идет из истоков личных и «женской» натуры», а также позитивно оценивает ее роман «Мара», написанный «крепче, сложнее, значительнее» первого романа «Несковзная нить»⁸⁵. А.И. Куприн обращает внимание читателей на язык писательницы: природный, богатый и, самое главное, оригинальный, т.е. не обнаруживающий никакой зависимости от

⁸⁴ Цит по: Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 38.

⁸⁵ Зайцев Б.К. Леонов и Городецкая // Возрождение, №2248, 29 июня 1931 г.

современных метров».⁸⁶ В.В. Вейдле в письме В.В. Рудневу пишет: «Вышла по-английски книга Н.Д. Городецкой «The Humiliated Christ in Modern Russian Thought». Сперва я хотел написать просто краткую рецензию на нее, но теперь думаю, что лучше по ее поводу (соединив это с кратким отзывом о ней) написать нечто вроде продолжения моих «Мыслей о русской душе», так как в книге собран весьма интересный материал об идее (и чувстве) унижения, кенозиса в русск[ой] литературе и обществ[енном] мнении прошлого века, а ведь это переживание религиозного или крипто-религиозного порядка есть и в самом деле одна из основ “русской души”».⁸⁷

Продолжение размышлений литературоведа мы находим в упомянутой выше рецензии В.В. Вейдле: «Работу Н. Д. Городецкой надо рассматривать прежде всего как обширное и тщательное собрание материалов, — ценное отнюдь не для одного только иностранного читателя, — на тему чрезвычайно важную для понимания России и русской литературы, но которую у нас, в плане описательном и историческом, не разрабатывал еще никто».⁸⁸

С другой стороны, прозаик, публицист русского зарубежья, литературный секретарь Д.С. Мережковского В.А. Злобин в статье «Тяжелая душа» так описывает посещение Н.Д. Городецкой дома Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус: «Однажды, уже в эмиграции, в Париже, какая-то дама, бывавшая одно время у Мережковских на воскресеньях, прислала им в подарок книгу-роман, непонятно зачем ею написанный. Он назывался «Несквозная нить» и был какой-то странный»⁸⁹.

⁸⁶ Куприн А.И. Предисловие к роману Н. Городецкой «Les mais vides»//Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 30.

⁸⁷ Вейдле В.В. «Не думайте, что я забыл “Современные записки”» // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – Т.3 – С. 34.

⁸⁸ Вейдле В.В. Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Lusern... С. 394-396.

⁸⁹ Злобин В.А. Тяжелая душа: лит. Дневник, воспоминания, статьи, стихотворения. М.: Интелвак, 2004. 623 с.

А сама З.Н. Гиппиус в письме к В.Н. Буниной опубликованные беседы Н.Д. Городецкой с писателями называет «беспомощной чепухой».

Русский поэт и литературный критик Ю.В. Мандельштам, подробно анализируя роман «L'exil des enfants», указывает на сильные и слабые стороны творчества Н.Д. Городецкой. Так, он отмечает, что ее «герои не всегда убедительны. Слишком прямолинейны и несложны их характеры...» В то же время критик положительно отзывается о «новеллистическом» даровании писательницы: «В романе [«Дети в изгнании» – Л.Г.] чувствуется лирическое дыхание, свое переживание. Прелестны два вставных эпизода, образующих как бы отдельные новеллы <...> Судя по всему, повести удаются Городецкой больше, чем длинные романы».⁹⁰

В творчестве писательницы отразились многие особенности, присущие литературе русского зарубежья, а также культурному и историческому процессу XX века. Так, с одной стороны, основные темы ее произведений во многом схожи с актуальными проблемами, интересовавшими большинство эмигрантов первой волны: тема России, эмиграции и Православия. Н.Д. Городецкая продолжает традиции «духовного реализма», исследует понятие культурной памяти как инструмента сохранения нации. Главные темы ее творчества – одиночество, отчужденность, неполноценность бытия изгнанников, несчастная и безответная любовь присуще практически всей женской прозы эмиграции. В художественных произведениях писательницы нашли отражение и традиции XIX века, особенно это заметно в созвучии с идеями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Подробнее на этом мы остановимся во 2 главе данной работы. Анализ художественных произведений Н.Д. Городецкой подтверждает мысль исследователей о том, что на литературный процесс за рубежом влияло не только стремление эмигрантов сохранить культуру дореволюционной России, но и

⁹⁰ Мандельштам Ю. В. «Дети в изгнании» // Возрождение. 1936. № 3966. С. 3 – 4

участившееся обращение писателей к категории памяти и религии (прежде всего, к православию).

Можно утверждать, что Н.Д. Городецкая – одна из ярких представителей «незамеченного поколения». Она сотрудничала с ведущими изданиями русского зарубежья («Воля России», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» и т.д.), опубликовала многочисленные рассказы, очерки, несколько романов («Мара», «Несквозная нить», «Дети в изгнании»), в том числе переведенные на французский язык, принимала участие в работе творческих объединений и групп («Франко-русская студия», «Кочевье»), проводила активную журналистскую, научную, богословскую и преподавательскую работу. Поэтому изучение жизненного и творческого пути Н.Д. Городецкой позволит не только взглянуть под новым углом на прозу и поэзию младоэмигрантов, но и глубже понять специфику литературного и культурного пути русской эмиграции в целом.

Глава II ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.Д. ГОРОДЕЦКОЙ

2.1 Приемы ретроспективного повествования в изображении России

Как уже отмечалось ранее, в художественном творчестве Н.Д. Городецкой отразились основные тенденции литературы русского зарубежья. Писательницу интересуют самые разные вопросы, о которых она размышляет в своей прозе – проблемы будущего России, «детей эмиграции», развития русской культуры. Исходя из тематической специфики беллетристики и фактов биографии Н.Д. Городецкой, ее произведения условно можно разделить на три основных блока, в рамках которых функционируют «константные» образы и мотивы: Россия, эмиграция, православие.

Тема России оказывается центральной в творчестве эмигрантских литераторов, так или иначе ее касаются и «старшие», и «младшие» изгнанники. Воссозданию потерянной родины через воспоминания о прошлом посвящены труды И.А. Бунина («Потерянный рай», «Канарейка», «Морфей»), Г.И. Газданова («Вечер у Клэр»), И.С. Шмелев создает идеализированный образ дореволюционного отечества («Лето Господне», «Богомолье»), М.А. Осоргин обращается к художественным традициям XIX века, в особенности толстовским и тургеневским («Времена»), А.М. Ремизов воспекает древнерусские мотивы, народное мирозерцание, сказки («Посолонь»).

Для Н.Д. Городецкой, покинувшей страну в девятнадцатилетнем возрасте, Россия является практически сакральным образом. В автобиографическом очерке «Со дна памяти» она пишет: «Но есть уверенность в том, что страдание только начинается, а впереди много

сурового труда и еще ... Россия».⁹¹ И действительно, в художественном творчестве писательницы образ России присутствует в том или ином виде: в живописном описании местности, дореволюционного быта и традиций («Новгород», «Белые крылья»), в образах русских эмигрантов, остро чувствующих связь с утраченной землей («Филемон и Баквида», «Самоубийство»), в рассуждениях о русской душе, непонятой иностранцами («Мемуары эмигрантской бабушки», «Из жизни Кати Белосельской»), в православном контексте («Дети в изгнании»).

Отдельно стоит выделить несколько «вариаций» темы России: Россия дореволюционная, Россия в период революции и гражданской войны, образ России-воспоминания (у эмигрантов), оппозиция Россия-Запад. Рассмотрим их подробнее.

Тема царской России является важной в творчестве Н.Д. Городецкой, до девятнадцатилетнего возраста жившей в Тверской губернии, в Новгороде, Гатчине, Полтаве. В художественных произведениях писательница часто обращается к собственным детским воспоминаниям, которые помогают воссоздать образ потерянной родины. Ярким подтверждением является рассказ «Новгород», посвященный детским впечатлениям о родной земле и местных традициях. Цикл «Ушедшая Россия»⁹², объединяет рассказы-откровения, сохранившие картины той старой, дореволюционной России, о которой герои произведений Н.Д. Городецкой будут вспоминать в эмиграции с особой теплотой и трепетом («Новгород», «Букет», «Мещаночка», «Имена», «Впотьмах» и др.). В перечисленных рассказах акцент смещается прежде всего на описание деревенского быта, пейзажей природы, православных праздников, походов в кинематограф, первой любви – все то, что составляет тихую, размеренную жизнь простого русского человека. Эти воспоминания дороги сердцу автора, поэтому с особой тщательностью прописываются

⁹¹ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 42

⁹² Там же.

мелкие, казалось бы, ничего не значащие детали, но именно они создают неповторимый образ ушедшей России: «Я и подруга моя Юля тайком выбрались из сада на городской вал... На обеих русские сарафаны, нити, бус».⁹³

Та старая, почти забытая Россия ассоциируется со спокойной, счастливой, беззаботной жизнью. В этом контексте неоднократно звучат слова радость, удивление, нежность, красота, любовь. Лейтмотивом произведений является любовь, главным образом, у юных людей, поэтому их чувства сильные, малопонятные, часто трагичные.

В рассказе «Поклонник» главная героиня Лида только готовится вступить во взрослую жизнь, но уже познает ревность, предательство и потерю любимого. В рассказе «Букет» подросток Юра впервые осознает это чувство и восторженно понимает, что открывает целый новый мир. То же происходит с сестрами Марфой и Марией из произведения «Имена», чувствующих связь между любовью и Богом. В эти рассказы вплетаются описание местности (монастырей, театров, парков), праздников (Масленица, Пасха) и религиозных ритуалов (причастие), одежды. Например, изображение одного весеннего дня из произведения «Мещаночка»: «В городском парке березы душисты и бледно-зелены, клены цветут, разворачивая лапчатые листья. Реалисты на скамье сидят под елкой курят, задевают барышень».⁹⁴

Совершенно иным предстает образ России в эпоху смены власти. Акцент при этом смещается с пейзажных характеристик, описания традиций и быта старой России на психологическое состояние персонажей, ощущение общей нервозности происходящего и приближающейся катастрофы. В романе «Несквозная нить» наиболее ярко представлен образ революционной России. В центре внимания оказывается украинский хутор, пытающийся жить в прежнем ритме, но военные действия

⁹³ Там же... С. 160

⁹⁴ Там же. С. 173.

нарушают заведенный порядок. Так это описывает Н.Д. Городецкая: «Через неделю без боя в город вошла белая армия. Андрей Ильич явился коменданту и был отправлен на царицынский фронт. Накануне ушел чернобровый брат его, но – по убеждению – с красными, а родителям бросил жену и четверых ребят».⁹⁵

В романе перед читателем разворачивается трагичное описание жизни России во время и после Гражданской войны – это нищета, голод, смерть; доходящие почти до безумия попытки найти заработок, иметь хоть что-то, чтобы поесть и согреться, как это отмечается в рассказе «Родина»: «Письма из России приходили все реже, содержание их было непонятно... Сестра Кречетова помогала крестьянам на выжимке подсолнухов и запаслась маслом на всю зиму. Что это было за масло ... и почему интеллигентной женщине надо помогать крестьянам – это было не ясно. Потом тетя Лиля уведомила о смерти своей матери и о том, что ей удалось выменять собрание сочинений Толстого на хорошую суконную занавеску, так что у мурки будет теплое пальто».⁹⁶

Нередко изображения реалий советской жизни облекались в форму горькой иронии, как, например, в рассказе «Гадание»: «Елку в том году не ожидали: до елки ли тут, когда люди стоят в очередях за предметами первой необходимости, а праздники объявлены пережитком?».⁹⁷ Особый трагизм проявляется в детских воспоминаниях об этом времени: «Он (Петров – Л.Г.) рассказал о детстве, отравленном Гражданской войной и голодом, об уличных боях, о нетопленной школе второй ступени...» («Из жизни Кати Белосельской»)⁹⁸.

В прозе Н.Д. Городецкая представляет собственное мнение о произошедших событиях. Чаще всего позицию писательницы передают слова персонажей, как в романе «Дети в изгнании» при обсуждении

⁹⁵ Там же. С. 64.

⁹⁶ Там же. С. 496.

⁹⁷ Там же. С. 273.

⁹⁸ Там же. С. 300.

советских реформ: «А теперь еще наши шальные коллектив изобрели. Иду я позапрошлый год по селу, а Петька Куренко в нетрезвом, извините, состоянии на гармони нажаривает. «Ты бы, говорю, Петр, вместо того, чтобы «Чайку» наигрывать, трубу в хате починил». А он мне на это, что частная собственность упраздняется... Старики, мол, для нового строя без надобности».⁹⁹

Отдельно оговорим тему революции и Гражданской войны, ставшую одной из ключевых в русской литературе XX века. Трактовались события 1917-1922 гг., различно: одни писатели и поэты (Ю.Н. Либединский, Н.Н. Асеев, Э.Г. Багрицкий, В.В. Маяковский) склонны были романтизировать и идеализировать русскую революцию, другие (В.В. Розанов, И.А. Бунин, А.А. Ахматова) уподобляли ее стихии, апокалипсису, концу истории.¹⁰⁰

Эмигрантские авторы также не имели однозначного взгляда на значение политического переворота для истории страны – И.С. Шмелев, А. Белый, В.Ф. Ходасевич и др. верили в «Нового человека в России», в возможность очищения страны в пожаре революции; И.А. Бунин, Е.И. Замятин, отчасти А.Н. Толстой видели в революции смуту, тот самый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».¹⁰¹ «Это злодеяние совершил Бунт, который родился одновременно с революцией, уподобился ей на время, украл ее лозунги и извратил их, обманул народы – удушил свободу и всякую жизнь», – писал Л.Н. Андреев в 1919 году в статье «S.O.S.».¹⁰²

В настоящее время прослеживается желание исследователей понять причины и последствия политических событий начала XX века. Особое

⁹⁹ Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании)... С. 26. [Перевод автора диссертации].

¹⁰⁰ Овчаренко А.Ю. «Сабля да книга – чего же еще?»: романтика революции в русской литературе 1920 – 1930-х годов // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. №1. С. 164.

¹⁰¹ Цит по Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 115.

¹⁰² Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). Под ред. и со вступ. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб, 1994. С. 360.

значение в этих условиях приобретают документальные свидетельства очевидцев, письма, мемуарная и художественная литература, способная передать не только исторические факты, но и атмосферу той эпохи, ощущения современников. Одним из таких произведений является роман Н.Д. Городецкой «Несквозная нить», опубликованный в Париже в 1929 году и посвященный непростой судьбе женщин в годы Гражданской войны и в эмиграции.

А.О. Овчаренко отмечает одну из главных черт русской поэзии и прозы того времени – «дух» революции, пафос разрушения старого мира, блоковский «мировой пожар».¹⁰³ Однако в вышеупомянутом романе тема революции и Гражданской войны раскрывается иначе – как на содержательном, так и на эмоциональном уровне.

Во-первых, повествование передает атмосферу спокойствия, размеренности и будничности жизни украинской деревни, где последствия революции практически не ощутимы, а о Гражданской войне напоминают обстрелы, голод, кражи, разговоры о фронте. Но перечисленное имеет для героев второстепенное значение. По-настоящему важны для них заботы о доме и хозяйстве, работа в поле, семья, вера. Н.Д. Городецкая открывает читателю атмосферу тревожного ожидания войны, предчувствие приближающихся смерти и разрушения: «Старухи садились в кружок под дубом, у колодца, искали друг друга и жаловались на дурные предзнаменования: дети роют окопы, таскают хлеб, жадничают без меры – к войне, к голоду».¹⁰⁴ В этом контексте слово «предзнаменование» приобретает значение библейской трагедии, ощущение которой было присуще и самой Н.Д. Городецкой (она часто вводит в художественные

¹⁰³ Овчаренко А.Ю. «Сабля да книга – чего же еще?»... С. 164.

¹⁰⁴ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 72.

произведения цитаты из Библии), и ряду других русских поэтов и прозаиков (А. Блок, М. Булгаков, А. Ахматова, И. Шмелев).¹⁰⁵

Во-вторых, с Гражданской войной в романе «Несквозная нить» соотносится образ разрушенной России и самой жизни, уничтожение христианских, моральных основ бытия: «В прежние времена ходил он (свекор – Л.Г.) в положенные дни в церковь, соблюдал посты – но после революции, кто-то сказал, что Бога нет, он легко этому поверил. Это было так же невероятно и возможно, как то, что нету царя, а вместо земского сидит Оська Капустник, разгульный парень из Копыловки».¹⁰⁶ Автор с горечью отмечает, что в людях после революции проснулось нечто звериное, стремящееся к выживанию любой ценой, христианские нормы отходят на второй, третий, четвертый план. Так, попытка главной героини романа Веры попасть в вагон оборачивается настоящим боем даже не за место, а за возможность попасть в поезд.

Армия, народ и вся страна оказываются подлыми и бесчеловечными, одержимыми жаждой разрушения: «С тех дней, когда армия начала растекаться по деревням, обдирая бархат с сидений второго класса, а в третьем проламывая доски из отделения в отделение с обычным: “Митька, руби окно в Явропу!” – вся Россия двинулась и пошла колесить с севера на юг».¹⁰⁷

В свете происходящих событий то самое ложное спокойствие героев романа основывается на неверии в возможность изменения их привычного, заведенного задолго до них, порядка. От этого и возникает у Веры гнетущее чувство чего-то необъяснимого, непонятного, перед чем она оказывается беспомощной: «Так же внезапно... Вера поняла войну, – теперь она разом почувствовала революцию. Было что-то неповторимое и

¹⁰⁵ Революция 1917 года в зеркале художественной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://akunb.altlib.ru/wp-content/uploads/2017/01/tem-podborka-Revolyutsiya-1917-goda-v-zerkale-hudozhestvennoy-literaturyi.pdf>

¹⁰⁶ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 73.

¹⁰⁷ Там же. С. 78.

чудовищное в этой ожившей ночной станции, в незастегнутых офицерах, в бабах, рвущихся на буфера, в бесцельном над ними самоуправстве...»¹⁰⁸.

Как и в булгаковской «Белой гвардии», герои «Несквозной нити» стремятся жить дальше в прежнем ритме, пытаются сохранить остатки разрушенного мира с заботами, разговорами, надеждами на будущее. И в то же время они более трезво оценивают меняющийся мир и собственные силы: «Но не большевики были страшны – вся жизнь превратилась в стихию, людей несло, сметало, и ничья единичная воля не могла задержать этого движения».¹⁰⁹

Революция воспринимается как черта, разделившая жизнь на безмятежное «до» и необъяснимое, тревожное «после», в котором есть только настоящее, но нет будущего. Эту незримую границу эмигрантская писательница очерчивает с помощью огромного числа мелких деталей быта, интерьера, описаний природы, изображения повседневных забот, переездов. Для Н.Д. Городецкой такие детали оказываются средством изображения Гражданской войны: от спокойной жизни украинской деревни до вступления в Новороссийск красных. С каждым штрихом возрастает напряжение, ускоряется действие – эвакуацию лазарета писательница показывает как паническое бегство с поля боя, когда в суматохе и неразберихе люди теряли друг друга.

Один из героев «Несквозной нити» капитан Кирилл Сергеевич говорит: «Каждая эпоха имеет свою романтику. Мы живем как будто торопливо и распущенно. На самом деле война научила нас ценить жизнь и меньше притворяться. Во всем нашем времени есть огромный пафос свободы и правды».¹¹⁰ Однако роман Н.Д. Городецкой есть опровержение этой в чем-то справедливой мысли. Ни понять, ни оправдать революцию писательница не может. И хотя в художественном произведении не описываются боевые действия, массовые убийства, грабежи, беззаконие,

¹⁰⁸ Там же. С. 76.

¹⁰⁹ Там же. С. 97.

¹¹⁰ Там же. С. 86.

Н.Д. Городецкая приводит читателя к мысли о рожденном революцией смешении добра и зла, правды и лжи, красных и белых: «Днем зашел сосед...и сообщил, что идут на них какие-то волчьи шкуры...

– Что-й-то будет?

– То буде – холера. По селам уж якись паны издят, кидают ии по колодцам.

– Так то, говорят, не паны, а махновцы.

– Кто их разберет! Все одно...». ¹¹¹

И белые, и красные обирают население, несут разрушение и смерть. Писательница сравнивает революцию и Гражданскую войну со смертельной болезнью, от которой нет спасения: «Среди палаты на одиноко выступающей нечистой кровати бредил тифозный. Его бросали и как будто бы радовались этому – словно именно он был источником заразы, причиной страданий и беспомощного страха». ¹¹²

Н.Д. Городецкая не ищет причин случившегося, не рассуждает о последствиях и возможностях изменить ход Гражданской войны. Идейный посыл романа заключен во фразе главной героини произведения Веры: «А все-таки, Вовка, самое главное это – жить». ¹¹³

Таким образом, писательница акцентирует внимание не на революции, а на жизни людей вопреки политическим изменениям, вопреки разрушению и смерти. Революция и Гражданская война в романе предстают в отдельных эпизодах, в воспоминаниях, мыслях, разговорах – в качестве несквозной нити. Для Н.Д. Городецкой гораздо важнее любых исторических событий оказывается человек, жизнь, любовь, вера.

Всех героев произведений Н.Д. Городецкой объединяет память о родине. В романе «Несквозная нить» есть строки: «Она (Вера – Л.Г.) говорила, и Егор перебивал ее, добавляя от себя те милые подробности быта, о которых в тряске гражданской войны некогда было даже и

¹¹¹ Там же. С. 66.

¹¹² Там же. С. 103.

¹¹³ Там же. С. 155.

вспомнить. Вера вздохнула: – Как хорошо было в России».¹¹⁴ Практически в каждом произведении Н.Д. Городецкой звучит слово *Россия*, но всегда оно обозначает именно дореволюционную страну, оставшуюся для эмигрантов подлинной родиной. Как, например, для героини рассказа «Содна памяти»: «Коляска свернула на лесную дорогу. И тогда я вдруг обернулась, встала коленями на сиденье, стараясь – да, именно умышленно пытаюсь запечатлеть зрелище последнего сарая и закругляющейся березовой аллеи. Но как передать словами, что листья были некрупны, немного уже сухи...а в сарае стучал топор ... почти забытый в эти годы звук России. А ведь только я одна знаю, что я разлучалась тогда не с деревней, летом и любовью, но на многие годы исключала себя из всей этой родной стихии».¹¹⁵ Этот процесс выявляет интересную трансформацию понятия «дом», в значении которого эмигранты из прозы Н.Д. Городецкой употребляют именно слово *Россия* без указания конкретного города, села, усадьбы.

В рассказе «Новгород» Н.Д. Городецкая размышляет об особенностях сознания, зависящих от детских воспоминаний. Писательница приводит и мысли М.Р. Рильке на эту тему. Возникает своеобразный виртуальный диалог, выявляющий важную особенность: «Ребенок видит весь мир и не умеет, казалось бы, разбираться в ценностях. А между тем в памяти его собирается и откладывается именно тот опыт, который впоследствии окрасит его личность».¹¹⁶ Подтверждением этой мысли является история Кати («Из жизни Кати Белосельской»), эмигрантки, пытающейся найти цель жизни, заполнить пустоту в сердце. Во Франции главная героиня становится успешной артисткой, но одинокой и потерянной. Она меняет имя (Кити Бель), старается забыть о прошлом, стать другим человеком. Но воспоминания о России нарушают этот

¹¹⁴ Там же. С. 112.

¹¹⁵ Там же. С. 42.

¹¹⁶ Там же. С. 159.

самообман. Постепенно Катя осознает то, что потеряла – семью, родину, веру, а с ней и себя.

Цикл «Из жизни Кати Белосельской» интересен воспоминаниями главной героини о России, в описании которых угадываются толстовские и шмелевские традиции изображения детства. Н.Д. Городецкая обращает внимание читателей на обыденные детали, по-особенному отражающиеся в сознании ребенка – кормление птиц, беседы с нищим, празднование Пасхи.

Слово «Россия» способно объединить совершенно чужих людей, потому что несет в себе мечту о родном доме, недостижимую, утраченную, казалось, навсегда. В рассказе «Самоубийство» главная героиня так описывает первые в эмиграции похороны: «Священник речь произнес – о загробной родине. Все плакали. Не о покойнице. О себе, о земной далекой родине, которую, Бог знает, увидим ли мы когда-нибудь».¹¹⁷ Изгнанники грезят о России, ностальгируют о событиях и явлениях их прошлой жизни, об утерянной культуре и истории. Часто такие воспоминания можно соотнести со сном. Об этом размышляет и А.М. Ремезов, в автобиографии Н.Н. Берберовой «Курсив мой» приведены следующие слова писателя: «Россия – это был сон».¹¹⁸ Так, рассказ Н.Д. Городецкой «Филимон и Баквида» повествует о пожилой семейно паре, в результате революции оказавшейся в Македонии. Они устроили быт, успешно занимались сельским хозяйством, борясь со старостью и климатом. Но, всматриваясь, в местность, старики неизменно видели Россию: родной кубанский хутор, утерянный навсегда.

Тема России и Запада сохраняет актуальность для русского сознания. Однако именно с XVIII века этот вопрос обрел особую остроту вследствие политики Петра I, взявшего курс на европеизацию страны, что позволило в итоге сформировать то особое национальное сознание, соединившее в себе

¹¹⁷ Там же. С. 221.

¹¹⁸ Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. под ред. Л. М. Суриса – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. С.254.

«традиции русской духовной и европейской интеллектуальной культуры».¹¹⁹

В XIX веке оппозиция Россия – Запад находит отражение в работах славянофилов (А.С. Хомяков «Сущность западного христианства», И.С. Аксаков «В чём сила России?», Н.Я. Данилевский «Россия и Европа») и западников (В.Г. Белинский «Россия до Петра Великого», А.И. Герцен, Н.П. Огарев «Голоса из России»), пытающихся определить истинный путь России, особенности русского национального характера и возможность гармоничного взаимодействия Востока и Запада.¹²⁰

Революция, Гражданская война, эмиграция русской интеллигенции в XX веке вызывают новый виток в давней дискуссии, обозначившийся в трудах общественных и политических деятелей. В этом контексте главным становится противостояние двух идейно-политических течений, оформившихся в 20-е гг. в эмиграции – сменовеховства (Н.А. Гредескул «Россия теперь и прежде», Н.В. Устрялов «Россия (У окна вагона)») и евразийства (П.Н. Савицкий «Поворот к Востоку», «Континент – Океан (Россия и мировой рынок», Н.С. Трубецкой «Об истинном и ложном национализме»). Последние видели в русской революции катастрофу, а возрождение страны – в развороте на Восток. Вместе с тем, настойчивее начинает звучать мысль, высказанная П.Н. Савицким в сборнике «Исход к Востоку»: «Россия двулика. Одним лицом она обращена к Востоку, другим к Западу».¹²¹ Другими словами, России приписывают особую миссию объединения обеих сторон Света.

С другой стороны, русская интеллигенция в изгнании, вдали от России ощущает духовное одиночество, разочарование, чуждость западного мира. Напротив, образ России в сознании эмигрантов приобретает некий сакральный смысл, становится символом истинного

¹¹⁹ Россия и Запад: горизонты взаимопознания: лит. источники послед. трети XVIII века. Вып.3 / Э.Л. Афанасьев, Н.Д. Блудилина, Л.В. Гладкова и др.; отв. ред. Н.Д. Блудилина. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 12.

¹²⁰ Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. С.68.

¹²¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев, кн. 1. София, 1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php>

счастья и подлинной ценности. Европа, имеющая долгую историю, развитую культуру и экономику, при всех неоспоримых достоинствах так и остается чужой для русского человека.

Одной из сквозных тем в творчестве Н.Д. Городецкой является оппозиция Россия – Запад, представленная как на композиционном и сюжетном уровнях, так и в подтексте, в том числе, в коннотативной окраске используемых лексических единиц. Оппозиция намечена прежде всего в произведениях, посвященных тяжелой жизни изгнанников (рассказы «Самоубийство», Мемуары эмигрантской бабушки», «В дни потопа» и др.).

Россия и Европа в творчестве писательницы выступают в качестве чуждых друг другу миров, в качестве черты, разделяющей судьбы героев-эмигрантов. Разрыв настолько очевиден, что в сборнике Н.Д. Городецкой «Остров одиночества» выделяется несколько циклов – «Россия ушедшая» и «Исход», «Балканские зарисовки», «Французские сюжеты», «Туманный Альбион».

Большинство произведений Н.Д. Городецкая посвятила изображению нелегкой судьбы русской женщины в Европе. Представляя читателю главного героя рассказа или романа, автор обязательно сообщает о его жизни до эмиграции, в России. Для Н.Д. Городецкой это своеобразный маркер, с помощью которого она с горечью дает понять – Европа меняет людей, ломает их судьбы. В этом отношении показателен цикл «Из жизни Кати Белосельской», где перед читателем предстает «неблагочестивая, но веселая и дружная» семья, в чьем доме гостят родственники, знакомые, находят приют нищий – «тихий, чистенький, седовласый», которого называют не иначе как дедушка, и «уродливая собака с кривой лапой».¹²² В основе семьи – любовь к людям, к природе, к родине, православная вера. В этом Н.Д. Городецкая видит залог жизненной гармонии: «Дома ждала разукрашенная столовая, подарки и накрытый в

¹²² Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 267.

детской особый низенький стол, где повторялись и пасхи, и кулич, и мазурки, умилительно маленькие, особые – для Кати и для Пети».¹²³

Русская интеллигенция в эмиграции с трудом пытается сохранить хоть что-то уцелевшее от старого мира. Н.Д. Городецкая обращает внимание, что в эмигрантах нет вражды, ревности, ненависти к людям из СССР, осталась только жалость: «Они там все герои. Или умерли за эти годы, или такое в них терпение, что действительно стыдно за себя становится», – заключает Вера, главная героиня романа «Несквозная нить».¹²⁴ Н.Д. Городецкая обвиняет не большевиков, а эпоху, разрушившую столько судеб, принесшую несчастья и утраты и для тех, кто покинул страну, и для тех, кто остался.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что тему России и Запада в творчестве Н.Д. Городецкой можно рассматривать как традиционное в рамках русского самосознания соотношение «свое-чужое», на текстовом и подтекстовом уровнях обозначенное как семантическая оппозиция «счастье/несчастье». Автобиографичность произведений писательницы может позволить исследователям глубже и точнее изучить феномен русского зарубежья как неотделимой составляющей культуры России.

Размышления о России у писателей-эмигрантов неуклонно приводили к переосмыслению понятий русскости, русской души и русской идеи. Изгнание обострило процесс самоидентификации в эмигрантском обществе: в художественных и публицистических работах авторы стремились найти ответы на вопросы о роли русской нации для мира (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.О. Лосский, Г.П. Федотов и др.). Многие общественные деятели видели ответ в русской культуре. Так, В.В. Вейдле писал: «национальное бытие <...> предполагает совместное, хотя и иерархически расчлененное участие всего народа в создании высших

¹²³ Там же. С. 269.

¹²⁴ Там же. С. 132.

духовных ценностей. Конкретный создатель этих ценностей – личность, но личность, не оторванная от совокупности культурного слоя, в свою очередь укорененного в народе».¹²⁵

Н.Д. Городецкая в своем художественном творчестве также поднимает национальные вопросы. Открыто она ставит их на примере «третьего поколения» в романе «Дети в изгнании». Писательница размышляет о том, какие факторы формируют русскость, что позволяет молодежи, живущей в иностранной среде, вне родной земли и истории, оставаться русскими людьми. Н.Д. Городецкая отмечает одну существенную деталь: «дети эмиграции» неосознанно чувствуют собственную русскость, Россия прошлого и даже настоящего (СССР) для них практически сакральна. Например, в беседе с более взрослой представительницей изгнания Анной юные эмигранты укоряют ее взгляды на Францию и жизнь без отечества, приводя единственный аргумент: «Но все-таки вы видели Россию».¹²⁶

Н.Д. Городецкую тревожит будущее «третьего поколения», разрывающегося между Россией (идеализированной старшими эмигрантами) и Западом. Единственный выход для молодежи, по мнению писательницы, заключается в возвращении к русским национальным основам, в том числе к Православию. Более подробно об этом мы поговорим в следующих главах работы.

2.2 Память как способ сохранения национальной идентичности

Тема эмиграции является одной из важных в литературе русского зарубежья первой волны. Изображению быта и культуры изгнанников начала XX века посвящены работы как признанных мастеров зарубежья (А.И. Куприн «Жанета», М.А. Осоргин «Вольный каменщик»,

¹²⁵ Вейдле В.В. Задача России. Нью-Йорк. 1956. С. 82.

¹²⁶ Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании)... С. 125.

И.С. Шмелев «Няня из Москвы», Б.К. Зайцев «Дом в Пасси»), так и начинающих литераторов (Г.И. Газданов «Ночные дороги», Н.Н. Берберова «Курсив мой»). Знаковым явлением белой эмиграции исследователи считают значительное количество автодокументальных произведений, мемуаров, дневников. Главные причины этого процесса – не только ностальгия беженцев по родине, стремление воплотить средствами прозы и лирики, но и необходимость запечатлеть исторические события – революцию, гражданскую войну, выезд из России, пребывание за рубежом. Подобные документы являются важным источником фактического материала, а также содержат эмоциональный отклик очевидцев. Чаще всего к мемуарным жанрам младшее поколение обращалось вследствие недостатка памяти о родине (покинуло Россию в юном возрасте, оказалось на границе двух культур). Младоземигранты стремились к творческой самостоятельности по отношению к старшему поколению, поэтому автобиографические произведения открывали молодым литераторам возможность художественной свободы (Н.Н. Берберова «Курсив мой», И.Н. Одоевцева «На берегах Сены», Ю.К. Терапиано «Встречи» и т.д.). Исследователи отмечают общие черты изображения эмиграции писателями первой волны.

Не обходит тему эмиграции и Н.Д. Городецкая. Основные мотивы и образы в рамках изображения жизни изгнанников сходны с идеями писателей первой волны. Строки о Западном мире в творчестве писательницы проникнуты пустотой, одиночеством, тоской. Главная героиня романа «Несквозная нить», оказавшись в эмиграции, замечает: «А мне...все кажется, что мы здесь заживо погребены».¹²⁷ Эмиграция для русских людей сопоставима со смертью, с библейской трагедией, что подтверждается цитированием строк из Евангелия в рассказе «В дни потопа» – «Горе беременным и питающим сосцами в те дни».¹²⁸

¹²⁷ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 116.

¹²⁸ Там же. С. 201.

Европа в произведениях писательницы предстает в двух образах – родиной для местного населения и чужбиной для русских эмигрантов. Городецкая подробно описывает жизнь французов: «Жизнь у них размеренная и определенная, переезжают они редко, приблизительно в одинаковые часы гуляют, ездят за покупками. Поживите год на одном месте, – вы узнаете всех обитателей квартала».¹²⁹ Эмигранты, напротив, ощущают себя лишними и ненужными. Суровый быт и тяжелая работа – вот что ожидало русских эмигрантов на Западе. Работа русской женщины в Европе подробно изображена в очерке Н.Д. Городецкой «Русская женщина в Париже». Приведем лишь несколько цитат, которые обрисовывают общую атмосферу эмигрантской жизни: «В любом учреждении найдешь русскую служащую. Инициатива, добросовестность, выдержка их поражает иностранцев»¹³⁰; «Эта медленная, упорная, трудовая победа казалась мне более блестящей и значительной, чем любая американская легенда»¹³¹; «Иногда кажется, что все мелочи, все игрушки, автомобильные фетиши, платочки, цветы, – все, что носит название *articles des Paris* – изготавливается русскими руками».¹³²

В романе «Дети в изгнании» Н.Д. Городецкая словами священнослужителя Ивана пытается найти оправдание всему тому, что пришлось перенести русским людям на Западе: «Отец Иван в смирении своем и не подозревал, что его ежедневное раскаяние за кровь и пищу, и мир, стыд за каждый съеденный кусок... его боль о голодной земле, о страждущей земле российской, еще усиливается ежедневным зрелищем Парижа, – был тоже своего рода мученический путь».¹³³ Именно этот мученический путь русских через революцию, гражданскую войну, эмиграцию, по мнению писательницы, есть дорога к очищению, к смирению, и, следовательно, к счастью – России.

¹²⁹ Там же. С. 438.

¹³⁰ Там же. С. 577.

¹³¹ Там же. С. 581.

¹³² Там же. С. 593.

¹³³ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants (Дети в изгнании)*... С. 168.

Даже иностранец, побывавший в России или уважающий, любящий эту страну, для русских эмигрантов переставал быть чужим, далеким. Внешность, национальность, черты характера, мировоззрение оказывались менее важным, чем заветная связь с родиной. Наиболее заметно это в романе «Несквозная нить»: «Он (Васич – Л.Г.) занимает большой пост в министерстве, слывет истым сербом, – но Вере часто кажется, что он – земляк, так как Россию он не только любит, но и знает много лучше, чем она сама».¹³⁴ Изменить это впечатление героям Н.Д. Городецкой удавалось далеко не всегда: «Она (Катя – Л.Г.) вдруг поняла, что дорогой, свой, особенный, Эрик был только иностранцем, побывавшим в России».¹³⁵

Интересно, что все персонажи рассказов употребляют исключительно слово «Россия», практически никогда не имея в виду родной город, губернию, деревню. В редких исключениях описание конкретной местности воспринимается читателем родным, «своим» только потому, что неотделимо географически, исторически и культурно от России. Примером может служить рассказ «Филимон и Бавкида»: «И вдруг – точно залило сердце теплом, счастьем. Он увидел свой кубанский хутор, сад, Нину, остановившуюся в таком же луче...».¹³⁶ Образ России у героев произведений Н.Д. Городецкой вызывает положительные эмоции и в случае ее утраты непреодолимую горечь, равносильную смерти, как в рассказе «Самоубийство»: «Заболела Петровская. Человек она была добрейший, бесхитростный. Я думаю, тоска по дому и соболезнавание окружающим ее и сразили... в неделю сгорела».¹³⁷ Символично на этом фоне выглядят страдания собаки, лишенной привычного уклада жизни: «Трое суток Рики ничего не ел и переживал тоску по родине».¹³⁸

Отец Иван, находящийся уже долгое время в эмиграции, открывает для себя причину той непреодолимой связи русского человека с его

¹³⁴ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 123.

¹³⁵ Там же. С. 307.

¹³⁶ Там же. С. 240.

¹³⁷ Там же. С. 220.

¹³⁸ Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании)... С. 7.

страной: «Но ведь для него эта страна, эти поля были сильнее всякой страсти. Он был их, он был с ними связан кровью, плотью и сердцем...именно с этой жизнью, со зрелищем полей и крестьянского труда, со звучанием деревенских песен, птичьего щебета...лесов, полей, хвой...». ¹³⁹ Это особое чувство родины, которую можно было вместить в заветное слово *Россия* со всеми городами, полями, реками, та самая Русь святая, воспетая А. Блоком и С. Есениным: «Выходя из музея, любясь просторами площади, спускаясь к Сене...зачарованная камнем, асфальтом, дрожью серой реки и хрупким рисунком ветвей, Нина уже не знала в точности, где живет, и, полная Парижем, закрывая глаза, еще усиливала яркость впечатления. Но то лучшее, что оставалось в ее сознании, она приписывала России. Она шла по набережной Сены, а думала о синей Неве, и, как победный марш, повторяла «Медного Всадника...» (Нина, главная героиня романа «Дети в изгнании»). ¹⁴⁰

Это же чувство, по мнению Н.Д. Городецкой, заставляло эмигрантов пристальнее всматриваться в картины европейской жизни, чтобы найти в них что-то русское. В вышеупомянутом романе «Несквозная нить» показательны следующие строки: «Вера, бледная от дороги, с затекшими ногами, еле шла, но лицо ее сияло, радостная внутренняя дрожь щекотало тело...Она осматривалась, расспрашивала, перебивала: – Как похоже по расположению на Петербург, на Варшавский вокзал. Ой, смотри, отель «Петроград». ¹⁴¹

Особенно сильно чувство русскости проявляется в детях, оказавшихся в эмиграции. Снова и снова Н.Д. Городецкая заставляет их обратиться к утраченному, почти забытому дому. В цикле рассказов «Детство Нины» перед читателями предстает ребенок в эмиграции, который о России ничего не помнит, но чувствует связь с ней: «Как ни странно, она (Нина – Л.Г.) чаще спрашивала о России, чем о своей матери,

¹³⁹ Там же. С. 39.

¹⁴⁰ Там же. С. 34.

¹⁴¹ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 122.

– возможно, что ее занимала эта страна, как занимает всех детей тридцатое государство».¹⁴²

Несомненно, именно «русскость» вынуждает иностранцев отделять русских людей от всех остальных:

«– Вы бы и эту даму полы мыть заставили!

Он простодушно смеется:

– Русскую не заставил бы».¹⁴³

В романе «Несквозная нить» один из героев советует эмигрантам не жить прошлым, а смотреть в будущее. Но для них Россия, оставшаяся в прошлом, никогда не переставала быть настоящим. Обратное воспринимается как измена. Поэтому слова главного героя рассказа «Небесный Иерусалим» отца Ивана, воспринимаются как призыв: «Не соблазниться бы, не возлюбить ее (столицу Франции – Л.Г.) чрез меру, не изменить бы родине и Тебе».¹⁴⁴

Как уже отмечалось ранее, одной из важных характеристик произведений Н.Д. Городецкой является акцент на ностальгии эмигрантов. Он раскрывается через категорию памяти. Остановимся на этом подробнее.

В современных гуманитарных науках огромное внимание уделяется разностороннему анализу категории памяти. Память, являясь одним из важнейших элементов культуры, становится объектом исследований в психологии, культурологии, истории, литературоведении. Благодаря ее механизму происходит генерация, сохранение и воспроизведение информации о прошлом опыте. Ю.М. Лотман писал: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство

¹⁴² Там же. С. 319.

¹⁴³ Там же. С. 124.

¹⁴⁴ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants* (Дети в изгнании) ... С. 166.

некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы».¹⁴⁵

А.М. Панченко так подчеркивает важность этой категории: «История – это память, поэтому ею владеет человек, который в состоянии ее оживить, поставить себе на службу».¹⁴⁶

Начало осмысления феномена памяти было положено еще античными философами: Аристотелем в трактате «О памяти и воспоминании» и Платином – трактат «Об ощущении и памяти». Однако системное и разностороннее изучение категории стало проводиться только в XIX и XX веках, сначала в психологии и философии (это, прежде всего, исследования А. Бергсона «Материя и память», П. Жане «Эволюция памяти и понятие времени», П.П. Блонского «Память и мышление»). Именно в это время с помощью памяти начинают объяснять некоторые механизмы культуры, в том числе передачу традиций, преемственность нравов, возникновение культурных ценностей, интерпретацию, и в целом – само историческое бытие человека. Ян Ассман, немецкий историк религии и культуры, заключает: «Благодаря культурной памяти человеческая жизнь приобретает двухмерность, двувременность, сохраняется на всех этапах культурной эволюции».¹⁴⁷

Морис Хальбвакс, французский психолог, социолог, исследуя психические и социальные явления, приходит к выводу, что само бытие цивилизации и человека невозможно без включения механизмов памяти: «В момент своей эволюции общество должно обращаться к прошлому, выдвигаемые на первый план новые элементы оно помещает в рамку, образуемую совокупностью воспоминаний, традиций, идей».¹⁴⁸

¹⁴⁵ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Таллин: Александра, 1992. С. 200.

¹⁴⁶ Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ», Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. С. 54

¹⁴⁷ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высших культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 60.

¹⁴⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти // пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 227.

Памятью М. Хальбвакс объясняет и механизмы христианства, обозначая религиозные учения коллективной памятью церкви, а также указывает на ее неоспоримую роль для общества: «В силу своего коллективного характера церковь обращается к тому, что именно и есть коллективного в человеческом мышлении, к понятиям и идеалам».¹⁴⁹

Исходя из выше сказанного можно утверждать, что память играет ключевую роль в литературе. На протяжении веков словесное творчество выступало формой передачи норм и традиций, закрепления в сознании человека нравственных и эстетических положений, навыков индивидуального и группового поведения. Н.С. Степанова отмечает: «Память лежит в основе знаковой системы, позволяющей создавать и выражать мир художественных идей и образов, художественная литература есть один из способов формирования коллективной памяти».¹⁵⁰

В XIX веке благодаря изменениям в общественных и религиозных представлениях, переосмыслению понятий «время» и «вечность», в литературе усиливается интерес к категории памяти. Так, в художественных произведениях этого периода появляется герой, движущийся в многоплановом эпическом пространстве коллективных исторических судеб («Война и мир» Л.Н. Толстого), возрастает роль символического плана реалистической пространственно-временной панорамы («История одного города» М.Е. Салтыков-Щедрин), учащается обращение писателей к памяти персонажа как внутреннему пространству для развертывания событий, а также получают широкое распространение автобиографические жанры (мемуары Н.Б. Долгорукой, Н.И. Греча и др.).¹⁵¹

¹⁴⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти... С. 263.

¹⁵⁰ Степанова Н.С. Феномен культурной памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51). С. 259.

¹⁵¹ Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века: монография, Курск. ин-т. социального образования (филиал) РГСУ. Курск: ООО «Учитель», 2012. С. 54.

Иную роль категория памяти начинает играть в начале XX века. Революция, гражданская война и эмиграция выявили необходимость переосмысления общественно-политических, социальных, религиозных явлений, культурных ценностей. В Советском союзе этот процесс сопровождался критикой и отрицанием прежних традиций в науке, искусстве, литературе. Другими словами, со сменой эпохи произошли изменения в рамках социальной памяти, а вместе с тем и осознанный пересмотр прошлого.¹⁵² Напротив, эмигранты первой волны историческую значимость собственного изгнания видели в сохранении культуры дореволюционной России и передаче ее будущим поколениям.

Это определило особенности эмиграции начала XX века: отказ от ассимиляции, непринятие зарубежных норм, сохранение православных традиций, воссоздание обстановки старой России – за рубежом появляются русские школы, музеи, библиотеки, многочисленные издательские центры. Учащается обращение писателей зарубежья к образам русской классической литературы, к наследию мастеров слова Золотого и Серебряного веков. Благодаря эмигрантским переводчикам иностранному читателю стали доступны произведения Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и даже протопопа Аввакума.

В этом процессе исследователи усматривают глубинную роль эмиграции – посредством памяти через культуру и православие эмигранты сохраняли национальную идентичность. Я. Ассман отмечает: «Идентичность – результат осознания, т.е. рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе. Группа является народом только в той мере, в какой она осознает, представляет и выражает себя в рамках этих понятий».¹⁵³

Понимание памяти как важнейшей формы национального самосознания, основы менталитета, определяющей универсалии

¹⁵² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти... С. 280-282.

¹⁵³ Ассман Я. Культурная память... С. 139.

отечественной культуры позволяет рассматривать культурное наследие как сложную структуру, реализующуюся в архетипических ценностях: идеях, установках, мифах, стереотипах.

Вследствие этого наиболее эффективным способом сохранения и передачи культурных традиций, средством духовного объединения эмиграции оказывается литература как продукт коллективной памяти.

Включение категории памяти в словесное творчество у писателей старшего и младшего поколения существенно различалось. Для первых память служила, прежде всего, средством воссоздания через художественную словесность утраченной России: русских пейзажей, традиций, быта, истории. В то время как для младшего поколения память выступала в ином качестве. Большинство младоэмигрантов оказалось за рубежом в юном возрасте, поэтому их воспоминания о родине носили неясный, обрывочный характер и не могли стать предметом художественного изображения. Однако именно они использовали категорию памяти наиболее активно – «незамеченное поколение» стало известно, прежде всего, благодаря автобиографическим произведениям.

Следует отметить, что в своем собственном представлении эмигранты продолжали оставаться государственными и общественными деятелями, офицерами, чиновниками, интеллигенцией, поэтому обращение к автобиографическим жанрам имело целью осмысление жизни как целого, придание эмпирическому существованию оформленности и связности, сохранение России доступным способом – в художественной литературе.

Главенствующая роль памяти в этом жанре определяется как целью написания произведений (воссоздание прошлого), так и хронотопом, особыми художественными средствами.

Так, в текстах автобиографических произведений устанавливается иерархическая система жанрообразующих образных средств: основную роль в этом процессе играют образы памяти прошлого, которые

интерпретируются как поток, мозаика, туман. В произведениях мемуаристов память персонифицируется, т.е. наделяется свойствами живого существа. Образ памяти является одним из сквозных образов воспоминаний. Деятельность памяти направлена на то, чтобы реконструировать подлинную картину прошлого, в которой воспоминания выступают в качестве источника достоверного знания. Роль подобных воспоминаний в художественных произведениях различна: романтическая ностальгия, жажда поймать утраченное прошлое, остановить время.

Отдельно обозначим особенности «женских» автобиографий, которые «отличаются большей восприимчивостью, интуицией, большей иррациональностью, а значит, естественностью».¹⁵⁴

Женская автобиографическая проза возникла вместе с женской литературой, т.к. литературная составляющая в женских автобиографиях в России была изначально очень сильна. Однако женская художественная автобиография в России была с самого начала несколько иной, чем в европейских литературах. Это, прежде всего, касалось большей эмоциональной насыщенности и развитием творческого воображения. Сказанное выше применимо к первой женской автобиографии, созданной в середине XVIII столетия – «Своеручным запискам» Н. Долгоруковой, «Воспоминаниям» А.Е. Лабзиной, мемуарам В.Н. Головиной и Е.А. Сабанеевой, Е.Н. Львовой и С.В. Скалой.¹⁵⁵ Наиболее яркими «женскими» автобиографиями русского зарубежья считаются «Курсив мой» Н.Н. Берберовой, «На берегах Невы» И.В. Одоевцевой, «Таков мой век» З.А. Шаховской.

Среди наиболее значимых особенностей женских автобиографических произведений выделяются избирательность и эмоциональная окрашенность, писательницы пропускают увиденное через

¹⁵⁴ Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти... С. 116.

¹⁵⁵ Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки, 2000. №3. С. 63-68.

собственное чувственное восприятие. В их текстах встречается больше описаний состояний, больше вопросительных и риторических конструкций, огромное значение в «женских» мемуарах играет концепт «дом», среди ценностей выделяется любовь и поэтический дар, которые составляют своеобразную оппозицию быту. Достаточно большое место в автобиографиях занимает анализ чувств и переживаний автора.

Как и в дореволюционной России, канон в диаспоре формировался в рамках литературных кружков, союзов и объединений, однако, в отличие от России, там не сложилось ни формальной, ни неформальной сферы собственно женской литературной коммуникации. Почти все значимые «властные» посты в литературе (редакторы периодических изданий, издатели, руководители литературных объединений, ведущие критики) занимали мужчины, в результате чего женщины-авторы вынуждены были примеряться к мужской сфере. Уровень репрезентации женщин в каноне при подобных условиях не мог быть высоким, хотя число женщин-авторов было весьма значительным. Из причин низкой репрезентации женщин в литературном каноне как таковом наиболее значимыми для эмигрантского варианта представляются следующие: практические помехи, субъективно обусловленное предубеждение к способности женщин писать, непризнание написанного женщиной, умаление значимости произведений как не представляющих особенной ценности, отнесение произведений к второсортным видам и жанрам, канонизация отдельного аспекта творчества или одного произведения, упущение или отсутствие женской творческой традиции.¹⁵⁶

Несмотря на то, что Н.Д. Городецкая относится к «незамеченному поколению», для которого было характерно обращение к мемуарным жанрам, дневникам, автобиографиям, творчеству писательницы они не свойственны. Своеобразным исключением служит рассказ «Мемуары

¹⁵⁶ Демидова О.Р. Женская проза и большой канон русского зарубежья // Демидова О.Р. Мы. Женская проза русской эмиграции: [сборник] / сост., [вступ. ст., коммент.] О. Р. Демидовой. - [Б. м.] : Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2003. С. 4-5.

эмигрантской бабушки» и элементы автобиографии в ее художественных и публицистических произведениях. Довольно часто Н.Д. Городецкая обращается к категории памяти с различными художественными целями. Мотив памяти можно обнаружить как в ее художественных произведениях, так и в автобиографических очерках. Чаще всего память является средством раскрытия образа героя. Представляя персонаж читателю, автор неизменно сообщает о его прошлом, о жизни до эмиграции. Для Н.Д. Городецкой это своеобразный маркер, с помощью которого она с горечью дает понять – Европа меняет людей, ломает их судьбы. Наглядным примером может служить цикл «Из жизни Кати Белосельской», главную героиню которого чуткую, ранимую Катю, жизнь в эмиграции превращает в надменную замкнутую, равнодушную Кису Бель. И лишь ее редкие воспоминания о прежней жизни позволяют читателю осознать глубину трагедии одинокой женщины в чужой стране: «Она помнила этого писателя (Герцена – Л.Г.), как помнила все, что было связано с Россией, отрочеством, жадным чтением, тем более жадным, что им заглушались мысли о недостаточной еде».¹⁵⁷

В художественных произведениях Н.Д. Городецкой память становится средством композиционного построения. Рассказ «Самоубийство», обозначенный автором фразой «Из дневника беженки», носит исповедальный характер: воспоминания главной героини призваны объяснить, как тяжелые условия жизни в эмиграции, тоска по родине, чувство ненужности, несчастная любовь приводят изгнанников к мысли о смерти. «Не было силы бороться с нуждой. Я утомилась и не видела выхода. Я медленно подходила к какому-то мысленному тупику, увертывалась от него и возвращалась неизбежно. Это была мысль о самоубийстве».¹⁵⁸

¹⁵⁷ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 283.

¹⁵⁸ Там же. С. 224.

Не менее интересен рассказ «Мемуары эмигрантской бабушки», повествование в котором ведется от вымышленного лица – пожилой женщины, рассказывающей о конкретном эпизоде из своей молодости, а точнее, об отъезде из России и первых годах эмиграции. Кроме того, в произведении приведены многочисленные сведения из биографии самой писательницы (эвакуация из Крыма, путешествие на пароходе, проживание в Константинополе и Хорватии), что выявляет довольно интересную деталь: в 1931 году публикуется произведение, в котором события 20-х гг. XX века рассматриваются с позиций будущего (на 30-40 лет позже). Позволяет реализовать данный замысел то, что рассказ практически полностью построен по законам мемуарного жанра: обращение к прошлому, исповедальность, литературная отредактированность, наличие адресата (читателя). Исходя из этого, можно предположить, что в условиях изгнания для писательницы мемуарная форма позволяет рассказать и одновременно осмыслить события из собственной жизни. Н.Д. Городецкая указывает на этот факт: «В мое время для выяснения истины все эмигранты обязаны были писать мемуары. Я тоже была обязана, но не знала, писать ли все или многое надо забыть <...> Да и большевики упрекали, что мы все забыли и ничему не научились».¹⁵⁹

В «Мемуарах эмигрантской бабушки» память играет не только композиционно образующую роль, но и является двигателем сюжета: воспоминания о прошлом облекаются в сатирическую форму, чтобы крупным планом показать трагедию тысяч русских людей в изгнании – их жизнь в бараках, по словам самой Н.Д. Городецкой «национальные обиды», непростые взаимоотношения в среде беженцев, неудовлетворенность собственной жизнью и абсурдность бытия. Сатирическая манера повествования сближает рассказ с романом М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Например, Н.Д. Городецкая описывает первые дни в эмиграции следующим образом:

¹⁵⁹ Там же. С. 207.

«Что касается общественной жизни, то в колонии было несколько настоящих, хотя и бывших, губернаторов, которые, впрочем, очень скоро начали стихийно вымирать, и, кроме того, имелся еще один довольно вредный тип педагога из эсеров <...> Предводитель был человек решительный и немедленно требовал и земли, и воли, и притом всего сразу и без уступки <...> он страшно хвастался, что у него нет ни отца, ни матери, а одна только бабушка русской революции».¹⁶⁰

В творчестве Н.Д. Городецкой прослеживаются параллели с традициями И.А. Бунина, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, в чьих художественных произведениях создается специфическое временное поле (например, шмелевский космос, набоковская модель земного существования и т.д.).

В своем творчестве писательница также нередко размышляет о самом феномене памяти, его роли в жизни человека и общества. Так, в автобиографическом очерке «Новгород» на примере собственных воспоминаний Н.Д. Городецкая описывает особенности детской памяти: «Ребенок видит весь мир и не умеет, казалось бы, разбираться в ценностях. А между тем в памяти его собирается и откладывается именно тот опыт, который впоследствии окрасит его личность».¹⁶¹

В неясных, обрывочных, калейдоскопических воспоминаниях об иногда малозначительных, повседневных событиях, по мнению Н.Д. Городецкой, таится ключ к пониманию истоков формирования личности, ее мировоззрения и мироощущения: «Раз в неделю по дворам ходят приниженно улыбающиеся люди. Платье их мешкообразное. Цвета его не помню – но когда в год войны я вижу уходящие на фронт войска, – серые вагоны, защитные рубахи, – во мне возникает смешанное чувство

¹⁶⁰ Там же. С. 210.

¹⁶¹ Там же. С. 159.

тоскливого испуга и своей виновности. Я не понимаю его, ищу причины и вдруг ясно вижу наш новгородский двор, серого человека».¹⁶²

В этой связи личного жизненного пути и универсального, связи с Всебытием прослеживается характерное для автобиографической прозы русской эмиграции новое, онтологическое понимание времени (В.В. Набоков «Другие берега», И.С. Шмелев «Лето Господне»)¹⁶³.

Таким образом, Н.Д. Городецкая обращается к памяти не только с целью раскрытия психологии и мотивов поведения человека, описания исторической обстановки, мироощущение эпохи, но и для осмысления механизмов формирования личности и сохранения русской культуры.

2.3 Мотив одиночества в прозе о женщинах-эмигрантках

Вторым важным аспектом прозы Н.Д. Городецкой, посвященной теме эмиграции, становится мотив одиночества.

В Средние века категория одиночества получила духовно-религиозную интерпретацию: одиночество рассматривалось как «состояние человека, граничащее со смертью и безмерно отягощенное грехом»¹⁶⁴. Такая трактовка утверждала, что одиночество способствует разрушению духовной целостности человека, потере Бога и тем самым выпадению личности из ценностно-смыслового пространства (Августин, Фома Аквинский).

Однако наиболее активное изучение ситуации одиночества началось на рубеже XIX-XX вв. Это связано прежде всего с развитием философии и психологии, а также с изменением мировоззренческих ориентиров общества: крушением позитивистских идей, переоценкой ценностей и потребности в новом понимании личности.

¹⁶² Там же. С. 161.

¹⁶³ Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти... С. 174.

¹⁶⁴ Лященко М.Н. Феномен одиночества в христианской философии средневековья // Вестник ВГУ, 2016. С. 119.

Разрушение прежних устоев, социальных и психологических связей приводит человека рубежа веков к ощущению тревоги, отчужденности, одиночества и трагичности бытия.

Наиболее показательным в этом отношении высказывание Ф. Ницше, в котором охарактеризовано мироощущение человека рубежа XIX-XX вв.: «Ты никогда <...> не успокоишься уже в бесконечном доверии <...> нет больше разума в том, что свершается, ни любви в том, что свершится с тобой, – сердцу твоему закрыто уже пристанище, где ему было что находить и нечего искать...».¹⁶⁵

Подобную мысль высказывает и Н.А. Бердяев, считая, что культурная и социальная жизнь общества при ближайшем рассмотрении оказывается ненастоящей, лживой и ненужной человеку, подлинное существование скрывается в «стихийной, бессознательной первожизни».¹⁶⁶

Подобное мироощущение находит отражение в творчестве мастеров слова XIX века. Так, Л.Н. Толстой пытается исследовать глубины отстранённости человека от жизни, его одиночество перед лицом смерти (повесть «Смерть Ивана Ильича»), Ф.М. Достоевский выводит «мечтательное» одиночество (роман «Белые ночи»), А.П. Чехов рассматривает проблемы отчужденности и непонимания человека и общества (повесть «Степь») и т. д.

Однако именно эмиграция первой волны XX века стала основной причиной наиболее активного обращения писателей и поэтов к теме одиночества. Потеря родины, дома, а часто и семьи, тяжелые материальные условия и чуждость иностранной среды приводят изгнанников к потере духовной опоры. Поэтому экзистенциальные вопросы, темы абсурдности мира, обреченности и трагизма бытия

¹⁶⁵ Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 3. Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.

¹⁶⁶ Бердяев Н.А. Л. Толстой // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1991. Ч. II. С. 39.

оказываются доминирующими в прозе и лирике эмигрантов (Л.Н. Андреев, М.И. Цветаева, И.А. Бунин, И.С. Шмелев).

Одиночество является сквозным мотивом творчества Н.Д. Городецкой. У нее одиночество становится главным показателем не только страданий, но и духовных исканий персонажей. В автобиографическом эссе «Со дна памяти» писательница рассуждает: «Я думала о том, что всю жизнь мы страдаем от одиночества, от неразделенности нашего внутреннего опыта. Мы не очень знаем, зачем нам так необходимо – и так страшно – высказаться. Но все, будь это Тютчев или прачка <...> чувствуют эту необходимость, эту невозможность, эту боль. Даже музыка и стихи наши понятны только нам, – да и понятны ли?».¹⁶⁷

Центральная фигура прозы Н.Д. Городецкой – одинокая женщина, страдающая от неразделенной или несчастной любви. Ярким примером может служить главная героиня романа «Несквозная нить» Вера, находящаяся во время русской революции на хуторе, в семье мужа. Писательница делает акцент на изображении обособленной жизни Веры, которая отдельно от остальной семьи ест, ходит в город, в библиотеку и т.д. Все существование героини определяют пустая комната, одинокие прогулки и уединенное чтение книг. Чуждость новой семьи, традиций и порядков приводят Веру к ощущениям бесполезности и заброшенности: «Вера спряталась за огород, туда, где росли несколько берез, а в стороне от них тянулся одинокий тополь, - и расплакалась от обиды, злости и стыда».¹⁶⁸

Подобные интонации звучат в описаниях эвакуации и пребывания героини в эмиграции (злой лунный свет, тоска, холодные простыни, опустевший дом, пустые глаза, пустота в душе и др.). Именно пустота жизни рассматривается Н.Д. Городецкой как главный критерий

¹⁶⁷ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 40.

¹⁶⁸ Там же. С. 63.

одинокости персонажей, ожидающих или постоянно ищущих нечто понятное, родное, близкое. Такова смерть главного героя рассказа «Впотьмах» Кости: «Когда ее полотняное платье прощуршало в дверях и скрылось, Костей овладел небывалый, ничем необъяснимый ужас. Он с силой привстал, обернулся к окну – одинокая маленькая звезда золотой мухой мелькнула в его глазах <...> Силясь что-то вспомнить, ища опоры, в последней надежде Костя схватился за постель, комкая корчащимися пальцами простыню там, где уже начал остывать след чего-то знакомого, знакомого тела».¹⁶⁹

В прозе Н.Д. Городецкой находит отражение эмигрантская «тоска самоубийства». Ее рассказ «Самоубийство» - это своеобразная исповедь эмигрантки (Ольги), раздавленной изгнанием, безысходностью и духовным одиночеством. Подробно и детализировано писательница очерчивает психологическое состояние героини, переходящее от чувства ненужности к отчаянию и мысли о смерти.

Мотив отчуждения в прозе Н.Д. Городецкой сопряжен с изображением абсурдности мира и жизни – принцип, в особенности характерный для произведений Л.Н. Андреева, в которых «зло и хаос бытия тесно переплетаются с одиночеством, безысходностью и смертью».¹⁷⁰ Его концепция соединения трагического и комического способна передать истинную глубину бессмыслицы эмигрантского бытия («Шалости прогресса», «Свободный полет»). Этим приемом активно пользуется и Н.Д. Городецкая. В рассказе «Мемуары эмигрантской бабушки» писательница с помощью сарказма и иронии обрисовывает трагедию эмиграции: «Вставали мы, как и положено на курортах, в шесть утра и усаживались в кружок в тени сарая и резали корни. От испарений белладонны <...> мы все страшно похорошели, а зрачки у нас до того

¹⁶⁹ Там же. С. 198.

¹⁷⁰ Ширванова Э.Н., Гаджиева Р.М. Индивидуалистические мотивы в творчестве Леонида Андреева (мотивы пессимизма, одиночества и бунта) // Вестник Дагестанского государственного университета, 2019. Вып. 4. С. 22.

расширились, что мы стали слегка слепнуть и в слепоте своей то и дело ошибались в близких, главным образом, в мужьях».¹⁷¹

Однако главным средством изображения одиночества в произведениях писательницы оказывается пейзаж. Как и у А.П. Чехова, пейзаж Н.Д. Городецкой психологичен, точно и тонко раскрывает эмоциональное состояние героев (одинокий тополь, пустая комната, голая вершина и др.). Другими словами, писательница использует психологический пейзаж, в котором, по мнению Е.А. Михеичевой, «основное место отводится не собственно изображению природы, а косвенной характеристике психологического состояния и настроения персонажа, достаточно близок пейзажу лирическому или пейзажу, создающему эмоциональный тон повествования (лирический)».¹⁷² Этот же прием находим в ранних произведениях И.А. Бунина («Надежда», «Без роду-племени», «Тишина»).

В большинстве случаев в художественном пространстве Н.Д. Городецкой обрисовывается предмет – одинокий трамвай посреди улицы, единственный аэроплан в небе, отдельно стоящее дерево и др. Все это безошибочно указывает читателю на душевное состояние персонажа. Например, смятение и тревога Веры (роман «Несковзная нить») выражаются через описание тоскливого вечера, тишину которого нарушает только хлопанье листьев сухой кукурузы.

У писательницы возникает своеобразный образ «одиночество-молчание», присущий главным героям ее произведений: молчаливая Вера, ищущая настоящую любовь (роман «Несковзная нить»), безмолвная Катя Белосельская, отправляющаяся на холодный остров (цикл «Из жизни Кати Белосельской»). Ее персонажи способны найти в уединении выход из собственного безысходного положения: «Минутами я оглядывалась на

¹⁷¹ Там же. С. 211.

¹⁷² Михеичева Е.А., Зеленцова С.В. Пейзаж как форма психологизма в ранних рассказах И.А. Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 155.

купе в страхе найти там кого-то из оставленных мною, – и еще радостнее ощущала свое одиночество» (автобиографический очерк «Белые крылья»¹⁷³).

Так Н.Д. Городецкая приводит читателя к осознанию ситуации духовного одиночества как болезненного, но необходимого человеку для поисков истинных ценностей, опоры в жизни. Тем самым писательница продолжает традиции Ф.М. Достоевского и В.В. Розанова, связывающие уединение с постоянным поиском подлинного себя.¹⁷⁴

Ярким примером подобного процесса становится жизнь Нины, главной героини романа Н.Д. Городецкой «L'exil des enfants» («Дети в изгнании»). Нина, осиротевшая во время Гражданской войны, представительница «третьего поколения» эмигрантов (термин используется в романе), воспитанница священнослужителя отца Ивана Предтеченского, после его смерти отдаляется от эмигрантского общества и привычного круга знакомых. Тяжесть изгнания, чуждость традиций и устоев зарубежья, непонимание со стороны окружающих приводят ее в смятение и вызывают сомнение в правильности собственных поступков. Выход из этого состояния Нина находит в уединении и молитве: «Она [Нина – Л.Г.] опустилась на колени, закрыла глаза руками. Ей казалось, что она продолжает видеть окружающий пейзаж: все, как говорится, шло от сердца. Потом наступила тишина без образов, полная света. Это состояние не было молитвой, оно не допускало ни слов, ни мыслей; но в этом молчании, благоговении всегда совершалось возрождение души. И все свои решения, весь свой внутренний рост Нина находила в эти мгновения, когда ее сердце замирало».¹⁷⁵ Главная героиня романа, напротив, ищет одиночества, осознанно отдаляется от друзей и знакомых, собственные сомнения она разрешает только через молитву.

¹⁷³ Там же. С. 56.

¹⁷⁴ Миронов А.В. Уединение и одиночество в философии В.В. Розанова // Общество: философия, история, культура, 2015. № 1. С. 9.

¹⁷⁵ Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании)... С. 135.

Именно в таком единении с Богом Н.Д. Городецкая видит выход из одиночества, избавление от страданий и боли. Тем самым писательница продолжает традиции Ф.М. Достоевского и В.В. Розанова, рассматривающих уединение как «возможность преодоления границы между Богом и человеком»¹⁷⁶, а также традиции «духовного реализма», окончательно оформившиеся в творчестве И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева.

В романе «Дети в изгнании» представлены два воцерковленных персонажа – Нина и отец Иван, для которых существует простая истина – служение отечеству есть служение Богу: «Но ведь для него эта страна [Россия – Л.Г.], эти поля были сильнее всякой страсти. Он был их, он был с ними связан кровью, плотью и сердцем <...> «Господи, – подумал отец Иван, – отцы святые от языческих радостей, от отца с матерью, иной раз от страстной любви удалялись в пустыню. А меня от тихих моих полей привел Ты в столицу мира <...> Не соблазниться бы, не возлюбить ее чрез меру, не изменить бы родине и Тебе».¹⁷⁷

Уединение перечисленных выше персонажей носит религиозный характер и рассматривается писательницей как единственно надёжный способ преодоления мирового одиночества. Таковы, например, пронзительные строки о восприятии религии маленьким Сашей (рассказ «Родина»): «И вот эти одинокие встречи с гулкой высотой, с лиловой синевой витражей [собора – Л.Г.], с распростертыми в вечность руками призывающего Бога, при виде которых хотелось затаить дыхание, погрузиться в полную тишину, – эти встречи и были жизнью и подлинной религией Саши».¹⁷⁸

Таким образом, одиночество становится лейтмотивом прозы Н.Д. Городецкой, одним из главных обстоятельств, определяющих трагичность и безысходность существования эмигрантов за рубежом, в то же время писательница видит в одиночестве необходимое условие

¹⁷⁶ Миронов А.В. Уединение и одиночество в философии В.В. Розанова... С. 9.

¹⁷⁷ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants* (Дети в изгнании)... С. 160.

¹⁷⁸ Городецкая Н.Д. *Остров одиночества*... С. 497.

познания себя, жизни и окружающего мира, а возможность преодоления отчужденности в единении с Богом.

Кроме того, именно мотив одиночества раскрывает важность женских образов в прозе писательницы.

Традиция изображения женщин в искусстве восходит к античному искусству. Это прослеживается в словесном искусстве Древней Греции и Древнего Рима. В качестве примера можно привести Афродиту, Афины, Медею, Елену, Пенелопу и т.д. Тем не менее, литературные героини вводились и эволюционировали достаточно медленно, что отчасти связано с общественно-политическими представлениями разных эпох и государств.

Говоря о характеристике женских образов в русской литературе, необходимо рассмотреть их типологию. Однако единой и общепризнанной классификации героинь на данный момент не существует вследствие специфики литературных течений, школ, доминирующих в определенный исторический период, а также особенностей поэтики конкретных мастеров слова. В настоящее время в литературоведении оформилась тенденция анализа женских персонажей у отдельного писателя или поэта, что, по нашему мнению, не в полной мере отражает общую картину по данному вопросу. Поэтому в нашей работе мы будем проводить анализ с учетом генезиса женских образов в русской литературе, делая акцент на искусстве XX века, а в частности, на литературном процессе эмиграции первой волны.

Так, в древнерусской литературе исследователи выделяют два основных женских типа: «добрая жена» и «злая жена».¹⁷⁹ М.С. Федорова указывает, что поучение о «злых женах» (Моление Даниила Заточника), «прение отца и сына о женской злобе») появляется в русской литературе прежде всего через переводы византийских церковно-учительских трудов.

¹⁷⁹ Федорова М.С. О типологии женских образов в русской литературе первой половины XVIII в. // Вестник славянских культур. 2014. С. 143.

С другой стороны, в «Домострое» возникает «добрая жена», в которой особенно ценились решимость, храбрость и мудрость. Ярким примером являются княгиня Ольга из «Повести временных лет».

Кроме того, важной характеристикой древнерусских героинь становится их соотнесение с образом родной земли. Г.Ю. Филипповский отмечает: «Образ-концепт «Русская земля» оказывается синонимичным галерее базовых женских образов в древней Руси как воплощение тех самых первооснов и первоначал, которые эти женские образы отождествляют».¹⁸⁰

В дальнейшем в русской литературе будет наблюдаться традиция соотнесения женщин с идеалом красоты, нравственности и духовности, которая позже трансформируется в тенденцию раскрытия национального характера через женские образы. Прежде всего, здесь следует говорить о ценности материнства, доброте, самоотверженности как характерных чертах русского народа. Именно в XVIII веке данная традиция получает распространение. Русская литература того периода характеризуется введением через женские образы идеала добродетели. «Русская литература от “начала” чревата исканиями идеалов, которые бы отличались истинностью и обладали свойством оправдывать мир и жизнь в нем».¹⁸¹

В творчестве писателей и поэтов XVIII в. создаются библейские, античные, исторические образы женщин (проповеди Феофана Прокоповича, Дмитрия Ростовского, стихи В.К. Тредиаковского, и др.); идеализированные образы правительниц (Феофан Прокопович, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов).

В русской литературе XIX века и последующих периодов женщина становится своеобразным художественным и нравственным эталоном. Подробно этот процесс в «Беседах о русской культуре» описывает

¹⁸⁰ Филипповский Г.Ю., Кузьмичева И. Женские образы литературы Руси: истоки и прототексты // Культура. Литература. Язык. 2011.С. 226

¹⁸¹ Гачаева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2003. С. 375.

Ю.М. Лотман, создавая проработанную типологию женских образов в литературе XIX века. Ю.М. Лотман пишет: «Женский образ дал литературе положительного героя. Именно здесь сформировался художественный (и жизненный) стереотип: мужчина – воплощение социально типичных недостатков, женщина – воплощение общественного идеала».¹⁸²

Ю.М. Лотман выделяет три типа героинь русской литературы:

1) тип «нежно любящей женщины, жизнь и чувства которой разбиты».¹⁸³ В качестве характеристик выделяются: поэтическая натура, нежность, душевная тонкость (образ, возникший из биографии В.Жуковского и связанный с сестрами Протасовыми, Сонечка из «Преступления и наказания»);

2) тип «демонический характер», характеризующий вызывающим поведением, разрушением условностей и правил приличия, созданных миром мужчин;

3) тип «женщина-героиня», главной чертой которого является противопоставление героизма женщины и духовной слабости мужчины (А.Н. Радищев «Песнь историческая», а также интерес к личностям Марфы Посадницы, Орлеанской Девы и др.).

В XX веке указанные выше тенденции остаются актуальны в творчестве литературных деятелей. Особенно следует выделить две важные и во многом противоположные черты. Первая – усиление идеализации женских образов, связанной, в основном, с философией В.С. Соловьева. В своих работах публицист исследует тему Вечной Женственности, которая, как указывает А.С. Суриков, начинается еще с гностиков: «В философском творчестве Соловьева тема вечной женственности возникает тоже не на пустом месте – основанием для нее становится тот интерес к теме пола со стороны философии, психологии,

¹⁸² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX вв.). СПб. «Искусство–СПБ», 1994. С.64.

¹⁸³ Там же. С. 65.

литературы, который буквально “витает в воздухе” конца XIX столетия». ¹⁸⁴

Важным аспектом философской мысли В.С. Соловьева является образ Софии, возникший из христианского образа Софии Премудрости Божией, который философ интерпретировал как «некое сакрально-символическое воплощение высшей женственности и сопутствующих ей высшей мудрости, красоты и гармонии». ¹⁸⁵ Поэтому София воспринимается как «душа мира, очаровательный образ женского божественного начала». ¹⁸⁶

Однако в работах самого В.С. Соловьева конкретного воплощения образа Софии нет, выделяется лишь устремление к вечной женственности. ¹⁸⁷ Тем не менее, эти идеалы получают распространения не только в русской философии (С.Н. Булгаков, А.П. Флоренский считаются представителями «Софиологии»), но и в художественном творчестве. Наиболее ярким примерами является поэзия А.А. Блока, отчасти произведения А. Белого, Н. Гумилева, М.М. Пришвина (Марья Моревна из повести «Мирская чаша»). В творчестве А.А. Блока сквозным женским образом становится образ Прекрасной Дамы, который позже трансформируется в образы Снежной девы, Кармен, Незнакомки и Невидимки.

Такие героини позволяют отметить проекции «обобщенных гендерных символов: матери-земли, матери-родины и Богородицы», ¹⁸⁸ возникающих еще в литературе древней Руси.

¹⁸⁴ Суриков А.С. Тема вечной женственности в поэзии А. Блока // Начало: Журнал институт богословия и философии. 2017. Том 34. С. 149.

¹⁸⁵ Степанов С.А. Идеальный женский образ-символ в отечественной литературе первой половины XX века // Вестник МГУКИ, 2015. №2. С.80.

¹⁸⁶ Бычков В.В. Вл. Соловьев и эстетическое сознание Серебряного века // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. Москва: Академиздатцентр «Наука» РАН, 2005. С. 14.

¹⁸⁷ Соловьев В.С. Смысл любви. М.: АСТ, 2021. 512 с.

¹⁸⁸ 88. Се Чуньянь Специфика идеальных женских образов в русской литературе // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. 2015. С. 615.

С другой стороны, в литературе XX века находят продолжение традиции Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского и др., которые ввели в литературу женщин «неэталонного поведения», изменниц, блудниц (Анна Каренина, Соня Мармеладова, Катерина), попытки выявить как отрицательные женские качества, так и особенности женской психологии (М. Горький, М.А. Булгаков, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын).

Литературные процессы в русской эмиграции были во многом схожи с ситуацией в метрополии, однако имели ряд особенностей, отразившихся на изображении женских образов. Так, в творчестве мастеров слова русского зарубежья встречаются идеальные женские образы, воплощающие внешнюю и внутреннюю красоту, верность и мудрость (А.М. Ремизов, И.А. Бунин, А.Н. Толстой и др.). Например, А.Н. Толстой воссоздает образы «тургеневских девушек», носительниц чистоты, искренности и благородства. В творчестве А.И. Куприна некоторые исследователи отмечают мотивы философии вечной женственности («Гранатовый браслет»), героини отдельных произведений можно рассматриваться как воплощение женского начала («Олеся», «Суламифь»). Женские образы Б.К. Зайцева – «мудрые и гармоничные натуры», которые создаются «с помощью фольклорного кода».¹⁸⁹ Неоднозначными и противоречивыми считаются героини творчества В.В. Набокова. В его прозе появляется как «нелюбимая женщина» («Машенька», «Соглядатай», «Подвиг»), так и идеальная женщина («Дар», «Камера обскура», «Машенька»).

Обращает на себя внимание новая классификация женских образов, в основу которой положен религиозно-нравственный опыт героинь, согласно которой Н.Н. Старыгина выделяет 3 типа: 1) «светская праведница», 2) «женщина на перепутье» и 3) женщина «с обыкновенным душевным

¹⁸⁹ Вилесова М.Л., Хатямова М.А. Женские образы в ранней прозе Б.К. Зайцева // Вестник ТГПУ, 2013. №11. С. 57.

устроением».¹⁹⁰ Этим же путем идет Т.Н. Иванова, обозначая 1) «традиционный тип» (любящие женщины, готовые на самопожертвование и стремящиеся к сохранению традиций прошлого) и 2) «новый тип» (социально активные, эмансипированные героини).¹⁹¹

Однако во всех вышеперечисленных типологиях представлена точка зрения писателей-мужчин, то есть сугубо «мужской взгляд» (Ю.М. Лотман) на женские образы. Исследуя творчество Н.Д. Городецкой, нельзя не обратиться к анализу специфики героинь в женской прозе.

Творчество писательниц-эмигранток, главным образом, посвящено тяжелому положению человека в изгнании. Часто центральной фигурой их произведений становится женщина с непростой судьбой и трагичным финалом. Яркий пример – героини Н.Н. Берберовой (повесть «Аккомпаниаторша»). Мемуаристка представляет два неоднозначных образа: 1) женщина мелочная, неприспособленная к жизни (Сонечка Антоновская); 2) женщина искусства, интересующаяся только «своим миром» и собственной внешностью (Мария Травина). Несмотря на значительные различия характера и образа жизни, обе героини безуспешны и несчастны в попытках адаптироваться к условиям зарубежья, они оказываются заложниками не только собственных эмоций, но и эпохи.

Героини произведений Н.А. Тэффи (Сашенька – рассказ «Маркита») и И.Н. Одоевцевой (Люка – роман «Ангел смерти», Лиза – роман «Изольда») также пытаются приспособиться к обстоятельствам изгнания, однако акцент здесь смещается на глубину трагедии эмигрантов. Персонажи не в силах измениться по существу, поэтому происходит некое разыгрывание ролей, ношение масок как единственный способ защититься от жестокой действительности. Однако нужно выделить существенное различие женских образов указанных писательниц. Н.А. Тэффи верит в

¹⁹⁰ Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 204-217.

¹⁹¹ Иванова Т.Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова : романы «Накануне» и «Некуда» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2002. – С. 6.

силу воли и духа своих героинь, в их способность справиться с обстоятельствами и судьбой. Поэтому надежда на счастье и любовь в изображении героинь выходит у писательницы на первый план. Напротив, женские образы И.Н. Одоевцевой наделены трагической судьбой, преодолеть которую они часто не могут.

В прозе Н.Д. Городецкой женские образы чаще всего являются центральными персонажами. Героини – сильные, волевые и независимые женщины, в большинстве случаев способные справиться с изгнанием и тяжелым бытом. Писательница намеренно наделяет героинь реалистичными чертами, прописывая как положительные, так и отрицательные качества, среди последних особенно выделяются мелочность, слабоволие, легкомысленность, бездуховность.

К формированию типологии женских образов в прозе Н. Д. Городецкой можно подойти с некоторой долей условности, так как писательнице удалось создать целый ряд образов с различными личностными характеристиками и миропониманием, который сложно вместить в единую классификацию. Поэтому остановимся на 2 типах героинь, которые писательница сама обозначает в рассказе «Имена»: 1) Марфа и 2) Мария.

К первому отнесем женские персонажи, более практичные, заботящиеся о доме, материальном благе, успешно строящие личную жизнь; в условиях эмиграции именно они адаптируются лучше остальных. Это Паня (рассказ «Мещаночка»), Нина Петровна (рассказ «Филимон и Бавкида»), Анна (роман «Дети в изгнании»), Леночка (роман «Несквозная нить»).

Напротив, представители второго типа больше склонны к душевным переживаниям, долгим размышлениям о собственной жизни и о судьбах России, чем к решению бытовых, повседневных проблем. Они с трудом приспособляются к новым условиям и нередко стремятся вернуться к прежнему порядку тем или иным способом. Например, Вера, главная

героиня романа «Несквозная нить», оказавшись за рубежом, пытается начать новую жизнь, оставив в прошлом Россию и мужа, однако французские пейзажи напоминают ей родину, а расставание с русскими друзьями-эмигрантами погружает ее в одиночество и отчаяние. Неготовность Ольги (рассказ «Самоубийство») смириться с изгнанием приводит ее к мысли о смерти. А Нина (роман «Дети в изгнании») уезжает в СССР, понимая, что ее место может быть только на родине.

Героини Н.Д. Городецкой мечтают о личном счастье, пребывают в ожидании любви (таковы и многие женские образы И.А. Бунина). Однако жизненные обстоятельства становятся непреодолимой преградой, поэтому часто героинь постигает неудача – смерть любимого, обман мужчин, разлука в эмиграции. Ярким примером может служить роман «Несквозная нить», повествующий о непростой судьбе женщины Веры, сначала тяжело переживающей новые традиции и порядки в семье мужа, затем разлуку с любимым и, наконец, одиночество в эмиграции. Однако лишения и тяжесть бытия не смогли сломить главную героиню романа. Внутренне сильная женщина, способная на самопожертвование, Вера остается верна себе и России.

Смерть любимого становится поворотным моментом для миропонимания юной Лиды (рассказ «Поклонник»), наивной, восторженной девушки, мечтающей о внимании и славе. Влюбленность заставляет ее познать ревность, ненависть и место прощения в жизни человека. Через страдания, уязвленное самолюбие и смерть любимого Лида начинает иначе ощущать окружающий мир: «И ей [Лиде – Л.Г.] казалось, что вся поэзия и вся грусть мира заключались в этих словах и что каждый день, каждый звук ее маленькой жизни были наполнены пророческого значения, говорили о ее единственном горе».¹⁹²

¹⁹² Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 171.

Героини прозы Н.Д. Городецкой сталкиваются и с обманом со стороны мужчин, который писательница часто раскрывает только читателям, словно вынося в ремарку. В качестве примера приведем образ юной Пани (рассказ «Мещаночка»), впервые полюбившей и страдающей от «огромного невыраженного чувства». Ее любовь светла и проста, поэтому помогает девушке легче переносить тяжелое материальное положение, собственное сиротство, учебу и др. Однако Н.Д. Городецкая представляет читателю мысли возлюбленного Пани, корнета, понимающего невозможность дальнейших отношений и одновременно не решающегося признаться девушке, а потому размышляющего о собственном безволии и подлости. Это обстоятельство наполняет рассказ глубоким трагизмом и жалостью к героине.

Отдельно выделим образ женщины-матери. В творчестве Н.Д. Городецкой он представлен менее детально, часто обрисован негативными красками. Это во многом связано с биографией самой писательницы, у которой складывались непростые отношения с собственной матерью Марией Дмитриевной: «Что касается матери, то отношения с ней не были теплыми. В той же повести «Белые крылья» героиня вспоминает, что в гатчинском доме было всегда шумно и оттого неуютно».¹⁹³ Наиболее ярким примером становится героиня романа «Дети в изгнании» Елена Кочетова. Забота о сыне Борисе, его воспитание, передача русских ценностей и традиций уходят у Кочетовой на второй план. Главное для нее – материальное благо, сплетни и личная жизнь. Однако она неоднократно задумывается о том, что является плохой матерью, и стремится стать лучше, однако это желание так и остается невоплощенным. Заметнее всего это на контрасте с воспитанием Нины (главная героиня романа) священнослужителем Иваном Предтеченским, где разговоры и поведение определяются духовными ценностями и русской культурой.

¹⁹³ Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества... С. 9.

Отметим также мысль Ю.М. Лотмана, считавшего, что мужской и женский взгляды на культуру отличаются: «женский взгляд при упоминании имени человека прежде всего видит ребенка, а затем уже – процесс его формирования».¹⁹⁴ Поэтому в следующих главах необходимо обратимся к анализу темы детства в творчестве Н.Д. Городецкой.

Таким образом, центральная фигуры всей художественной прозы писательницы – женщина, часто одинокая, страдающая от несчастной или безответной любви, в то же время готовая к испытаниям, преодолению жизненных трудностей и к самопожертвованию.

2.4 Традиции «духовного реализма» в изображении детских образов

Биография Н.Д. Городецкой открывает еще один важный аспект в жизни первой волны эмиграции: феномен возвращения большинства беженцев к православию.

В условиях изгнания, тяжелого материального положения, отсутствия собственного жилья, растущего ощущения одиночества и неполноценности, ущербности бытия эмигранты предпринимали активные попытки обрести жизненную опору. Таковыми становились не только сохранения памяти об утраченной родине, но и воссоздание части отечества за рубежом (русские школы, библиотеки, музеи и т.д.), культурная деятельность (словесное, театральное, музыкальное, художественное, кинематографическое искусство) как возможность сохранить национальную идентичность.

Однако значительная часть представителей первой волны эмиграции, в особенности старшее поколение, нашла опору в Православии. Это стало возможно благодаря активной позиции религиозных деятелей и философов, оказавшихся в изгнании.

¹⁹⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С.73.

В.В. Костиков одну из главных причин указанного явления видит в «высокоразвитом чувстве долга»¹⁹⁵ философов перед оставшейся без отечества молодежью. В.С. Варшавский в книге «Незамеченное поколение» писал: «Для бесправного эмигранта все двери в окружающую иностранную жизнь были закрыты. Русский храм – вот единственное место, где он чувствовал себя дома. Здесь все напоминало счастье прежней жизни на родине <...> Это религиозно-патриотическое чувство, близкое большинству эмигрантов, с особой силой захватывало молодежь».¹⁹⁶

Кроме того, определенная самими беженцами задача сохранения и развития русской культуры, способствовала их возвращению к православию.

Причина этого усматривается Н.А. Бердяевым в «глубинной православной основе русской души», в свойственном русскому народу философствованию и духовных исканиях: «Русские не скептики, они догматики, у них все приобретает религиозный характер».¹⁹⁷

В изгнании церковь становится важнейшим элементом духовной жизни, «убежищем от чужого мира» (П.Е. Ковалевский). Это потребовало открытия за рубежом множества православных храмов, большинство из которых строились во Франции, образования специализированных учебных заведений, активной работы с русской диаспорой, в особенности с «третьим поколением», не имевшим непосредственной связи с Россией. С этой целью создавались различные христианские движения. Наиболее известное – Русское студенческое христианское движение (РСХД), возглавляемое религиозным философом, богословом В.В. Зеньковским. В качестве основных задач движения значилось религиозное воспитание молодежи, ее просвещение в вопросах русской культуры и истории, формирование национального самосознания. Среди участников РСХД

¹⁹⁵ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. С. 246.

¹⁹⁶ Варшавский, В.С. Незамеченное поколение: публицистика: [12+] / В.С. Варшавский; под ред. Л.М. Сурис. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. С. 114.

¹⁹⁷ Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. Санкт-Петербург.: Лань, 2017. С. 18.

стоит отметить Н.А. Бердяева, Н.И. Новгородцева, П.Б. Струве, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, С.Н. Булгакова.

Однако В.С. Варшавский указывает на споры и дискуссии, возникшие на фоне возвращения эмигрантов к христианству – противоречия «отцов и детей», различия взглядов у представителей религиозно-философской мысли на традиции, идеологию христианства, на идею «оцерковления» жизни. «Но под возвращением к традиционному православию подразумевалось уже возвращение не к русской национальной религии, а к христианству первых веков, к вселенской Церкви, призванной Богом объединить всех верующих в некий новый «благодатный» народ <...> Эта вера во вселенское призвание Православия соединялась с пламенными миссионерскими мечтаниями».¹⁹⁸

В подобных спорах выявлялась первостепеннейшая задача христианского движения – приобщение «третьего поколения» к русской идее и, тем самым, предотвращение культурного упадка эмиграции – отмечал в книге «Исторический путь православия» прот. А. Шмеман.¹⁹⁹

Поэтому значительным явлением духовной жизни беженцев становится обращение писателей к православным основам. Г.В. Адамович писал: «Эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской».²⁰⁰

Литература зарубежья в отрыве от метрополии оказалась наиболее востребованным видом искусства. Она не только наиболее эффективно способствовала сохранению дореволюционной русской культуры, в том числе культуры Серебряного века, но и успешно продолжала традиции христианской литературы.

Именно в эмиграции возникает особый тип реализма, получивший определение «духовный реализм». Указанный термин использует в

¹⁹⁸ Варшавский, В.С. Незамеченное поколение: публицистика... С. 149.

¹⁹⁹ Шмеман А.Д. Исторический путь православия / Прот. А. Шмеман. - [Репринт. изд.]. - М. : Паломник, 1993. – 387 с.

²⁰⁰ Адамович Г.В. Одиночество и свобода Одиночество и свобода [Текст] / Георгий Адамович. - Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. С. 28.

научных работах целый ряд исследователей: А.П. Черников, В.А. Редькин, А.А. Алексеев, М.М. Дунаев и др. Так, В.А. Редькин определяет «духовный реализм» как художественный метод, связанный с традицией, признающей существование духовной реальности.²⁰¹

Но наиболее полно и точно понятие «духовного реализма» сформулировано у А.М. Любомудрова. Под «духовным реализмом» исследователь понимает «художественное освоение духовной реальности, т.е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия».²⁰²

Надо отметить, что терминов, обозначающих вторжение необъяснимого в реалистическое повествование, в литературоведении существует довольно много. Это и магический реализм, фантастический реализм, мистический реализм, трансцендентальный реализм, метафизический реализм, христианский реализм, духовный реализм²⁰³. По нашему мнению, именно последние две формулировки наиболее точно отражают акцентирование на изображении духовных реалий и православных традиций в художественной прозе. Так, И.А. Есаулов вслед за В.Н. Захаровым предлагает термин «христианский реализм», полагая, что упор необходимо ставить на христианском осмыслении творчества писателя. Он пишет: «Может быть, основой вершинных произведений русской литературы является сопряжение человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ? Это сопряжение стало возможным в итоге художественного освоения доминанты новозаветного образа мира, который строится на признании человеческой и Божественной природы Христа»²⁰⁴. Поэтому И.А. Есаулов не соглашается

²⁰¹ Редькин В.А. Духовный реализм как метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. №1. С. 71–78.

²⁰² Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья... С. 38.

²⁰³ Гавриков В.А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т.д.) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. №1. С. 35-42.

²⁰⁴ Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: Материалы Международной научной конференции. Калининград. Октябрь 2006 г. / Российский государственный университет им. И. Канта; Отв. ред. Л. Дорофеева. – Калининград: Изд-во Калининградского Гос. Ун-та, 2007. – С. 9-19.

с понятием «духовный реализм», т.к. слово «духовный», по его мнению, создает неопределенность и двусмысленность. Однако в нашей работе мы будем оперировать определением А.М. Любомудрова. Это объясняется прежде всего особенностью отражения православных традиций в прозе Н.Д. Городецкой, которая акцентирует внимание не только на изображении богослужений, молитв, праздников, но и прежде всего на восприятии человеком религии вообще, что иногда сложно интерпретировать в рамках христианства. Ярким примером является эпизод из романа «Дети в изгнании», посвященный духовным исканиям Нины, которая предпочитала «беседовать» с Богом не в храме, а в собственной комнате, словно бы наедине с Творцом. Эту разницу Н.Д. Городецкая подчеркивает следующей фразой: «Другие видели в церкви чисто национальную ценность, и все это было крайне далеко от того стремительного и личного чувства, которое существовало между Ниной и понятием божественного».²⁰⁵

Термин «духовный реализм» впервые появляется в трудах Н.А. Бердяева («...кенозис, боговоплощение, нисхождение Бога в человеческий мир есть духовный реализм»²⁰⁶), Г.В. Флоровского (««высший и духовный реализм»²⁰⁷). Это понятие употребляет и Н.Д. Городецкая в интервью «В гостях у Ходасевича»: «Не считаете ли вы, что после символизма стало дозволено говорить простым языком о иных реальностях? То есть, не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом?».²⁰⁸

Это обстоятельство подтверждает, что эмигранты ощущали необходимость переосмысления сложившихся категорий и понятий, поиска новых путей. В отрыве от отечества им удалось увидеть «со

²⁰⁵ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants (Дети в изгнании)* ... С. 178.

²⁰⁶ Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: 1989. С. 36.

²⁰⁷ Флоровский Г., прот. *Евразийский соблазн // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 310.*

²⁰⁸ Городецкая Н.Д. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот текста и коммент. А.М. Любомудрова.* – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 720.

стороны» те основы, на которых зиждилась вся дореволюционная русская культура.

Этот парадокс отмечает И.А. Есаулов в книге «Русская классика: новое понимание»: «только после потрясений оказалось возможным обозреть жизнь в ее целом, попытаться подвести итоги тысячелетней православной традиции <...> Через христианство можно узреть вечную и нетленную сущность России».²⁰⁹

Возвращение писателей к православию становится своеобразным средством обретения и воскрешения утраченной «святой Руси», инструментом открытия ее для потомков. В связи с этим характерно появление в художественных произведениях эмигрантов образа града Китежа как ушедшей России и образа озера Светлояра – как самого русского зарубежья, в котором должна быть сохранена частица отечества. На это указывал и П.Б. Струве, видя в Великой России и Святой Руси единство, связанного духовной основой (З.Н. Гиппиус «Светлое озеро»).

Источником «духовного реализма» И.А. Есаулов считает «древнерусскую книжную традицию на воцерковление человека» и связанную с ней ориентацию литературы XIX века на высший идеал – Христа.²¹⁰ Само понимание культуры в Древней Руси как феномена, обладающего вселенским и вневременным смыслом, определялось православными основами. Из этого самосознания исходит и характеристика книги в качестве «духовного руководителя и вместилища вечных идей».²¹¹

Таким образом, можно говорить о том, что появление «духовного реализма» – это своеобразное возвращение литературы к истокам средневековой христианской культуры, сближение светского и православного мировоззрений.

²⁰⁹ Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб, 2012. С. 326.

²¹⁰ Там же. С. 325.

²¹¹ Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ», Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. 76.

Стоит отметить существование различных точек зрения на связь религии и русской литературы. О.Н. Михайлов, например, считает, что духовные поиски персонажей эмигрантской прозы не ведут к христианству, вследствие чего усматривать православие в словесном творчестве неоправданно.

Эту проблему поднимает А.М. Любомудров, подчеркивая важность обозначения православными только тех культурных аспекты, в которых присутствует Церковь. Другими словами, ученый вводит критерий церковности для определения православных явлений культуры. «Православным произведение может считаться такое, художественная идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения. Его герои могут быть воцерковленными, либо антицерковными, либо равнодушными к Церкви. Но если этой соотнесенности с Церковью нет вовсе, то, очевидно, говорить о православности неправомерно».²¹²

В русском зарубежье православным можно назвать творчество ряда эмигрантов, в частности, И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева, отличительной чертой которого становится опыт освоения духовной реальности, возвращение к России как к потребному Раю, обрисованному через призму детского сознания. В их произведениях сквозной нитью проходят мысли о бессмертии души, о вечной жизни и устремленности к Царству Божию.²¹³

Еще одной важной особенностью «духовного реализма» А.М. Любомудров называет постижение воцерковленности писателем. Оно может проявляться в его художественном сознании, в публикационной работе и отражаться в биографии.²¹⁴

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что «духовный реализм» характерен для творчества писательницы и богослова Н.Д. Городецкой. Ее жизненный и творческий путь – это обретение

²¹² Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья... С. 19 – 20.

²¹³ Черников А.П. Духовно-нравственные искания в автобиографической прозе русского зарубежья// Литература в школе. 2008. №6. С. 3.

²¹⁴ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья... С. 20

православной веры (в 1929 г. писательница посещает Религиозно-Философскую академию и Франко-русскую студию, активно сотрудничает с Н.А. Бердяевым, архимандритом Львом Жилле (ставшим ее духовным наставником), а в 1934 г. оказывается в Англии, где оставшуюся часть жизни посвящает изучению религии, в том числе христианских традиций в русской классической литературе, преподаванию богословия).

В прозе Н.Д. Городецкой отчетливо прослеживаются ее собственные религиозные искания. Так, в художественных произведениях детально описываются обряды и богослужения (причастие, заутреня, молитвы, монашеский постриг и др.), религиозный быт, православные праздники, а также в текст часто вводятся цитаты из Ветхого и Нового Завета, библейские образы и сюжеты.

Так, в рассказе «Имена» проводится параллель с библейскими персонажами Марфой и Марией, сакральный смысл заключает в себе название рассказа «В дни потопа», посвященного эвакуации русских людей из Крыма. Читатель узнает подробности празднования Пасхи героями рассказа «Таня» и т.д.

Изображение духовной сферы предполагает погружение в сознание и подсознание персонажей, попытка передать их мироощущение, их стремление к покою и умиротворению. Этому способствует описание религиозных праздников через призму детского восприятия. Ярким примером может служить цикл «Из жизни Кати Белосельской», где трогательно переданы детские воспоминания о быте дореволюционной России. В этом можно усмотреть мотив «золотого детства», характерный для русской литературы. Особенный акцент Н.Д. Городецкая делает на восприятии религиозных обрядов и понятий: умения видеть красоту там, где ее не видят взрослые (дети любят и «уродливую собаку с кривой лапой», и «голубя с подбитым крылом» и «рваного черного кота»²¹⁵),

²¹⁵ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С. 267 – 270.

особом детском понимании Бога и православных обычаев. В качестве примера можно привести отрывок из указанного выше цикла:

«— Бог за звездой живет. И в нас скрывается.

По тому, что старик говорит «скрывается», Кате казалось, что это большая тайна <...> сама иногда уходила в детскую, садилась в уголок лицом к стенке и, притаив дыхание, слушала стук своего сердца: не откроется ли Бог?». ²¹⁶

Н.Д. Городецкая эмоционально описывает обряд пострига не только как прощание со старой земной жизнью, но и как начало новой – отданной служению Богу: «Катя не вошла; ее ввели две монахини, прикрывая ее своими мантиями, как черными крыльями <...> Она лежала на полу у ступеней, ведущих к Царским вратам; ее распростертые руки казались неживыми <...> Теперь она стояла одна, держа в руках Распятие. Виден был ее профиль, иконописное, узкое, изменившееся от клобука и мантии лицо. Прихожане приветствовали ее поясным поклоном, прикладываясь ко кресту. Женщины ее целовали» (цикл «Из жизни Кати Белосельской»). ²¹⁷

В художественных произведениях Н.Д. Городецкой звучит и идея преодоления сомнений для возвращения к религии. Здесь понятия «русскость» и «религия» оказываются связаны – обращение к Православию означает возрождение любви к России. Через эту связь показана в рассказе «Самоубийство» глубина трагедии изгнанников: «О России мы иногда ночами разговаривали, плакали <...> Священник речь произнес – о загробной родине. Все плакали. Не о покойнице. О себе, о земной далекой родине, которую, Бог знает, увидим ли когда-нибудь». ²¹⁸

Иначе показаны духовные искания персонажей, оставшихся в Советской России. Их жизнь утратила важную составляющую – православие. Герои испытывают смятение, страх, боль. Сквозной нитью проходит мотив ожидания смерти.

²¹⁶ Там же. С. 268.

²¹⁷ Там же. С. 311 – 312.

²¹⁸ Там же. С. 221 – 222.

Ярким примером является цикл «Из жизни Кати Белосельской», где герои совершают попытки сохранить прежние устои, совершая молитвы, празднуя Рождество, стремясь к Богу и спасению души: «В напряжении ночи, в тишине, прерываемой угрожающим гулом грузовика, девочке хотелось быть униженной, простить, воскреснуть».²¹⁹ Однако в условиях страха, объявления православных праздников пережитками, уничтожения привычных традиций сами персонажи чувствуют невозвратимую утрату счастья и гармонии.

Особенно остро ощущает все это ребенок, поэтому Н.Д. Городецкая делает акцент на изображении происходящего через призму детского сознания. Для писательницы важен процесс осмысления детьми мироустройства и православных традиций. Это также характерно для «духовного реализма»: в произведениях И.С. Шмелева («Лето господне») и Б.К. Зайцева («Путешествие Глеба») главными действующими лицами становятся дети. Остановимся на этом подробнее.

Феномен детства – многогранное явление, осмыслением которого занимаются философия, психология, педагогика, социология, культурология, теология, филология и другие науки. В мировой литературе детство является одной из ключевых тем, позволяющих писателю решать нравственные, религиозные, исторические, философские проблемы, рассматривать общественные и социальные противоречия общества, глубже раскрывать психологические аспекты человеческой природы.

Однако интерес писателей к указанной теме возникает относительно поздно: в конце XVIII – начале XIX вв. в связи с изменениями общественных представлений о ребенке и его воспитании (в 1888 г. была опубликована «Душа ребенка» Т. Прейера – первая книга об особенностях детского психофизического развития, заложившая основы психологии детства).

²¹⁹ Там же С. 273.

Именно в этот период в европейской литературе появляется роман воспитания (И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», Ч. Диккенс «Дэвид Копперфильд», Г. Флобер «Воспитание чувств»), позволивший иначе взглянуть как на процесс воспитания, так и на личность ребенка.

Для русской литературы характерен поступательный генезис темы детства. Образ ребенка появляется в художественных произведениях лишь в XVIII веке и не является самостоятельным предметом художественного изображения. Напротив, детство рассматривается только в качестве этапа становления личности человека в контексте решения воспитательных задач (Д.И. Фонвизин «Недоросль»). В конце XVIII века стараниями Д.И. Фонвизина, А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова создается полноправная детская литература. Это повлияло на переосмысление самого феномена детства: повысился интерес не только к детству как важнейшему этапу в процессе формирования личности, но и к внутреннему миру ребенка.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в прозе Н.М. Карамзина начала XIX века, и связана она с осознанием самоценности мира детства, с изображением художественного образа ребенка в модели «идиллического хронотопа» (М.М. Бахтин), т.е. гармоничного, счастливого существования ребенка в пространстве дворянской усадьбы (Н.М. Карамзин «Евгений и Юлия»). «Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзина создает новый жанр – повесть о ребенке, он найдет продолжение в произведениях «Детство» Л.Н. Толстого и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова. Здесь следует упомянуть и создание в первой половине XIX столетия канона образа русского детства с акцентом на изображении доброго ребенка, народных забав, деревенской жизни, русской зимы. Та же идея прослеживается в прозе С.Т. Аксакова, Н.М. Гарина-Михайловского. Схожую модель представляет Л.Н. Толстой в трилогии «Детство. Отрочество. Юность», в которой акцент смещается на

изображение внутреннего мира ребенка, описание детских психических процессов и состояний.²²⁰

Конец XIX века открывает и другое направление детской темы: появляются произведения, посвященные детям-сиротам и детям-труженикам («Плач детей», «Крестьянские дети» Н.А. Некрасова, «Вертел», «Под домной» Д.Н. Мамина-Сибиряка, «Дети подземелья» В.Г. Короленко, «Ванька», «Беглец» А.П. Чехова и т.д.).

Толстовские идеи о «непреходящей ценности детского неискаженного восприятия мира» находят продолжение в творчестве писателей Серебряного века. Ребенок оказывается центральной фигурой произведений И.А. Бунина, А.И. Куприна, Ф.К. Сологуба и К.Д. Бальмонта, А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, А. Белого, М.И. Цветаевой, И.С. Шмелева. Для этого периода характерна мысль о спасительной роли детства в жизни человека. Например, для Ф.К. Сологуба ребенок является «первым чудом на свете» («Я верю в творящего Бога»), К.Д. Бальмонт называет его «полубогом» («Почему идет снег»), А.А. Блок – «причастным Тайнам» («Девушка пела в церковном хоре»).²²¹

Продолжение традиций Серебряного века отчетливо прослеживается в творчестве писателей-эмигрантов (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева», Б.К. Зайцев «Путешествие Глеба», И.С. Шмелев «Лето Господне»). Например, детская тема является одной из важнейших в эмигрантском творчестве Саши Черного. Так, Н.В. Францова отмечает 3 вариации рассказов о детстве: рассказы-характеристики ребенка («Красный камешек», «Домик в саду», «Тихая девочка»), рассказы, посвященные взаимоотношениями ребенка и взрослого («Разбитое стекло», «Ссора», «яблоки»), рассказы,

²²⁰ Козлова А.Л. Образ ребенка в творчестве символистов: истоки современного мифа // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2010. № 13 (56). С. 96.

²²¹ Дворяшина Н.А. Лики детства в русской литературе Серебряного века // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2008. №15. С. 137-138.

раскрывающие особенности вхождения во взрослый мир («Дорогой подарок», «Железное колечко»²²²).

Неоднократно обращается к теме детства Н.Д. Городецкая. Образы детей в ее прозе обрисованы ярко, детально и эмоционально. Особое внимание она уделяет детской психологии: «Ребенок видит весь мир и не умеет, казалось бы, разбираться в ценностях. А между тем в памяти его собирается и откладывается именно тот опыт, который впоследствии окрасит его личность»²²³.

В изображении детей у Н.Д. Городецкой прослеживается идея Л.Н. Толстого об особой восприимчивости ребенка к миру, обществу, природе, а также чувственности, проявляемой детьми в гораздо большей степени, чем взрослыми. Так, в автобиографическом очерке «Новгород» Н.Д. Городецкая описывает собственные воспоминания о детстве – прогулках, играх, нарядах, пейзажах. Однако акцент смещается на детское восприятие окружающего мира: «Мне сказали, что вблизи Новгорода леса невелики. Но я и по сей день вижу высокие, ржавого золота, стволы сосен и сквозь их раскинутые ветви растущее вверх ярко-голубое северное небо»²²⁴.

Н.Д. Городецкая показывает детей непредвзятыми, неподкупными наблюдателями, открытыми миру и тонко чувствующими состояние людей и природы. Каждое действие, каждая вещь для ребенка – это открытие целого мира. Ярким подтверждением данной мысли является рассказ «Букет». Главный герой произведения Юра впервые наблюдает чувство влюбленности у Ани, его старшей сестры, и друга-студента, и увиденное меняет мировосприятие подростка: «Он [Юра – Л.Г.] был занят открывшимся ему новым миром, в котором жил четырнадцать лет, не видя,

²²² Францова Н.В. «Русский ковчег» Саши Черного // Культура русского зарубежья: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. / гл. ред. Л.И. Гаврилова. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. С. 252.

²²³ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.159.

²²⁴ Там же. С. 163.

не понимая. Прожитый день, полный неповторимых и утомительных впечатлений, казался ему праздником».²²⁵

Или пример «дружбы» Молли, главной героини рассказа «Робин», и раненой птицы Робина, о которой девочка усердно заботилась – лечила, устраивала клетку, скворечник, носила с собой в школу. Даже недолгое расставание с пернатым другом героиня воспринимает трагично: «Молли поддакивала. Ей хотелось плакать. Но, конечно, слез он не пролила, убрала за собой комнату, натерла пол, растворила окно, поцеловала красную грудку Робина, его крылья и заперла в клетке».²²⁶

В прозе писательницы дети предстают личностями непосредственными, не ограниченными предубеждениями, авторитетами, условностями, страхами и иллюзиями взрослых. Они свободны в поступках и высказываниях. Так, для маленькой героини из цикла «Из жизни Кати Белосельской» самым важным в Пасхальный день становится кормление нелюбимых ею диких кошек. Ни упреки матери, ни мнение гостей, ни испорченный наряд не имеют для Кати большего значения, чем прощение, данное ею кошкам, людям и всему миру.

В художественных произведениях Н.Д. Городецкой прослеживается и другая толстовская идея – мотив детства как «потерянного рая», в контексте которого взросление рассматривается с позиции разрушения многоцветного, гармоничного мира детства – пространства чистоты, безмятежности, искренности. Этот мотив наблюдается в творчестве многих писателей русского зарубежья (И.А. Бунин, И.С. Шмелев, М.А. Осоргин, В.В. Набоков) и связывается в том числе с мотивом утраченной родины. Обращение к теме детства позволяло мастерам слова воссоздавать эпизоды из прошлого, описывать особенности быта, культуры, традиций страны, размышлять о «русскости» и будущем России.²²⁷

²²⁵ Там же. С. 165.

²²⁶ Там же. С. 560.

²²⁷ Бобина Т.О. Мотив детства как «потерянного рая» в автобиографической прозе русского зарубежья // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2011. №1. С. 96-98.

Однако в прозе Н.Д. Городецкой мотив утраченной родины раскрывается иначе. Это не наивная ностальгия, а попытка вернуться в прошлое, чтобы глубже осознать причины мирового трагизма, попытка доказать невозможность успешного существования политического режима, ставшего причиной изгнания народа, сломанных судеб. Детское страдание – устойчивый мотив в контексте этих посылов.

Детство в дореволюционной России предстает как ускользающее воспоминание, сон, смутный, прерывистый, но оставляющий впечатление чистоты и покоя. Детство в изгнании показано как трагедия утраты дома, отечества и родовых корней.

В прозе Н.Д. Городецкой об эмиграции нет идиллического хронотопа, напротив, писательница передает детское одиночество и тоску по родине. За рубежом дети неуклонно перенимают чужие традиции и культуру, но в ключевые моменты жизни подсознательно вспоминают отечество и веру. В рассказе «На страже» описывается реакция детей на сердечный приступ отца: «Тата берет щенка в свой подол – так им обоим теплее. Потом она думает, что и его молитва имеет силу <...> и она пытается поставить щенка на задние лапы, а правой верхней крестит его. Жене кажется, что все это грех, но сейчас не время разбираться в тонкостях, пусть и пес поможет».²²⁸

Все чаще Н.Д. Городецкая акцентирует внимание читателей на попытках детей «на ощупь» самоидентифицировать себя в чужой стране. Вдали от родных дома и земли, иногда не имея четких воспоминаний о России, дети неизменно чувствуют привязанность к своему отечеству. Показательны в этом отношении переживания героя рассказа «Родина», сына русского и француженки. Все детство Саша стремится ощутить свою принадлежность к одной из этих наций: Франция для него – безоговорочная родина, но и с Россией он чувствует неразрывную связь. Французские ментальность, русскость и православная вера приводят его к

²²⁸ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.338.

трагическому заключению: «В этот день в первый раз и навсегда Саша понял, что он не русский и не француз, и жизнь его, как жизнь безыменных средневековых каменщиков, навсегда отдана Строению, которое не им начато, не им будет закончено в веках...».²²⁹

К изображению непростой эмигрантской жизни детей нередко обращается и Саша Черный (рассказы «Счастливый карп», «Буйабес», «Детский остров»). В своей статье «Детский ковчег» писатель замечает: «Представляли ли вы себе когда-нибудь, о чем они думают, оставаясь сами с собой, среди парижского океана, наши дети, такие серьезные и так много пережившие дети?».²³⁰

Однако, по мнению писательницы, еще большая трагедия разворачивается в России в период революции и Гражданской войны. Следует отметить, что в 1917-м году шестнадцатилетняя Н.Д. Городецкая была свидетельницей неоднократной смены власти в Полтаве (большевиков сменяли петлюровцы, немецко-кайзеровские войска, армия Деникина), что сопровождалось грабежами, разбоем и разрушениями. Воспоминания о том времени находим в ряде очерков и в романе «Несквозная нить».

Особое внимание привлекает рассказ «В приюте», в котором писательница рисует образы детей, чьи судьбы удивительно схожи: отцы воюют на фронте, матери работают на фабриках, а сами дети вынуждены жить в приютах. Во главу угла Н.Д. Городецкая ставит проблему раннего взросления, уподобления ребенка взрослым в плане речи, манер, поведения, образа мыслей, что в состоянии войны, голода, смерти не могло дать положительного результата. Дети становятся грубыми, злыми, подлыми, безнравственными. Так, один из героев указанного выше рассказа честно признается в совершенном им преступлении и не испытывает мук совести: «Что ж убить, – сказал Мишка.– Я ножом

²²⁹ Там же. С. 499.

²³⁰ Саша Черный. Собрание сочинений: В 5 т.Т.3. – М.: Эллис Лак, 1996. С. 357.

работать умею. Я вот по трамваям иной раз из карманов тягаю, – и как-то меня городской на высадке поймал – я его шасть ножом по руке. Он за руку – а я деру».²³¹

Здесь детская тема раскрывается через образ «злого мальчика», характерного для русской литературы конца XIX века («Злой мальчик» А.П. Чехов, «Подросток» Ф.М. Достоевский, «Петька на даче» Л.Н. Андреев), где в центре повествования стоит ребенок, озлобившийся от «грязи мира».

Этические, моральные, христианские ценности утрачивают для этих детей значимость. Не имея большого социального и эмоционального опыта, они механически подражают взрослым, не разбирая... добро и зло и перенимая все чаще скупость, высокомерие, лицемерие, эгоизм и жестокость. Например, услышанная и не в полной мере осмысленная фраза «ишь, буржуйки» молниеносно превращается в детской среде в сквернословие. «Ведь не просто подражательно, а злобно, от сердца кричали они это, ругательное в их понимании, слово «буржуйки», – замечает Н.Д. Городецкая.²³²

В упомянутом выше рассказе проявляется мотив детских страданий, характерных для творчества Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М. Горького, Н. Тэффи. Из представителей русского зарубежья эту тему наиболее ярко раскрыли А.И. Куприн («Река жизни», «Болото») и И.С. Шмелев («В новую жизнь», «Служитель правды»), сделавшие акцент на сращении мира детства с миром взрослых. Социальное неблагополучие, плохое воспитание становятся основой детской деградации, духовного обнищания, раннего взросления. Именно к этому выводу приходит Н.Д. Городецкая: «Если не в стенах приюта, то до и вне его знакомились дети с жизнью. И не были уже детьми».²³³

²³¹ Там же. С. 190.

²³² Там же.

²³³ Там же. С. 188.

Главные причины детских страданий писательница видит в разрушении основ государственности и пренебрежении религиозными традициями при формировании личности ребенка. До XX века детство считалось ключевым периодом для духовного становления человека. Поэтому родители и учителя способствовали приобщению детей к вере и добродетели. Богослов Александр Шмеман подчеркивал важность религии для развития личностных качеств ребенка: «Нежный возраст легко принимает и, как печать на воску, напечатлевает в душе то, что слышит; преимущественно с этого времени жизнь склоняется к добру или ко злу. Если, начиная от самых дверей жизни, отводят их от зла, и наводят на путь правый, то добро обращается у них в господствующее свойство и природу...». ²³⁴

Однако именно наставления на путь добра и любви нет в воспитании детей из рассказа «В приюте». Взрослые обращают внимание на то, чтобы дети были сыты, одеты и обуты, не мерзли, не болели. Духовно-нравственное воспитание отходит на второй, третий план... Тем не менее, на глубинном, интуитивном уровне ребенок в любой ситуации способен проявлять искренность, добро, любовь.

«Ночью как-то нашли ее (Лиду – Л.Г.) плачущей.

– Маму во сне видела. Она велит Катьку беречь.

И берегла». ²³⁵

Духовность выражается подсознательно, на самом примитивном уровне, но для детей Гражданской войны – это путь к очищению и добродетели.

Ярким примером может служить одна из героинь рассказа «В приюте» – семилетняя Лида, упрямая, но дисциплинированная девочка: «Лида была очень трудолюбива: часто сама вызывалась на дежурство по

²³⁴ Шмеман А.Д. Проповеди и беседы. М.: Паломникъ, 2002. С. 21.

²³⁵ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.189.

уборке <...> наказание переносила стоически. Напоминать ей не приходилось.

– Я сегодня без сладкого, – сама предупредит дежурную». ²³⁶

В своем творчестве Н.Д. Городецкая неоднократно подчеркивает духовное богатство детей, их стремление к знаниям, культуре, религии, тем самым, продолжая шмелевскую традицию осмысления темы детства через призму православия.

Эта идея восходит к древнерусской традиции сакрализации (т.е. возвращения человека в состояние целостности и чистоты) и существования чина детской святости. Для русского православия свойственно особое отношение к ребенку как к «наследнику Царствия Божия <...> как посланнику небес, душе данной Господом на хранение». ²³⁷

Эта мысль отчетливо прослеживается в художественных произведениях Н.Д. Городецкой. Примером может служить рассказ «Имена», повествующий о сестрах Марфе и Марии. Девочки отличаются искренностью, душевной чистотой, тонким восприятием мира, природы, событий: «Наедине Марфа часто рассказывала, как она предчувствует ветер, как, слушая Бетховена, видит пунцовые огни, переходящие в лиловые и густо-синие <...> В эти минуты Мария ее обожала. Для ее самой музыка была – как солнце, как ее тело: она просто жила в них». ²³⁸

Причастие для них становится особенным днем: «Девочки в тот день почти не шалили. Они ходили на цыпочках, шептались. Было это не то крещением, не то постригом». ²³⁹

В этом рассказе Н.Д. Городецкая намеренно проводит параллели с библейским сюжетом о Марфе и Марии, указывая на различие в характерах и мировоззрении девочек. В то же время особое внимание

²³⁶ Там же.

²³⁷ Абраменкова В.В. Агиологическая психология детской святости // Московский психотерапевтический журнал, 2005. №3. С. 121.

²³⁸ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.177.

²³⁹ Там же.

писательница уделяет их взаимоотношениям, наполненным милосердием, самопожертвованием, преданностью и благородством. Дети чувствуют неразрывную связь и свое духовное единение, которое не могут нарушить никакие жизненные обстоятельства.

Взгляд ребенка, по мнению Н.Д. Городецкой, более пронизательный, более зоркий, чем у взрослых. Именно это позволяет детям видеть красоту в человеке и природе, подсознательно определять ценность жизни и истории. Например, в очерке «Новгород» писательницу удивляет, как интуитивно местом игр дети выбрали не цветник, а неприглядный вал с подгнившей скамьей, сохранивший следы московско-новгородской войны XV века, начатой Марфой Посадницей.

Любовь и добродетель в прозе писательницы становятся критерием духовного богатства ребенка, его внутренней чистоты и милосердия. Такими являются дети из цикла «Из жизни Кати Белосельской», заботящиеся и покровительствующие злобному голубю с подбитым крылом, писклявым воробьям и галкам и даже уродливой собаке с кривой лапой, о которой взрослые говорят: «Такое чудище, портит весь вид».²⁴⁰

Таким образом, в своем творчестве Н.Д. Городецкая неоднократно обращается к образу ребенка, подчеркивая его особый внутренний мир, бескорыстие, чистоту, великодушие. Писательница детально прописывает характеры, мотивы поведения, эмоциональные переживания детей, находящихся в России в период Гражданской войны и вдали от родины – в эмиграции. В своих произведениях Н.Д. Городецкая доказывает необходимость сохранения детской души в зрелом возрасте. Именно в этом, по ее мнению, заключается спасительная роль детства в жизни человека.

²⁴⁰ Там же. С. 276.

2.5 Проблема самоопределения «младшего поколения» в романе «Дети в изгнании»

Однако наиболее характерным произведением, вобравшим в себя традиции «духовного реализма», можно считать роман «Дети в изгнании»²⁴¹.

В русском зарубежье религиозное воспитание молодежи сопровождалось множеством трудностей, одной из которых были сами духовно-психологические установки «третьего поколения», не помнившего или вовсе не видевшего Россию, а, следовательно, не осознающего себя частью русской истории.

Этой проблеме посвящен роман «L'exil des enfants» (Дети в изгнании) Н.Д. Городецкой, написанный в 1933 году полностью на французском языке, что дало Ю.В. Мандельштаму основания утверждать, что этот роман «обращен, по-видимому, главным образом к европейскому читателю».²⁴² Лишь отдельные главы были напечатаны в журнале «Возрождение» на русском языке (№2716, 1932 г.; №2769, 1932 г.; №2840, 1933 г.; №3294, 1934 г.; №3335, 1934 г.). Кроме того, некоторые эпизоды из рассказа «Исход», опубликованного в 1930 г., в немного трансформированном виде можно найти в указанном романе. Это наводит на мысль о более раннем периоде возникновения замысла «Детей в изгнании».

Действие романа охватывает период около 15 лет, начиная с эвакуации русских граждан из Крыма и заканчивая началом 30-х гг. во Франции.

Главная героиня повествования – воспитанница отца Ивана Предтеченского Нина, осиротевшая во время революции. Через ее мировосприятие Н.Д. Городецкая в деталях показывает трагедию русских граждан, эмигрантский быт, явления социальной, политической и

²⁴¹ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants* (Дети в изгнании). Париж, 1936.

²⁴² Мандельштам Ю.В. «Дети в изгнании» // *Возрождение*. 1936. № 3966. С. 3.

религиозной сферы. Особое внимание уделяется духовным исканиям «третьего поколения» (термин используется в романе), его пути к православию.

Следует отметить, что проблема самоопределения младоэмигрантов возникает уже в 30-х гг. XX века во многом как следствие недостатка их памяти о России. За рубежом появляется целое поколение – наднациональное – не связанное географически и исторически с метрополией и потому не ощущающее себя в полной мере ни русскими, ни представителями европейских государств. Противоречивые, бездомные, с трагическим мировосприятием, младоэмигранты были сродни «потерянному поколению», пытающемуся найти свое место в мире. Так, З.А. Шаховская называет этот феномен – «поколением отчужденных», Г.И. Газданов – «поколением пролета эпох», В.С. Варшавский – «незамеченным поколением».

В романе Н.Д. Городецкая концентрирует внимание читателей главным образом на судьбе младшего поколения, покинувшего Россию в юном возрасте и вследствие этого имевшего неясные, часто разрозненные представления о родной земле. Такова главная героиня повествования Нина. Ее первые сознательные воспоминания трагичны и связаны с гибелью матери: «Пожар. Мать в голубом капоте у окна, но почему-то она не стоит, а вроде как кувыркается. Это впечатление соответствовало действительности, но переворачивалась не мать, а Нина, которую та успела выбросить в сад из горящего дома».²⁴³ Еще большую драму раскрывает то обстоятельство, что девочка совершенно не помнит родителей и различает их только по обстоятельствам смерти – мать погибла в горящем доме, отца расстреляли.

В романе «Дети в изгнании» особое внимание обращается на проблему самоидентификации младоэмигрантов, их адаптации к жизни во Франции. С помощью противопоставления Н.Д. Городецкая обрисовывает

²⁴³ Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants (Дети в изгнании)* ... С. 9.

старшее и младшее поколения, выявляя различия в их взглядах, убеждениях, мировоззрении. Младшие эмигранты показаны вдумчивыми, деятельными и творческими: они посещают русские собрания, политические и религиозные кружки, собрания «молодежной Ассоциации», увлекаются искусством и спортом. Н.Д. Городецкая описывает это следующим образом: «В кругах девушек основное внимание уделялось воспитанию души, преданности и служению ближнему. У мальчиков преобладали спорт и патриотические вопросы. Многие из них мечтали о новой политической организации, но в то же время ничего не было, кроме старых партий, которые были совершенно чужды для молодого поколения».²⁴⁴

Однако за внешними проявлениями (участие в политических и религиозных движениях, посещение национальных собраний, увлечение искусством и др.) часто угадывается трагический поиск духовной опоры, без которой осталось целое поколение. Оно мало читает («Анна Сергеевна впервые заметила, что все эти барышни мало читают, и что в этом смысле традиция русской интеллигенции заметно утрачена»²⁴⁵), плохо знает русский язык и литературу («Нина уже читала и боготворила Пушкина, в чем составляла исключение: прочие ее сверстники или его не знали, или знали по «дням русской культуры», – и бедный поэт им надоел, как вся официальная слава»²⁴⁶), слишком подвержено западному воспитанию и образованию, мало религиозно («Подумайте сами! – прервала ее Кира. – Я училась в католической школе. Конечно, я потеряла веру»²⁴⁷).

Старшему поколению отведена в романе менее значимая роль. Оно представлено читателю замкнутым, инертным, подчиненным заботам о материальном благополучии. Трагизм жизни старших эмигрантов Н.Д. Городецкая видит в отступлении от православных основ.

²⁴⁴ Там же. С. 67.

²⁴⁵ Там же. С. 126.

²⁴⁶ Там же. С. 82.

²⁴⁷ Там же. С. 122.

Эту идею подтверждает единственный представитель старшего поколения, отличающийся от остальных персонажей, – отец Иван. Его духовные поиски показаны наиболее детально. Отрывки, посвященные его судьбе, – одни из самых проникновенных и трогательных в романе: «Отец Иван стал на колени. Ноги устали за день, но он умышленно долго стоял на молитве, не прощая себе, что смел развлекаться игрушками, забыв о Боге, о том селе, где, может быть, некому совершить литургию <...> но разве не честнее было ему, старому, дожить свой век в народной земле и, может, удостоиться мученической кончины?».²⁴⁸

Образ отца Ивана связан с традициями, характерными для русской классической литературы, с мотивом старчества, прослеживаемым у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова.

В сознании отца Ивана, как и у многих эмигрантов первой волны, происходит соединение православной веры и любви к отечеству. Этот сплав священнослужитель передает и Нине, своей воспитаннице, обучая ее творить молитву, не забывать Бога и Россию, не предаваться западному влиянию. Через Нину представлены особенности детского восприятия веры. Так, девочка задумывается над понятием «ангел» и приходит к неожиданному открытию: «Среди дня, бросая игру, она [Нина – Л.Г.] часто подходила к бабушке и, широко раскрывая веки, спрашивала, видно ли ангела. Один раз, взобравшись на колени отца Ивана, расчесывая надвое седую бороду и отражаясь в его зрачках, она задумчиво сказала: – А у тебя тоже есть ангелы в глазах: черненькие».²⁴⁹

Н.Д. Городецкая очерчивает два мира: мир «земных» и мир «духовных». Первый – это мир, как старших, так и младших эмигрантов, для которых важен земной путь, их жизнь, наполненная тяготами быта и суетой (Анна Сергеевна, Кречетова, Кира, Ольга, Малышев и др.). Таков один из главных героев повествования – Борис Кречетов. Через него

²⁴⁸ Там же. С.168.

²⁴⁹ Там же. С.21.

Н.Д. Городецкая показывает «слабости» «третьего поколения», активного, жаждущего деятельности, но увязшего в мелких заботах и проблемах; поколения, не способного возвыситься над собственным существованием. Это путь отказа от веры и отечества, который ведет к потере национальной идентичности: девочки из лагеря любят Францию, воспринимают ее историю как собственную, не только говорят по-французски, но и мечтают на французском языке о жизни во Франции. Они боятся выйти из привычного круга. Поэтому отъезд в Россию они воспринимают как глупость, которую сами никогда не совершат. Так, на слова Нины о желании уехать в СССР, Ольга ответила, что «завидует, но не может последовать за ней, потому что умрет без Франции»²⁵⁰. Тогда как Нина еще в детстве мечтает стать водителем, чтобы вернуться домой.

Напротив, суть второго мира – это духовное – то, что связано с Богом и Россией (Нина и отец Иван). Показательным примером антитезы могут служить даже внешние проявления его жизни: Нину укладывают спать под «Аве», а Бориса – под женские сплетни; Нина увлечена русскими стихами и культурой, Борис – материальными благами.

Однако Н.Д. Городецкая считает, что разница «миров» находится гораздо глубже – в самом миропонимании. Наиболее заметна она в рассуждениях Кочетовой и отца Ивана о счастье. Елена Павловна (Кречетова) рассказывает батюшке о собственном жалком существовании в эмиграции, о муже Петре Ивановиче, у которого «чудная душа и каторжный характер», о том, как ей приходится вышивать «для каких-то американских идиотов. А ведь ей всего двадцать шесть лет, и она тоже имеет право на счастье». Отец Иван думает иначе: «Такого счастья нету <...> Раньше как женились? Родители сговорятся, а молодые иной раз до брака и в глаза друг дружку не видели <...> А жили тихо и мирно, ладили, уважали друг дружку. Семейство существовало. А потом разные писатели <...> придумали: личность. Личность да личность, да я личность, да ты

²⁵⁰ Там же. С. 134.

индивидуум – вот и получается, что все разболтались, никто не знает, что к чему». ²⁵¹

В православной вере писательница видит главную опору эмигрантов. В данном контексте символично, как Н.Д. Городецкая описывает благословение батюшки: «Когда его тяжелая, ласковая рука коснулась ее [Кречетовой – Л.Г.] лба, Елена Павловна почувствовала такую опору, такое тепло, что, казалось, еще секунда, и она заплачет». ²⁵²

Разница мировоззрений показана и на примере конфликта отцов и детей. Этот процесс описан в романе следующим образом: «Однако большинство детей отделялось от своих семей <...> среди этих мальчиков и девочек в отношении родителей возникла особая и почти необъяснимая горечь. Они росли в убеждении, что родители испортили великолепное существование <...> Военные и их дети чувствовали, что интеллигенция потеряла все. Сыновья интеллигенции утверждали, что имперское правительство и офицерский корпус приводили людей в отчаяние <...> Именно поэтому интеллигенция, которая покинула Россию или была изгнана из-за борьбы за свободу, испытывала лишь непонимание и презрение к молодым людям». ²⁵³

Напротив, между Ниной и отцом Иваном есть особое понимание и доверие: девочка читает труды Шарля Пеги, которые читал и сам священнослужитель, они плачут о России при просмотре русского фильма, оба стремятся к Богу и жертве ради отечества: «Он [отец Иван – Л.Г.] даже считал, что так лучше и полезнее, что его одинокое общество не годится для Нины, тем более что он стар, ему, может быть, и жить осталось недолго, а будущее девушки требовало от нее дружеских отношений». ²⁵⁴

Для Нины и отца Ивана существует простая истина, которой они следуют до конца – служение отечеству есть служение Богу:

²⁵¹ Там же. С. 27.

²⁵² Там же. С. 26.

²⁵³ Там же. С. 68.

²⁵⁴ Там же. С. 98.

священнослужитель непрестанно корит себя за отъезд из России, Нина же уезжает на Родину, несмотря ни на какие препятствия и обстоятельства. Н.Д. Городецкая неоднократно соотносит это с жертвой во имя русского народа и России. Однако для представителей мира «земных» родина уже не так важна, они видят только бессмысленность в подобном жертвенном пути героини.

Нина и отец Иван могут служить примерами воцерковленных героев, о которых А.М. Любомудров пишет: «Воцерковленный персонаж – человек, связанный с мистическим телом Церкви, который участвует в таинствах, творит молитву, исповедует православную веру».²⁵⁵

Нина видит благодать в пейзаже, мечтает о служении Богу, ее вера в Россию сродни религиозной.²⁵⁶ Схожие мысли мы находим в философских трудах И.А. Ильина. Так, в очерке «Почему мы верим в Россию» он пишет следующее: «Быть русским – значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий <...> Быть русским – значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители».²⁵⁷ Отец Иван и Нина выписаны Н.Д. Городецкой в полном соответствии с этой идеей.

Более того, религия в произведениях писательницы часто предстает в необычном ракурсе: акцент смещается с богослужений и молитв на духовные переживания героев, на их ощущения, образы. Едва ли не

²⁵⁵ Любомудров А.М. К проблеме воцерковленного героя // Христианство и литература. СПб, 1999. Вып.3. С. 356.

²⁵⁶ «Она верила в это [о России] религиозно». Городецкая Н.Д. *L'exil des enfants* (Дети в изгнании) ... С. 98.

²⁵⁷ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // О русском национализме: (сборник статей). Москва: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 3.

главным в таких случаях оказывается тишина или молчание. Например, описывая восприятие веры у Нины, Н.Д. Городецкая обращается к изображению ее чувств при виде прибрежного пейзажа – умиротворение, покой, счастье. «Во всем была видна благодать», – в этой фразе писательница заключает суть миропонимания главной героини.

Подобную мысль находим у В.Т. Захаровой, анализирующей особенности изображения религиозного осознания у маленького Саши, главного героя рассказа «Родина»: «Автор [Городецкая – Л.Г.] поясняет, давая все размышления через восприятие Саши: для него религия была не то, что для его французской строгой и безапелляционной бабушки <...> Саша размышляет, чтобы понять, что есть его религия, и обнаруживает, что для него особенно были важны минуты и часы, когда он забирался в собор один».²⁵⁸

Суть жизни Нины – православие. Н.Д. Городецкая так описывает ее духовные искания: «Она опустилась на колени, закрыла глаза руками. Ей казалось, что она продолжает видеть то, что ее окружало: все, как говорится, опускалось к ее сердцу. Потом наступила тишина без образов, но полная света. Это состояние не было молитвой, оно не допускало ни слов, ни мыслей; но в этом молчании, благоговении, всегда совершалось возрождение души, и все свои решения, весь свой внутренний рост Нина находила в те мгновения, когда ее сердце останавливалось».²⁵⁹

Нина не могла жить без России, ей казалось, что сам Бог указывает ей этот путь. Своих сверстников она убеждает: «Есть две вещи, которые человек не должен менять: свою веру и свою страну».²⁶⁰ Однако другие младшие эмигранты ходили в Церковь по привычке, лицемерили, видели в православии только национальную традицию.

В этом контексте важен образ Анны – представительницы старшего поколения, видевшего и помнящего Россию. Для героини значимым

²⁵⁸ Захарова В.Т. Малая проза Надежды Городецкой... С. 318.

²⁵⁹ Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании) ... 136.

²⁶⁰ Там же. С. 185.

является исключительно внутренний мир человека, а религиозные поиски оказываются утомительны. Однако отъезд Нины вызывает в душе Анны невероятные изменения. Прежний мир рушится. Ее представления о России и о самих эмигрантах меняются. Это результат жертвенности Нины. Н.Д. Городецкая приводит читателя к мысли, что Россия – в душе, как и православие. Об этом говорит и образ отца Ивана, который умирает в Париже, но ни на секунду не забывает отечество, а эмиграцию он воспринимает как мученический путь, путь очищения.

Тем не менее, у романа любопытный финал. Повествование заканчивается не столько отъездом Нины в СССР (последний эпизод – отходящий от станции поезд: это, скорее, констатация автором данного факта), сколько духовным смятением ее друзей, оставшихся во Франции. Одна из них – Анна, все годы изгнания старательно забывавшая Россию, ушедшая в эмигрантскую повседневность. Но после поступка Нины она уже не может вернуться к прежней жизни: «И вот с невероятной остротой она [Анна – Л.Г.] вспомнила звук, который когда-то издавала платформа последнего вагона поезда. Ей было тогда пятнадцать лет, революция обрушилась на Россию и на нее саму. Она была одна в пригородном поезде Петербурга. Первый и единственный раз в жизни она так стояла на платформе. Путь пролегал через лес, который уже был вырублен, но самым трогательным было <...> зрелище влажной, ароматной земли, которую она так любила».²⁶¹

Сама Н.Д. Городецкая, посылая свою героиню в Советскую Россию, сомневается в правильности такого выбора, в том, что на Родине Нине удастся сохранить в душе православную веру, чистоту и любовь к отечеству, а может, и жизнь. Однако существование без России, вне России оказывается куда мучительнее. На этот эпизод указывает и Ю.В. Мандельштам, тонко понявший смысл финальной сцены. В своем очерке он отмечает: «Нина уезжает в Россию – не совсем ясно, для чего: для

²⁶¹ Там же. С. 192.

подвига, вроде сирийского Мартына, или для “строительства”. Наиболее внутренне преображенной оказывается под конец книги единственная из “старших” Анна Сергеевна <...> После любовных разочарований и неудачи общественной, она обращается к вере, хотя и почти бессознательно. Ее духовный путь обрисован Городецкой, пожалуй, убедительнее всего». ²⁶²

Таким образом, роман «Дети в изгнании» касается множества проблем эмигрантов первой волны – сложное материальное положение, безработица, чувство отчужденности и неполноценности бытия, лихорадочный поиск духовной опоры и собственного места в иностранной среде. Но наибольшее внимание Н.Д. Городецкая обращает на духовные искания младшего поколения – надломленного, незамеченного – на его будущее и его роль в истории русского зарубежья, тем самым продолжая оформившиеся в прозе И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева традиции «духовного реализма».

²⁶² Мандельштам Ю. В. «Дети в изгнании»... С. 3 – 4

ГЛАВА III Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ КАК ПУБЛИЦИСТ И ЖУРНАЛИСТ

3.1 Публицистика и журналистика русского зарубежья

Важной стороной литературного творчества Н.Д. Городецкой является ее активная журналистская и публицистическая деятельность, без анализа которой исследование трудов писательницы будет неполным. Прежде всего обратимся к публицистике русского зарубежья в целом, что позволит нам отметить сходные черты в работах Н.Д. Городецкой.

Литературно-критическое, публицистическое, журналистское наследие русского зарубежья – это уникальное явление, сложившееся и успешно развивавшееся за пределами России и концентрировавшее свое внимание на проблемах и противоречиях всего русского мира. Публицистика эмиграции первой волны привлекает внимание литературоведов, историков и философов и как собственно реакция на существенные общественно-политические события в стране начала XX века, так и общетеоретическим потенциалом, так как располагает важнейшим фактическим материалом, отражающим мироощущение и миропонимание изгнанников того периода.

Говоря о журналистской деятельности эмигрантов первой волны, следует отметить любопытный факт: разделение русской литературы XX столетия на два «потока» (советский и эмигрантский) характерно и для нехудожественного творчества данного периода. Различия заметны прежде всего в роли публицистических и журналистских работ на фоне основных литературных тенденций. Другими словами, если в советской России публицистика, критика ослабляют свои позиции в сравнении с ситуацией XIX века, даже уходят на «второй план», то в зарубежье, напротив, продолжают традиции предыдущего столетия и приобретают масштабный характер. В качестве примера достаточно привести статистические данные,

свидетельствующие о небывалом росте числа русских газет и журналов в иностранной среде. Так, Л.Г. Березовая указывает, что к 30-м гг. XX века только во Франции существовало более 200 русских издательств, а, например, в Чехии в это время выходило не менее 45 газет.²⁶³

Одно из объяснений подобного количества разновидностей русских изданий (журналы, газеты, альманахи, сборники, ежедневники и т.д.) находит Ю.А. Азаров, высказавший мысль о том, что именно журналистика и публицистика в русском зарубежье становятся средством объединения разрозненных диаспор в разных странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, а также своеобразной «трибуной» для дискуссий на политические, социально-экономические, общественные и литературные темы. Как уже отмечалось ранее, в первые годы эмиграции именно в газетах и журналах осуществлялся диалог беженцев и советских граждан. Данные обстоятельства обеспечили как широкое распространение публицистических трудов, так и их влияние на общественную мысль того времени.²⁶⁴

Если говорить о тенденциях становления и развития публицистики русского зарубежья, здесь некоторые исследователи (О.А. Казнина, М.А. Еремин и др.) говорят о продолжении традиций XIX века – времени расцвета публицистики. Прежде всего, это заметно на уровне тематики – продолжение размышлений авторов о судьбе России (получившие новый стимул вследствие революции), «кризис безрелигиозной культуры, породившей бесчеловечную цивилизацию, противостояние России и Запада, судьба человека в современном мире».²⁶⁵ Более того, некоторые представители русского зарубежья высказывают мысль о кризисе художественной литературы и о «вхождении» философии в литературное творчество писателей того времени. Так, В.В. Вейдле в статье «Умирание

²⁶³ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции... С. 130.

²⁶⁴ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 12.

²⁶⁵ Казнина О.А. Религиозно-философская мысль и литературный процесс Русского зарубежья // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х гг. Серия «История русской литературы XX века». Москва. 2010. С. 297.

искусства» отмечает: «Роман уже не играет первенствующей роли, еще менее значимы драма и рассказ. Беллетристы уступают первый план идеологам, критикам, философам».²⁶⁶

В XX в. публицистика становится средством осмысления прежде всего политических и философских проблем. Деятели культуры волнуют судьбы России, темы революции и Гражданской войны. Указанные тенденции относятся и к советской публицистике, тематика и идеологическая оценка которой ограничивалась цензурой, на что неоднократно указывали мыслители русского зарубежья. В качестве примера приведем слова Г.П. Струве, отмечавшего, что критика, публицистика, мемуары, эссеистика - «все это области, в которых в Советском Союзе давление на свободное творчество и свободную мысль сказывалось и сказывается, пожалуй, еще больше, чем в художественной литературе».²⁶⁷

Для того чтобы составить общее представление о журналистике и публицистике русского зарубежья (первой волны эмиграции) необходимо обозначить ее основные тенденции, а также на примере творчества конкретных авторов познакомиться с проблемно-тематическим и жанровым своеобразием публицистики русского зарубежья. Отдельного внимания требует вопрос о расстановке общественно-политических сил в русских диаспорах и периодике, издаваемой русскими эмигрантами.

О.Н. Фурдей указывает на то, что активизация публицистики соотносится с кризисными явлениями, порождаемыми в свою очередь, усилением деятельности общественного и индивидуального сознания. В начале XX века таковыми становятся революция и Гражданская война. О.Н. Фурдей отмечает, что эмигранты первой волны оказались в условиях оторванности от культурного процесса метрополии. Однако потребность в осмыслении произошедших событий, в анализе социально-политических и

²⁶⁶ Вейдле В.В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 8.

²⁶⁷ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Изд-во имени Чехова. Нью-Йорк. 1956. С. 248.

философских явлений века приводит к активизации эмигрантской публицистики.²⁶⁸ Мысль эмигрантов о двух потоках отечественной литературы справедлива и для журналистики, развивающейся параллельно в СССР и в русском зарубежье.

Журналистика русского зарубежья характеризовалась небывалым разнообразием жанров и типов изданий: журнал, вестник, бюллетень, сборник, альманах, ведомости, записки, известия, временник и т.д. В изгнании эмигранты прежде всего пытались проанализировать последствия революции и Гражданской войны, происходящее в Советской России, поэтому культурно-просветительская деятельность в русском зарубежье приобретает столь масштабный характер. Ностальгия переживалась эмигрантами как кризис ценностных основ бытия, как глубокое противоречие между реальной действительностью и ее восприятием. Ярче всего это выразилось в статье «Тяга в Россию» Г.П. Федотова, в которой философ поднимает проблему «возвращенства». Все эти обстоятельства активизировали творчество – научное, художественное, публицистическое, религиозно-философское.²⁶⁹

Как уже отмечалось ранее, эмигрантами были организованы крупные издательские центры в Европе, Америке, Китае. Отметим наиболее значимые издания. В Берлине выходили журналы «Беседа», «Жизнь», газеты «Время», «Русь», «Накануне», временник литературы «Знамя»; в Париже – журналы «Версты», «Вестник русского христианского движения», «Русская летопись», газеты «Последние новости», «Возрождение», «Россия и славянство», «Русская газета»; в Великобритании – газета «Русский в Англии»; в Сербии – «Новое время»; в Харбине – газета «Заря» и т.д.²⁷⁰

²⁶⁸ Фурдей О.Н. Мировоззренческие уроки литературно-критической публицистики русского зарубежья // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. №1-2. С. 253.

²⁶⁹ Там же. С. 252.

²⁷⁰ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции... С. 133.

Такое количество периодических источников подтверждает желание изгнанников оставаться частью метрополии, о необходимости сохранить связи в эмигрантском обществе. Факты свидетельствуют о том, что изгнанники активно пытались продолжать существовавшие в дореволюционной России журналы. Яркими примерами являются «Сатирикон», издававшийся в 30-е годы XX века в Париже, и «Евразийский вестник», выходивший поочередно в Софии, Берлине и Париже. Были популярны за рубежом сборники, альманахи и «толстые журналы», среди которых стоит отметить «Современные записки», созданные изначально в качестве политической трибуны эсеров. В период с 1918 по 1940 годы в мире выходило свыше тысячи различных журналов и газет на русском языке. С.П. Постников приводит более 1030 наименований.²⁷¹

Типологическая характеристика периодических изданий этого периода позволяет сделать ряд выводов, указывающих на своеобразие эмигрантской прессы, которая разделяла со своими издателями все тяготы собственного положения. Нестабильность выпусков изданий, малочисленность тиража, а нередко и их закрытие являлись следствием материальной зависимости от случайных источников существования самих беженцев. В качестве примера можно привести журнал «Числа» Н.А. Оцуца, выпускавшийся нерегулярно из-за нестабильного финансирования.

Обращают на себя внимание примеры индивидуального журнализма, или авторской журналистики, изданий, которые были задуманы и вдохновлены оригинальными мыслителями и узким кругом их единомышленников, как, например, «Новый град» Г.П. Федотова и «Русский колокол» И.А. Ильина.

²⁷¹ Глазкова М.Н. Вклад С.П. Постникова в отечественное библиотечное дело и библиографию // М. Н. Глазков Вклад С. П. Постникова в отечественное библиотечное дело и библиографию // Культурная жизнь Юга России. 2015. С. 20-23.

В творческом наследии эмигрантов мы найдем периодические издания, которые стали книгами, как «Наши задачи» И.А. Ильина и «Архив русской революции». В связи с этим научный интерес представляет осмысление периодики русского зарубежья на предмет ее типологического своеобразия.

Широкое распространение получили газеты «Последние новости» (редакторы М.Л. Гольдштейн, П.Н. Милуков) и «Возрождение» (редакторы П.Б. Струве, Ю.Ф. Семенов). Первое издание концентрировало внимание читателей на духовных и культурных проблемах и приглашало к участию в дискуссиях видных общественных, политических и религиозных деятелей, в том числе эмигрантских литераторов (И.А. Бунин, Н.А. Тэффи, В.Ф. Ходасевич и др.). В «Возрождении» также публиковалось большинство мастеров слова русского зарубежья – И.А. Куприн, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, Д.С. Мережковский. Одним из авторов художественных и публицистических произведений, напечатанных в газете, являлась и Н.Д. Городецкая.

«Возрождение» рассматривало вопросы национального духа, а главной задачей ставило воспитание будущих поколений на традициях классической русской культуры. Название газеты выявляло основную идею деятельности эмиграции – возрождение русской культуры, частично утраченной или обесцененной в результате революции и смены идеологии. Призывы к сохранению русских традиций можно рассматривать в качестве своеобразного лейтмотива основной части эмигрантской публицистики, с разных позиций и различными средствами обращавшихся к сохранению национального самосознания.

Важным событием в жизни русского зарубежья становится Всеэмигрантский съезд русских писателей, состоявшийся в 1928 году в Белграде, на котором некоторые русские писатели были награждены сербским орденом Святого Саввы (З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И.А. Бунин). На съезде была организована Издательская комиссия по

русским беженцам, занимавшаяся выпуском книг трех серий: русская библиотека, детская библиотека и библиотека для юношества. Кроме того, индикатором настроений в русских диаспорах стали периодические издания, на страницы которых выносились все насущные проблемы эмигрантского бытия. Круг тем и проблем публицистики русского зарубежья в большей степени определялся прошлым и будущим, чем настоящим.

Исходя из главных задач и целей литературной критики и публицистики, можно выделить основные темы и вопросы, рассматриваемые на страницах газет, журналов и сборников. Уникальный жизненный опыт представителей «первой волны» эмиграции получил осмысление в публицистике самого русского зарубежья, поэтому знакомство с ее проблемно-тематическим и жанровым многообразием, полезно как с исторической точки зрения, так и с литературоведческой.

В качестве центральных тем исследователи выделяют три: 1) дореволюционная Россия, 2) революция и Гражданская война, 3) эмигрантская повседневность.²⁷² На первом месте, конечно, оставалась Россия. Ее прошлое и будущее неоднократно подвергалось анализу и рассмотрению в очерках, эссе, заметках, статьях и т.д. Ностальгические настроения и исторические справки также были распространены в очерках, статьях и заметках. А.Л. Афанасьев пишет: «Главная тема эмигрантской литературы первой половины 20-х гг. – апофеоз грядущей России».²⁷³ Сходные мысли появлялись и в публицистических произведениях. С.Горный в заметке «Свое и чужое» указывает, что для эмигрантов главной идеей была Россия и отношение к ней. Пример ностальгии о потерянной родине можно найти в серии очерков К.Д. Бальмонта, опубликованных в газете «Воля России»: «Моя мысль уходит далеко.

²⁷² Супрун С.В. Тематическая специфика эмигрантской литературы 1920-1940 гг. (по материалам литературной критики русского зарубежья) // Теория и практика современной науки и образования: российский и зарубежный опыт: материалы II научно-практической конференции. 2019. С. 96.

²⁷³ Литература русского зарубежья: антология (под ред. А.Л. Афанасьева). Т. 1-6. М. Книга, 1990. С. 16.

Туда, в белую Москву и подмосковные места, где много было трудно, как никогда, но, где душа моя пела».²⁷⁴ Похожий образ раскрывается в цикле И.С. Шмелева «Сидя на берегу».²⁷⁵

Тесно связана с образом России тема христианства, ставшего для изгнанников духовной опорой и средством сохранения и передачи культурных и национальных ценностей. Именно христианство Г.В. Адамович называл движущей силой нового времени. Православной тематикой отмечены работы религиозных деятелей и философов зарубежья. Отчасти это можно рассматривать в качестве желания противопоставить ценностные установки колонии бездуховности метрополии. В большинстве подобных произведений прослеживается идея рассматривать русское зарубежье как особое место духовных исканий.

Г.В. Адамович в статье «Одиночество и свобода» пишет: «Именно поэтому здесь, в эмиграции, само собой, в противовес московскому обскурантизму, возникло внимание к этим «вопросам». Это оказалось естественной потребностью, это – важнейшее здесь дело, недостаток верности которому был бы непростителен. Это прежде всего – верность России».²⁷⁶ К осмыслению духовных реалий и вопросов принуждали эмигрантов обстановка изгнанничества, ощущение ненужности и неполноценности.

Важнейшее место в публицистике русского зарубежья занимает тема судьбы русской культуры, прежде всего литературы. В связи с этим поднимаются проблемы национального своеобразия и межнациональных взаимодействий, преемственности традиций, эстетического идеала и нравственной ответственности автора.

Нельзя не отметить особого значения литературно-критического наследия эмиграции: там появляются своеобразные методики

²⁷⁴ Бальмонт К.Д. Белый сон// Воля России. 23 января. №110. С.3.

²⁷⁵ Демина Л.И. Публицистика русского зарубежья: духовно-нравственный аспект (на примере газеты «Воля России» // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. 2017. С. 502.

²⁷⁶ Адамович Г.В. Одиночество и свобода. М. Республика, 1996. С. 365.

исследования художественного творчества, оригинальные интерпретации произведений, осмысление русской классики в свете историко-политических событий XX века (новое видение «серебряного века», судьбы русской словесности за рубежом и т.д.).

Обращение к теме религии, в частности православия, оказывается присуще не только представителям богословской сферы, но и философам, писателям и обычным верующим гражданам. Именно в эмиграции происходит осознание революции как замены основ христианства началами материалистической цивилизации. Поэтому идея миссионерства у изгнанников как носителей истинной культуры и ценностей приобретает особое значение. Подобная философия находит отражение и в публицистике русского зарубежья.

Границы между различными ветвями русского православия в рамках иностранных государств (Русской православной Церковью за границей; Западно-Европейской Православной Архиепископией и автокефальной Американской православной церковью; заграничными приходами Московской патриархии) оказывались условными и подвижными. Их деятельность распространялась как на русское, так и на иностранное общество.

И.М. Концевич в труде «Стяжание духа Святаго на путях Древней Руси», Н.Д. Тальберг в «Святой Руси» дают исторический очерк русской духовности. С.И. Четвериков, духовный руководитель Русского студенческого христианского движения (РСХД), регулярно печатался в журналах «Путь», «Вестник РСХД». В его публикациях «Бог в русской душе», «Два юбилея (Лев Толстой и Иоанн Кронштадский)» и некоторых других проблема духовной жизни личности исследуется в практической плоскости. Глубокое христианское понимание проблем земной жизни человека нашло отражение в публицистике архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского).

Особый интерес представляют произведения, оставленные известными учеными: социологами (П.А. Сорокиным, Н.С. Тимашевым, Г.Д. Гурвичем), философами (И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, В.В. Зеньковским и др.), экономистами, историками. Социально-философская публицистика являет собой сплав идей и мыслей, актуальность которых очевидна при анализе различных сфер деятельности человека.

Не менее важной темой журналистики зарубежья является изображение эмигрантской повседневности. Так, в очерке «1920 год» В.В. Шульгин пишет: «Разумеется, время для изображения нашей трагедии во всем объеме, так сказать, с журавлиной высоты, еще не наступило. Невозможно, с другой стороны, пока и интимное изображение нашей жизни, т.е. как мы любили, как ненавидели, страдали и радовались – ключ, без которого, конечно, будущие историки ничего не поймут».²⁷⁷ Мысль автора подчеркивает значимость изучения темы повседневности и публицистической деятельности эмигрантов в целом для создания полной картины русского зарубежья первой волны.

Очертив круг проблем, исследованием которых занимались соотечественники в разных государствах, можем установить слабые и сильные стороны их позиций, обратить внимание на философский, социальный и психологический уровень поставленных вопросов. Наиболее активно поднималась экзистенциальная тематика, связанная со смыслом жизни в условиях отрыва от родины.

Отношение к России было различным: одни говорили, что страна, которую они знали и любили, умерла навсегда, другие считали, что смогли унести родную землю на подошвах своих сапог (Р.Б. Гуль), и она вечно будет жить в их сердце. Были и те, которые предпочитали говорить о России без признаний в любви.

²⁷⁷ Шульгин В.В. 1920 год: Очерки. Москва : Гос. изд-во. Московское отделение, 1922.С. 4.

Второй том воспоминаний князя Сергея Волконского носит наименование «Родина». Здесь со всей искренностью автор воссоздает свой образ родины. Размышления о характере собственных взаимоотношений с родиной мы найдем в произведениях Б.К. Зайцева («О России»), И.С. Шмелева («Душа Родины»), М.А. Осоргина («Времена»), З.А. Шаховской «Таков мой век», А. Манштейн-Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка» и многих других авторов.

Осознание потери родины тяжелым грузом ложились на плечи изгнанников. Совет, помогающий преодолеть этот страх, соотечественникам дал И.А. Ильин в статье «Родина и мы», вышедшей отдельным изданием в Белграде в 1926 году: «Не страшитесь той пустоты и темноты, которые прозяют в вашей душе. Смело и спокойно смотрите в эту темноту и пустоту. И скоро в них забрезжит новый свет, свет новой, подлинной любви к родине, к той родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять. И тогда вы впервые многое поймете, и многое вам откроется. И ваше изгнанничество перестанет быть пассивным состоянием; оно станет действием и подвигом; и свет не погаснет уже никогда».²⁷⁸

В публицистике русского зарубежья мы найдем многочисленные свидетельства того, что ностальгия переживалась русскими людьми как социальный катаклизм, но одновременно и как кризис веры в себя, как потеря точки опоры во внутренней системе координат. Через покаяние и преодоление одиночества одни обрели не только родину, но и смысл жизни, другие - только тему для творчества.

Проблема смысла жизни проходит красной нитью через многие тексты, но предельно обнажается в социально-философской публицистике. И.А. Ильин, С.Л. Франк, В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, Е.Ю. Кузмина-Караваева (монахиня Мария) и многие другие авторы разрешают ее с опорой на православную традицию. Их усилиями были основаны

²⁷⁸ Ильин И.А. Родина и мы. Белград: Гл. правление о-ва Галлиполийцев, 1926. С. 1.

молодежная организация РСХД, благотворительная программа «Православное дело», которые позволяли на практике реализовывать идеи, поднимаемые в дискуссиях, высказываемые в книгах и статьях.

По понятным причинам особое место в публицистике русского зарубежья отводится теме гражданской войны и революции, которая рассматривается с разных точек зрения: политической, социологической, историософской и мемориальной. Теорией и практикой социал-демократического движения интересуется узкий круг политиков, военных, социологов, к их числу относятся П.Н. Милюков, В.В. Набоков, В.Л. Бурцев, П.А. Сорокин, И.А. Ильин и другие.

Участники «белого движения» озабочены воссозданием правдивой, исторической картины, сохранением в памяти потомков имен своих героев. В 1921-1926 годах в Париже, а затем в Берлине вышли «Очерки русской смуты» А.И. Деникина, в которых события гражданской войны и революции воссоздаются через призму роли русской армии в них. А.И. Деникин полагал, что армия в событиях 1917 года сыграла решающую роль.

Боевой генерал считал «Очерки русской смуты» самым важным делом своего эмигрантского бытия, литературным памятником белому движению. Воспроизводя в деталях события, непосредственным участником которых являлся, он обращался к врагам и друзьям с просьбой подтвердить, исправить или опровергнуть его, если он был не прав. Работая над этим произведением, А.Деникин использовал портфель с бумагами генерала Корнилова, дневник Маркова, архив Особого Сопещения, архивы, предоставленные ему видными общественными и военными деятелями. «Очерки русской смуты» можно расценивать как добросовестное показание перед судом истории, так хотел того автор.

Свои воспоминания об участии в военных действиях оставили многие участники военных действий, например Р.Б. Гуль в «Ледяном походе».

Атмосферу революционных событий передают дневниковые произведения писателей, например, «Окаянные дни» И. Бунина и «Несвоевременные мысли» М. Горького. Сравнительный анализ этих произведений позволяет воссоздать полную картину происходящего и лично охарактеризовать авторов.

Очевидно, что все эти произведения содержат богатейший фактический материал, востребованный историками и социологами, профессионально изучающими революционные катаклизмы.

Весомый вклад в осмысление революций внесли ученые русского зарубежья, например, социолог Питирим Сорокин, автор солидного научного труда «Социология революции».

Книги воспоминаний, принадлежащие перу ученых («Дальняя дорога» П.А. Сорокина, «Самопознание» Н.А. Бердяева, «Бывшее и несбывшееся» Ф.А. Степуна) и сегодня не утратили значения благодаря глубине выводов и масштабам обобщений.

Особым статусом в публицистике русского зарубежья обладает тема русской культуры, в частности литературы. За рубежом оказались многие писатели и поэты, художники, театральные деятели. Русская культура в первую очередь помогала сохранять память о дореволюционной России, давала силы утверждать духовный потенциал нации. Несмотря на дискуссии, и разного рода эстетические противостояния, имеющие место в эмиграции, литература играла роль платформы, объединяющей как русское зарубежье, так и две России - зарубежную и отечественную. Споры о том, кто является законным наследником традиций великой русской литературы XIX века, начавшись в 20-е годы, продолжались весь век.

Описание дореволюционной литературной жизни, другими словами, хроники эпохи, получившей наименование «серебряного века», мы найдем в мемуарах Ю.П. Анненкова, В.Ф. Ходасевича, И.В. Одоевцевой, З.Н. Гиппиус, Г. Иванова и других авторов.

В автобиографии «Самопознание» Н. Бердяев в главе «Русский культурный ренессанс конца XIX - начала XX века» дает обстоятельный социально-философский анализ ситуации, сложившейся на российском литературном олимпе накануне революции. Н.А. Бердяев в течение трех лет был секретарем литературного общества Вяч. Иванова, поэтому знал все эти проблемы изнутри. Российские поэты были увлечены обсуждением литературных манифестов, читали стихи западных кумиров, которым с упоением подражали, мечтали о путешествиях в дальние страны. Менее всего они интересовались тем, что происходило в этот момент в России. Первая мировая война, а затем и революционные катаклизмы заставили их обратить внимание на реальную ситуацию, в которой они оказались.

В эмиграции продолжает действовать одна из российских закономерностей – взаимосвязь литературной и общественно-политической тематик. Примеров тому много. Например, публицистика М.А. Алданова, признанного исторического писателя. Он редактировал литературное приложение к «Дням», «Новый журнал», сотрудничал с «Последними новостями», «Числами», «Иллюстрированной Россией» и др. изданиями. Политические очерки и комментарии писателя не являются простыми отрывками из художественных произведений, они написаны в соответствии с законами теории жанров журналистики. Для публицистических очерков и комментариев М.А. Алданов берет героев, которые стали известными в силу стечения определенных обстоятельств. Книга размышлений «Ульмская ночь: философия случая» содержит оригинальную систему взглядов на мир, которую исповедовал этот писатель. Современники полагали, что М.А. Алданов ни во что не верил. Однако его творчество по духу ближе западноевропейским литературным традициям, его произведения были востребованы иностранными читателями. С 1933 года И.А. Бунин ежегодно предлагал кандидатуру М.А. Алданова на Нобелевскую премию.

Оказавшись за пределами Отечества, российские писатели и поэты не только вспоминали прошлое, но и отдавали дань настоящему. В русских диаспорах литературная жизнь шла своей чередой: действовали литературные салоны, разгорались поэтические дискуссии, организовывались поэтические вечера, издавались литературные журналы. Характер литературной жизни за рубежом свидетельствовал о том, что литература стала той спасительной нишей, которая одним позволила уйти от реальной действительности, другим - осознать ее.

Обратимся к литературно-критической публицистике русского зарубежья, чтобы обозначить направление основных споров русских диаспор. Г.И. Газданов в статье «О молодой эмигрантской литературе», опубликованной в 1939 году в «Современных записках», точно обозначил главную проблему литературной жизни русского зарубежья: отсутствие массовой аудитории читателей, потерю «социально-психологических устоев» бытия и творчества. Критик назвал главную причину этого: в эмиграции были подорваны социально-психологические основы творчества. Тяжелее всего с этими жизненными обстоятельствами было справляться молодому поколению эмигрантов: «Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долгих испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, - оно было обречено».²⁷⁹

Идеалом цельности служил образ русской классической литературы. Постичь и объяснить смысл этой цельности пытались критики, писатели и философы. Тема классической русской литературы занимает важное место в творчестве Ю.И. Айхенвальда, Г.В. Адамовича, В.В. Набокова, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, Н.О. Лосского, В.Н. Ильина,

²⁷⁹ Газданов Г.И. О молодой Эмигрантской литературе // Современные записки, 1936. №60. С. 405.

В.В. Зеньковского и многих других. Своеобразие личности каждого из них определило интерес к творчеству того или иного автора.

Поэт и критик Г.В. Адамович, один из серьезнейших исследователей литературного процесса, в 1920 – 1930 годы вел литературный отдел газеты «Последние новости». Ю.К. Терапиано в работе «Литературная жизнь русского Парижа за полвека» писал, что очень и очень многие молодые поэты и писатели зарубежья «думали по Адамовичу», воспитывались на нем. В 1955 году в издательстве им. Чехова (США) вышел сборник статей М.А. Алданова «Одиночество и свобода», посвященный русской зарубежной литературе, в 1967 в Вашингтоне были изданы его «Комментарии», в эту книгу вошли его статьи, опубликованные под разными заголовками в журналах «Числа», «Современные записки», «Новоселье», «Опыты», «Новый журнал», в альманахах «Круг», «Мосты», «Воздушные пути». В «Комментариях» объединены его мысли о литературе, особенно о русской литературе, о России, о современном мире.

Необходимо также упомянуть «Лекции по русской литературе», которые были написаны В.В. Набоковым для американских студентов, а также его эссе о А.С. Пушкине, и М.Ю. Лермонтове, содержащие глубоко личное прочтение классических текстов.

Публицистика более точно отразила портрет эпохи, чем художественная литература. Наиболее значимые политические, философские, социальные проблемы писатели и мыслители поднимали именно на страницах очерков, заметок, эссе и др. О.Н. Фурдей выделяет следующие проблемы осмысления эмигрантской публицистики:

1) ограниченный доступ к первоисточникам (публикации выходили в разных изданиях, в том числе малоизвестных, многие из которых в настоящее время недоступны читателю);

2) публицистическое творчество эмигрантов часто носит политизированный и идеологический характер, что также затрудняет объективное рассмотрение конкретного явления действительности;

3) публицистика и литературная критика находятся на стыке литературы и журналистики, что выявляет различие методов их анализа.²⁸⁰

Важно обозначить еще одно обстоятельство. Для многих эмигрантов публицистика оказывалась средством поиска истины, поэтому наиболее острые споры и дискуссии проходили на страницах газет и журналов. В 20-е гг. это обстоятельство позволяло осуществлять творческую связь между диаспорой и метрополией, на что указывает Ю.А. Азаров, отмечая особую роль в этом процессе русского Берлина.²⁸¹ Данная мысль прослеживается в размышлениях самих эмигрантов (например, М.Л. Слоним «Русская книга за границей»).

Таким образом, публицистика русского зарубежья – это важный литературный пласт, разнообразный по жанрам и тематике. Уникальность данного явления заключается еще и в том, что публицистика, журналистика, литературная критика эмиграции продолжала традиции XIX века, оставаясь индикатором изменения общественной мысли XX столетия. На сегодняшний момент анализ журналистики и публицистики русского зарубежья нельзя назвать полным. Достаточно подробно исследованы труды, посвященные религиозно-философской мысли эмигрантов первой волны (И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского и др.). Однако остальной пласт публицистических работ остается слабо освещенным. Важно продолжить разностороннее изучение критики и журналистики в контексте истории и культуры русского зарубежья. Кроме того, возникает необходимость введение новых персоналий и их «нехудожественного» творчества в научный оборот.

²⁸⁰ Фурдей О.Н. Мировоззренческие уроки литературно-критической публицистики русского зарубежья... С. 254.

²⁸¹ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 12.

3.2 Очеркистика Н.Д. Городецкой: проблема социокультурной адаптации русских эмигранток

Тридцатые годы XX века становятся важным этапом публицистической и журналистской деятельности Н.Д. Городецкой. В этот период писательница сотрудничает с газетой «Возрождение» и журналом «Иллюстрированная Россия», где публикует свои очерки о жизни русских эмигрантов в Европе («Русская женщина в Париже», «Русская женщина в кино», «Клермонский съезд», «Парижские студенты», «Безработица», «Туманный Альбион» и др.), статьи, рассматривающие важные вопросы русского мира («Спор поколений», «Кочевье», «Католическая литература») и беседы с известными писателями эмиграции (И.А. Бунин, А.И. Куприн, М.И. Цветаева, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев и др.). Публикации в таких статусных изданиях, как «Возрождение» и «Иллюстрированная Россия», уже могут свидетельствовать о значимости работ писательницы для эмигрантского общества.

Наиболее распространенным в публицистике Н.Д. Городецкой является жанр очерка. Литературная энциклопедия терминов и понятий предлагает следующую формулировку: «Очерк – эпический, прозаический жанр с ярко выраженной организующей ролью авторского «я». Находится на стыке художественной литературы и публицистики».²⁸² А.А. Князев уточняет особенности этого жанра в публицистике, указывая на интерес авторов очерка к актуальным тенденциями и состояниям социальной, политической, экономической сфер и частое наличие общих и оценочных суждений очеркиста на описываемые проблемы²⁸³.

Чаще всего Н.Д. Городецкая обращается к портретному очерку, объектом которого выступает личность, поэтому главные акценты в

²⁸² Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 707.

²⁸³ Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002 – С. 118-119.

данной разновидности жанра ставятся на манерах, характере, духовном мире героя, которые раскрываются в конкретных поступках, в различных биографических эпизодах, в речи, внешнем портрете.²⁸⁴ Яркими примерами являются очерки «Русская женщина в Париже» и «беседы» с писателями.

Остановимся подробнее на анализе журналисткой деятельности Н.Д. Городецкой. Выше мы уже отмечали три основные темы публицистических работ эмигрантов первой волны: Россия, события Гражданской войны и повседневность изгнанников. Н.Д. Городецкая, как представитель младшего поколения, большее внимание уделяет воссозданию повседневной жизни и быта бывших русских подданных. Так, одной из важных проблем, нашедших отражение как в художественном, так и в публицистическом творчестве писательницы, становится вопрос ассимиляции эмигрантов, их адаптации к новым жизненным условиям и чужой культуре.

Важно подчеркнуть, что процесс приспособления изгнанников к зарубежью осложнялся несколькими причинами. Прежде всего назовем стремление беженцев сохранить дореволюционную культуру и воссоздать «Россию в миниатюре», что способствовало возникновению центров рассеяния в Берлине, Париже, Лондоне, Праге, Харбине и т.д. с многочисленными русскими общинами, издательствами, школами, приходами, музеями, библиотеками. С этими обстоятельствами тесно связана и вторая причина – неготовность ассимилироваться в иностранном обществе. Подробнее об этом писал М.Е. Ковалевский: «В числе отрицательных факторов, мешающих ассимиляции <...> национальное чувство русских и их убежденность в своей принадлежности к великой нации, русские общества и объединения, приводящие к тому, что русские мало общаются с окружающей средой и живут более или менее замкнутой

²⁸⁴ Гладышева С.Н. Портреты современников в очерках М.А. Алданова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. №2. С. 82.

жизнью, организации молодёжи, как витязи, сокола, скауты и разведчики, которые охраняют молодёжь от полной денационализации, русские школы и пансионы и, наконец, принадлежность большинства русских к религиозным общинам».²⁸⁵

Подавляющая часть изгнанников оказалась в довольно тяжелых материальных условиях, поэтому была вынуждена зарабатывать самым низкооплачиваемым трудом, в том числе в качестве официантов, подсобных рабочих, шоферов (последнее особенно характерно было для белых офицеров), продавать одежду, украшения.²⁸⁶ Несмотря на это, ассимилироваться беженцы избегали, считая натурализацию «предательством по отношению к их русским корням и возложенной на них миссии являть собой альтернативу Советскому Союзу. <...> Raison d'être эмиграции состоял в ожидании возвращения на родину, а страх “денационализации”, как они называли ассимиляцию, являлся характерной чертой Русского Зарубежья».²⁸⁷

В этом положении оказывается и Н.Д. Городецкая. В 1924 году она перебирается в Париж, где первое время зарабатывает далеко не интеллектуальным трудом: работает швеей на фабрике кукол, машинисткой, посудомойкой, гувернанткой, статисткой в кино. Данный опыт писательница отразит в очерках «Русская женщина в Париже», которые можно считать автобиографическими.

Кроме того, трудности в приспособлении бывших русских подданных становятся важной темой в творчестве писателей-эмигрантов. Так, одним из первых произведений, посвященных этой проблеме, является роман «Последние и первые» Н.Н. Берберовой, позже выходят в

²⁸⁵ Ковалевский М.Е. Зарубежная Россия 1920–1970. – 1-е изд. – Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2019. – С. 36.

²⁸⁶ Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: МГУ, 1991. – С. 40.

²⁸⁷ Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс, 1994. – С. 60.

свет романы «Жанета: принцесса четырех улиц» А.И. Куприна и «Дом в Пасси» Б.К. Зайцева.²⁸⁸

Вопрос адаптации Н.Д. Городецкая активно поднимает в собственной прозе (в особенности в романах «Несквозная нить» и «Дети в изгнании»), однако именно в газетных статьях эта проблема звучит наиболее остро и рассматривается под несколько другим углом. Если в беллетристике писательница акцентирует внимание на психологическом состоянии персонажей, находящихся в иностранной среде, то очерки, напротив, посвящены детальному описанию быта и работы русских женщин во Франции. Яркий пример мы находим в очерке о портнихах и об их повседневных заботах: «Встретила меня серьезная сдержанная дама. Почти не верилось, что этот человек бежал через границу, испытал нужду и тяжелый труд. В Константинополе – работа у английского портного, сначала таскание утюгов, наметка, – потом кройка, верхние вещи. Наконец – Париж, постепенное завоевание клиентуры».²⁸⁹

Анализируя очерки Н.Д. Городецкой, мы пришли к выводу, что образ эмигрантской повседневности становится сквозным и используется в качестве своеобразной детали, чтобы подчеркнуть социально-экономические, общественные, культурные условия жизни беженцев. Тема повседневности неоднократно освещалась в очерках, статьях, заметках писателей русского зарубежья. Одной из главных ее характеристик, по мнению Г.А. Тиме, оказывается разочарование бывших русских «подданных» в Европе. В подтверждение этой мысли автор приводит слова Ф.А. Степуна, писавшего в «Мыслях о России», что эмигранты

²⁸⁸ Громова А.В. Проблема адаптации эмигранта в прозе русского зарубежья первой волны // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. №2. С. 27.

²⁸⁹ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.581.

любили Европу как «прекрасный пейзаж в своем Петровском окне; ушел родной подоконник из-под локтя – ушло очарование пейзажа».²⁹⁰

Жизнь в эмиграции становится невыносимой для изгнанников. Образно об этом пишет В.Ф. Ходасевич, сравнивая эмигрантов с отрезанной ногой: «Я здесь не равен себе, я здесь минус что-то, оставленное в России, притом болящее и зудящее, как отрезанная нога, которую чувствую нестерпимо отчетливо, а возместить не могу ничем».²⁹¹

Как видим, часто в строках о быте эмигрантов звучит ностальгия, тоска по родине, чувства вины. Н.Д. Городецкая, напротив, не пытается сравнивать жизнь в изгнании и в старой России. Главный акцент она делает на тех реалиях, которые актуальны в данный временной период – жизнь русской женщины в Европе, материальное благополучие изгнанников, деятельность кружков, собраний и т.д. Писательницу привлекает повседневная жизнь изгнанников – быт, занятия, увлечения и, конечно, профессиональная деятельность, с которой в эмиграции возникали сложности у самых разных слоев общества.

Главной фигурой ее публицистики становится женщина. В очерке «Русская женщина в Париже» Н.Д. Городецкая детально исследует все стороны женского труда: портнихи, кельнерши, парикмахерши, статистки становятся ее собеседницами и одновременно источником ценной информации. В этом состоит главная особенность подобных публицистических работ: форма очерка тяготеет к интервью. Писательница в прямом смысле «предоставляет слово» эмигранткам, рассказывающим о собственной работе во французской столице, о создании швейных мастерских или просто о нелегком заработке (например, об изготовлении мягких игрушек для иностранцев). Так, владелица мастерской в центре города указывает на общую карьеру

²⁹⁰ Цит по Тиме Г.А. «Русская идея» как проблема адаптации. Эмигранты из России в Европе в 1920-1930-х гг. // К истории идей на Западе «Русская идея» / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. Издательство Пушкинского Дома. Издательский дом «Петрополис». Санкт-Петербург. 2010. 648 с. С. 371.

²⁹¹ Ходасевич В.Ф. Письма // Собрание сочинений в 4 т. Т.4. М., 1997. С. 454.

русских портних: «Спросите любую русскую из кутюр, у всех одна карьера. Рекламы никакой не делала, так от одной дамы к другой молва идет. Стала не попевать, взяла помощницу. Потом еще одну».²⁹²

Благодаря такому подходу очерки Н.Д. Городецкой изобилуют малоизвестными для современного читателя фактами эмигрантской жизни: особенности работы швейных и художественных мастерских, студий, процесс создания нарядов, появление клиентов и их характеристика и т.д. Подобные мелкие детали помогают писательнице точнее воссоздать атмосферу того времени, мировоззрение и конкретные судьбы изгнанников. Так, Н.Д. Городецкая демонстрирует специфику курсов для портних, созданных эмигрантами для помощи соотечественникам в иностранной среде; подробно описывает процесс обучения, исследования мастерицами европейской моды, состав и образование учениц. Попутно писательница обращает внимание читателя на важные особенности, позволяющие русским женщинам успешно конкурировать и даже превосходить иностранных портних: «У французов или великолепные, многотысячные дома, или конфексьон – фабричная работа. Мастерица привыкла то один рукав, то один подол заготовлять. А русская изучает дело досконально, работает, как в хорошем доме, а цены берет средние».²⁹³

Важный мотив публицистики – тяжелый труд женщин, сопряженный с рисками, унижениями и подрывом здоровья. Например, одна их собеседниц Н.Д. Городецкой становится манекеном из-за испорченного шитьем зрения, другая (кельнерша) повествует об обидах со стороны иностранных посетителей ресторана: «Это так страшно – перестать существовать для других. Жить и знать, что ты для человека вещь... меньше вещи»²⁹⁴.

В своих очерках Н.Д. Городецкая лаконично, несколькими штрихами обрисовывает собеседника («молоденькая собеседница», «милая,

²⁹² Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.579.

²⁹³ Там же. С. 582.

²⁹⁴ Там же. С. 589.

добродушная хозяйка», «сдержанная дама», «собеседница оправила набегающие над локтем рукава своего черного платья» и др.), обстановку («большая квартира, гостиная сиреневого шелка, подушки в стиле модерн»), иногда приводит историческую справку (например, о профессии кельнерша (или подавальщица) в Париже), сопровождает рассказы эмигранток философскими, часто с юмором, замечаниями.

Очерки насыщены образными зарисовками Парижа, французских улиц, домов, ресторанов. Яркий пример – описание работы кинематографической студии: «Русская речь в студиях почти преобладает. Особенно много женщин (у мужчин часто нет смокингов). Это и понятно. Приличная француженка таким ремеслом заниматься не станет. Русская женщина изящнее, виднее, у нее лучше манеры и нет опасности нарваться на ругань».²⁹⁵

Обширным фактическим материалом наполнен очерк «Русская женщина в кино». Здесь писательница бегло представляет известных эмигрантских актрис (Наталья Кованько, Тамара Степенко, Диана Каренн, Ксения Десни и т.д.), наиболее заметные кинематографические работы того времени («Осенняя песня», «Дорога в рай», «Две сиротки» и др.). Описание сопровождается датировками, информацией о карьере, повседневной жизни актрис, а также специфическими подробностями их работы (например, использование касторового масла для уставших глаз).

В заметках Н.Д. Городецкая касается и духовного движения в Европе, воссоздавая историю его возникновения, основные направления деятельности и значение для молодого поколения изгнанников. По понятным причинам Н.Д. Городецкую интересует прежде всего судьба русских женщин в этом процессе. Н.Д. Городецкая описывает это следующим образом: «В общежитии Христианской студенческой федерации ютились и русские девушки. Их стали приглашать на религиозные собеседования. А через некоторое время они почувствовали,

²⁹⁵ Там же. С. 602.

что незачем им разговаривать друг с другом на французском языке. Так выделилась русская группа, не вполне ясно понимающая свои цели, но скрепленная национальным единством, дружбой и желанием какого-то добра и истины».²⁹⁶ В очерке Н.Д. Городецкая дает характеристику Лиги православной культуры, роль русской женщины в этом движении, значение женщины-миссионера в мире.

Важной темой публицистического творчества писательницы становится изображение русского студенчества за рубежом. Очерки о студенчестве представляют собой своеобразный цикл заметок, иногда связанных только общей тематикой: студенческие общежития, «вечные студенты», ремесла, курсистки, выбор специальности. Однако эти разнородные замечания позволяют составить достаточно целостную картину жизни и процесса обучения в условиях зарубежья. Н.Д. Городецкая оставляет за собой право делать выводы: «Прежнего студенческого типа, мягкотелого, горделивого и не знавшего, для чего, собственно, он попал в университет и почему именно на естественный, а не на филологию, уже не встретишь. Русский студент постепенно приближается к типу европейца: учится с определенной целью, надеется в ближайшее время применить знания».²⁹⁷

Интересует писательницу вопрос безработицы, который лейтмотивом проходит через многие ее публикации, наравне с темой усердного эмигрантского труда. Здесь Н.Д. Городецкая описывает одну из самых трагичных сторон жизни в эмиграции – отсутствие нормального заработка, разрушение карьеры, отчаяние людей, оставшихся без материального достатка и крыши над головой. Она пишет: «Те, кто очутился на улице, озлобляются на жизнь, на весь мир и особенно на русских, которые «не хотят помогать». Им начинает казаться, что терять

²⁹⁶ Там же. С. 615.

²⁹⁷ Там же. С. 644.

им больше нечего <...> Закрывать на это глаза – трусливо и нечестно».²⁹⁸ Главный акцент в очерке смещается снова на психологию человека, скрытый за бытовыми деталями: за рассказом о повседневной жизни русских бедняков в Париже отчетливо прослеживается главный посыл – природа человека, качества личности, национальные особенности. Так об этом говорится в очерке: «Нередко в несчастье собственное горе кажется человеку единственным. Поэтому друг к другу безработные особой жалости не чувствуют и не проявляют, кроме разве новичков. Забывают о том, что вся Европа охвачена сейчас безработицей, а в России и того не слаще».²⁹⁹

Познавательны для читателя очерки об Испании («Ресницы и веера») и Англии («Туманный Альбион»), биографические статьи об артистке Еве Лавальер, ушедшей от искусства к религии («Со сцены в монастырь»), и об индусском монахе Сундаре Синге («Саду»).

Обращается Н.Д. Городецкая и к религиозной тематике. Например, один из ее очерков посвящен жизни французской актрисы Евы Лавальер, нашедшей счастье не в роскоши и славе, а в католичестве: «Она [Ева – Л.Г.] умирает в смирении, с молитвой, с именем Христа <...> Ее могила – одна из самых скромных, и только неизвестные почитатели, может быть, такие же грешные женщины, приносят незамысловатые цветы».³⁰⁰

Крайне важны для анализа публицистической деятельности писательницы ее статьи в газете «Возрождение», посвященные актуальным проблемам 30-х гг. XX века – состоянию французской литературы того времени, отношению младемигрантов к России, трудностям начинающих писателей и поэтов. Сквозной нитью в этих публикациях является тема младшего поколения изгнанников, их адаптация к иностранной среде и культуре. Острее всего это вопрос поднимается в статье «Юношество и Россия», опубликованно в 1931 году. В ней Н.Д. Городецкая сразу

²⁹⁸ Там же. С. 646

²⁹⁹ Там же. С. 647.

³⁰⁰ Там же. С. 676.

обозначает основную проблему: «молодежь наша частично напоминает иностранцев. Не по чувству своему к России, даже не по знаниям – все стремятся читать, расспрашивать, но по представлениям».³⁰¹

В середине 30-х гг. проблема самоидентификации и адаптации младшего поколения являлась одной из самых сложных. Уже статистические данные говорят о непростом положении ребенка в изгнании: Л.И. Петрушева указывает на 18 – 20 тыс. детей школьного возраста, обучающихся в русских школах за рубежом на момент 1925 года.³⁰² Другими словами, в диаспорах формировалось целое поколение, оказавшееся в тяжелых материальных условиях, поколение, практически не связанное с отечеством личной историей и атмосферой. В.В. Зеньковский писал о младоэмигрантах следующее: «Наши дети психологически отравлены, пережили тяжелейшие ушибы и вывихи, от которых как бы парализованы и заломлены целые сферы души. А то, что осталось живым и целым, становится носителем жизни и силится хотя бы прикрыть забвением то, что нельзя удалить из души».³⁰³

Эту же мысль продолжает Н.Д. Городецкая. В статье она использует прием, характерный и для других ее «нехудожественных» публикаций: «предоставляет слово» самим изгнанникам. В данной публикации звучат различные мнения многих представителей эмигрантской молодежи. Благодаря этому читатель самостоятельно может отметить определенную оппозицию точек зрения среди младшего поколения. Так, одни полагали, что «они там [в СССР – Л.Г.] русские, а мы здесь так, эмигранты несчастные», другие утверждали обратное: «это мы русские, а они эсэсерцы, они предали церковь, забыли русский язык, пренебрегли русской историей».³⁰⁴ Подобные различия писательница только поддерживает, считая их показателем активности русской молодежи за рубежом. Этот же

³⁰¹ Там же. С. 695.

³⁰² Петрушева Л.И. Отцы и дети русской эмиграции // Дети русской эмиграции. М.: 1997. С. 8.

³⁰³ Зеньковский В.В. Детская душа в наши дни // Дети эмиграции: Воспоминания. М., 2002. С. 140-141.

³⁰⁴ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.695.

подход мы отметим в романе «Дети в изгнании», где Н.Д. Городецкая знакомит читателя с различными точками зрения младоэмигрантов, обстоятельствами их жизни в новых условиях, сомнениями и трудностями, акцентируя внимание на их отношении к России. Как в указанном выше романе, так и в статье «Юношество и Россия» это является сквозной темой. Более того, можно предположить, что материал, подготовленный к анализируемому нами очерку, послужил основой для построения сюжета «Детей в изгнании».

В этой статье Н.Д. Городецкая говорит и о невероятной роли той среды, в которой воспитывалось младшее поколение: одни жили среди русских людей с рассказами о России как о «шестой части света с молочными реками и кисельными берегами. Другие – окруженные иностранцами».³⁰⁵ Поэтому главный вывод писательницы звучит как послы всем эмигрантам того времени – считаться с младшим поколением, направлять их, утолять их интерес к покинутой Родине.

Тема младшего поколения развивается в статье «Кочевье» (опубликована в 1931 году), посвященной одноименному литературному объединению (1928-1939 гг.), в котором состояла и сама Н.Д. Городецкая. Интерес к статье повышает и тот факт, что, по мнению писательницы, это первая публикация о работе «Кочевья». Н.Д. Городецкая подробно рассказывает историю создания объединения, указывает его достоинства и недостатки. Главный акцент она делает на позиции литературной молодежи, связанной одним «не»: «не хотим, не верим, не можем верить отзывам о книгах, не позволяем обманывать нас похвалами <...> Будем встречаться и читать неизданные свои произведения и подвергать их строгой критике».³⁰⁶ Пожалуй, именно так обозначена главная цель создания указанного объединения. Неоднократно Н.Д. Городецкая пишет об отсутствии необходимой критики на произведения младоэмигрантов и

³⁰⁵ Там же. С. 695.

³⁰⁶ Там же. С. 692-693.

невозможности публиковаться. И действительно, многие исследователи (Ю.А. Азаров, О.А. Коростылев, Мартынов А.В. и др.) русского зарубежья отмечают эту проблему: если старшие эмигранты еще до изгнания получили признание и в новых условиях могли продолжать публиковать свои труды в газетах и журналах, то для молодежи такой путь был практически закрыт. Именно поэтому возникают кружки и объединения, например, «Союз молодых поэтов», «Кочевье» и т.д.³⁰⁷ В статье Н.Д. Городецкая пишет, что членам объединения «Кочевье» представлялось своеобразной литературной школой, где была возможность искать новые темы, идеи, без оглядки на общественное мнение обсуждать творчество советских писателей и литературу СССР в целом, где существовала критика как важный инструмент развития и совершенствования писательских навыков начинающих литераторов. Писательница определила главные особенности этой литературной «мастерской», она пишет: «Если можно определить влияния, то хороший тон «Кочевья» требовал от беллетриста отталкивания от Бунина и подражания Ремизову. Поэты были самостоятельнее, то есть, отдав дань Пастернаку и Цветаевой, могли петь под Блока и мудрить под Ходасевича <...> Из иностранцев чтился Марсель Пруст».³⁰⁸

Среди критических отзывов в адрес «Кочевья» писательница выделяет несколько существенных: возникновение с течением времени у членов объединения взаимного неуважения друг к другу, отсутствие конкретных идей и мнений, появление признанных писателей, что, по мнению Н.Д. Городецкой, сыграло отрицательную роль в развитии «Кочевья». Она пишет: «При еженедельных встречах многие «бойкие» говоруны выдохлись, начали повторяться. Уже все знали, от кого и чего можно ожидать. Определились внутри самой группы отношения, и

³⁰⁷ Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров... С. 12.

³⁰⁸ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.693.

«Кочевье» выдвинуло “фаворитов”». ³⁰⁹ Впрочем, Н.Д. Городецкая не отменяет и существенной пользы объединения: «одни начали печататься, другие приучились вести собрание, говорить гладко и по существу вопроса; у некоторых определились вкусы». ³¹⁰ И хотя Н.Д. Городецкая сомневается в значительном вкладе «Кочевья» в развитии литературы русского зарубежья, нельзя не отметить, что объединение помогло начинающим писателям войти в литературную среду и выработать собственную позицию по многим вопросам культуры и искусства.

Позже, в 1933 году, Г.В. Адамович в «Мыслях и сомнениях» напишет о деятельности «Кочевья», его мнение в целом совпадет с позицией Н.Д. Городецкой. В подтверждение приведем его слова: «В «Кочевье», которое после дней буйного расцвета, когда на вечера его собиралось двести-триста человек и горячие прения затягивались «далеко за полночь», теперь снова все вошло, так сказать, в берега обычного эмигрантского литературного объединения <...> Расцвет и упадок «Кочевья» не случайны. Общество это сделало ставку на советскую литературу. Года три или четыре тому назад его тенденция совпала с повсеместным, очень сильным интересом к этой литературе: тогда многие верили, что все свежее и юное, в литературном смысле, идет из России, что советская литература героична и величественна и что никакие цензуры, никакие диктатуры не в силах совладать с ее неудержимым ростом». ³¹¹

Крайне интересна статья Н.Д. Городецкой «Католическая литература», посвященная анализу французской литературы и культуры 30-х гг. XX века. Размышления писательницы касаются не только литературных тенденций, но и семейных, общественных отношений, она указывает на важную особенность того периода – тяготение Франции к мистицизму и католицизму. Н.Д. Городецкая обращает внимание писателей на религиозное возрождение, отраженное в художественных и

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Адамович Г.В. Собрание сочинений.... С.384.

публицистических трудах таких французских писателей, философов, религиозных деятелей, как Рене Швоб, Жак Маритен, Анри Массис, Станислав Фюме, Франсуа Мориак, Жорж Бернанос и др. В указанной статье Н.Д. Городецкая выступает и как литературный критик, главный акцент смещая с «художественной ценности произведений», на пути, «которые нащупывает автор».³¹² Так, она оставляет критические замечания к роману Роберта Валери-Радо «Тайна ночи», указывая на 3 важных положения: феномен «потерянного поколения», спасение в миру и искупление личным подвигом чужого греха».³¹³ Здесь писательница рассуждает о сильном влиянии католичества на читательскую массу и, особенно, на молодежь. Она пишет об этом следующим образом: «Франция «не парижская», семейная, богобоязненная и строгая, где родительский авторитет непоколебим, где изучают “Подражание Христу”» <...> где «книги часто приобретаются по совету духовника», где <...> «любой француз расскажет историю Шарля де Фуко» и где «растут слава и влияние Шарля Пеги».³¹⁴

В данной статье Н.Д. Городецкая приходит к нескольким выводам. Прежде всего, писательница указывает читателям на связующую роль религии в формировании и развитии нации и культуры. Н.Д. Городецкая размышляет о творчестве Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина с позиции православных традиций, а также отмечает позицию европейцев в этом вопросе: «...католическая цивилизация есть нечто несомненное, и, опираясь на Церковь, она давно и прочно утверждается в миру».³¹⁵ Вторая мысль касается конкретной исторической обстановки: активные действия Церкви, католических литераторов имеют под собой цель – «уберечь полуобразованных людей от влияния материализма».³¹⁶

³¹² Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.686.

³¹³ Там же. С. 687.

³¹⁴ Там же. С. 686.

³¹⁵ Там же. С. 685.

³¹⁶ Там же. С. 687.

Тему французской литературы 30-х гг. писательница развивает в статье «Спор поколений», опубликованной в «Возрождении» в 1932 году. Здесь автор образно представляет читателю дискуссию старшего и младшего поколения французских писателей не только о тенденциях развития литературы того времени, но и о разнице миропонимания обоих поколений, что находило отражение в их художественных трудах. Н.Д. Городецкая пишет об этом так: «Неожиданным и резким откликом было выступление писателей вовсе юных – “моложе тридцати лет”. Робер Бразильяк и Жан Максанс поднялись не только против навязываемого им гуманистического мирозерцания, не только против стариков, но и против ближайшего им поколения людей, побывавших на фронте и характеризующих то, что они называют “послевоенная литература”».³¹⁷

Кроме того, в этой статье читатель находит характеристику французской молодежи, вступающей на литературное поприще: в своем творчестве они пытаются нащупать связь с национальной почвой, продолжают традиции католичества, например, линию Шарля Пегги, восхваляя его патриотизм и жертвенность. Н.Д. Городецкая подвергает работы известных довоенных и послевоенных писателей Франции (Б. Кремье, Ж. Максанс, М. Пруст, А. Жид, Ф. Мориак, М. Арлан, Ж. Жироду и др.) детальному анализу и приходит к выводу, что сам спор основывается не столько на возрасте, сколько на личном опыте и миропонимании. Так она пишет о Ф. Мориаке: «Франсуа Мориак не вмешивается ни в какие распри. Он ни от чего не отрекается, ничего нового не заявляет. Однако если следить за его творчеством, то видно нарастание в нем тревожной совести <...> Меняется облик мира – но Мориаку важнее личный его путь, личная ответственность как человека и писателя».³¹⁸

Однако сам анализ художественных произведений Н.Д. Городецкая использует для уточнения характеристики французского общества 30-х гг.

³¹⁷ Там же. С. 688.

³¹⁸ Там же. С. 690.

XX века. Так, она отмечает возникновение нового гуманизма, усиление интереса к подсознательному, нарастание тревоги и беспокойства в обществе. Писательница заключает, что указанный в заглавии статьи спор основывается не столько на возрасте, сколько на личном опыте и миропонимании человека. Для подтверждения своей мысли автор представляет читателю позиции обеих сторон: старших (довоенных) и младших писателей. Хотя следует отметить более живой и выраженный интерес Н.Д. Городецкой к молодежи, ее поиску новых путей и возможностей, новой философии.

Данная статья интересна исследователям не только русского зарубежья, но и французской литературы первой половины XX века благодаря умению Н.Д. Городецкой уловить настроения в обществе и точно, образно, в лаконичной форме выразить их читателю. В подтверждение приведем рассуждения писательницы о младшем поколении литераторов Франции: «...молодежь кричит о конце гуманизма, изжившего себя, доказавшего свое бессилие в разрешении и личных, и коллективных запросов. Молодежь – она всегда одинакова – требует, чтобы ей подали решение всех проблем <...> Молодое, младшее поколение по-своему право. Другие проделали опыт, они делают выводы. Таков естественный и, может быть, даже утешительный ход вещей».³¹⁹

Таким образом, журналистская и публицистическая деятельность Н.Д. Городецкой предоставляет исследователям богатый фактический материал для анализа жизни эмигрантов. В частности, писательница касается практически не исследованных на сегодняшний день вопросов: например, подробностей профессиональной деятельности русских женщин за рубежом, обучения русских студентов и т.д.). Обращение к нехудожественному творчеству писательницы открывает широкий пласт эмигрантских очерков, статей, газетных заметок и т.д., который на сегодняшний момент практически не подвергался комплексному анализу.

³¹⁹ Там же. С. 691.

3.3 Беседы с писателями

Другой важной стороной журналистской деятельности Н.Д. Городецкой являются проведенные по заданию редакции газеты «Возрождение» «Беседы с писателями», публикуемые в этой газете с 1930 по 1933 годы.

Ранее мы отмечали, что в своих очерках писательница часто использует элементы интервью как художественный прием, позволяющий точнее передать эмигрантский быт и воссоздать образ изгнанника. Однако наиболее ярко эта особенность проявилась в цикле бесед с отечественными писателями и поэтами, которые Н.Д. Городецкая называет «В гостях у...». В качестве респондентов выступает целый ряд мастеров слова: А.И. Куприн, М.А. Алданов, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев, М.И. Цветаева. Форма интервью носит условный характер, чаще всего наблюдается именно диалог, переходящий в монолог писателя, поэтому лучшим обозначением данного формата становится указанная А.М. Любомудровым «беседа». Лишь в случае с В.Ф. Ходасевичем форма интервью определяется довольно четко: вопрос – ответ.

Второй важной особенностью «бесед» являются детальные описания внешности, манер и поведения героев, наличие небольших рассуждений и замечаний самой Н.Д. Городецкой, что соотносит эти публикации с жанром портретных очерков, которые позволяют читателю получить представление не только о собеседнике, но и о личности автора работы.

В эмигрантских газетах и журналах огромная роль отводилась именно литературе, поэтому в них довольно часто публиковались проза и поэзия мастеров слова, интервью с деятелями культуры и искусства, статьи, очерки, воспоминания, а также материалы, освещающие литературные замыслы писателей. Так, в 1926 году в журнале «Иллюстрированная Россия» (с которым сотрудничала Н.Д. Городецкая) появляется рубрика «Как живет и работает...», соотносимая с формой

интервью. В качестве «гостей» выступали артисты и музыканты (М.Н. Кузнецова), представители судебной практики (М.М. Винавер), врачи (И.П. Алексинский), писатели, критики, публицисты (П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Д.С. Мережковский, Саша Черный, М.А. Алданов и др.). Интервьюером в большинстве очерков значился журналист А. Влади́н (если учитывать стилистические характеристики публикаций, можно предположить, что все очерки в данной рубрике были написаны им), кроме данной рубрики выступивший автором статьи о Великой княгине Марии Павловне (февраль 1927 г.).

Главными формальными отличиями этих заметок становятся описания А. Влади́ным интерьера или домашней обстановки, небольшие ремарки, касающиеся портрета собеседника или его деятельности в эмиграции, а также личные фотографии за работой или во время досуга. В остальном читателю представлено классическое интервью. Исключение составляли два очерка. Первый – «Как я живу и работаю», в котором представлен собственно очерк Н.А. Тэффи о самой себе, поэтому интервьюер здесь отсутствует. Похожая ситуация наблюдается во втором случае – стихотворение Саши Черного «Как я живу и не работаю», в некотором смысле пародирующее данную рубрику.

Исходя из вышеперечисленного, можно предположить, что Н.Д. Городецкая в процессе создания собственных «бесед» с писателями могла опираться на материалы журнала «Иллюстрированная Россия». На эту мысль наводят и следующие слова М.И. Цветаевой в разговоре с Н.Д. Городецкой: «Если бы тема была – “как живет и работает”, – я бы пригласила вас к себе именно для того, чтобы вы увидели, что работать в моей обстановке (глагол “обстать”) в достаточной мере невозможно».³²⁰

Поэтому мы позволим себе при анализе «бесед с писателями» проводить сравнительные характеристики с очерками А. Влади́на, чтобы

³²⁰ Там же. С. 728.

уточнить стиль письма Н.Д. Городецкой. Сначала выделим общие для всех «бесед» признаки, потом рассмотрим публикации подробнее.

Прежде всего следует отметить, что композиция «беседы» довольно проста: чаще всего она начинаются с лаконичных замечаний Н.Д. Городецкой о собеседнике (его портретные характеристики, описание домашнего быта или места встречи и т.д.), а затем происходит построение самого диалога. Постоянным элементом бесед является описание облика писателя или поэта, однако автор редко прибегает к собственно портретной характеристике. Н.Д. Городецкой интересны психологические детали, привычки, настроения, манеры. Так она пишет о И.С. Шмелеве: «И.С. то сидит на диване, то вскочит, подойдет к столу, стряхнет пепел с папиросы и вдруг остановится посреди комнаты, махнет рукой и скажет – почти крикнет низким, глухим голосом...».³²¹ А беседа с А.И. Куприным начинается с изображения кота писателя: «По дороге я зашла в столовую и пожала лапу коту, дремавшему на центральном отоплении. Кот посмотрел на меня одним глазом и произнес нечто вроде «мурм» – так в рассказе «Ю-Ю» выражается кошачье расположение. Говорить об А.И. и умолчать о коте нельзя – хозяин обидится».³²²

Кстати, этот домашний питомец уже попадал в воспоминания о А.И. Куприне. Так, в «Моей летописи» Н.А. Тэффи пишет: «Кошка была для него очень близким существом. Последним представителем звериного мира, который он так любил. Уезжая в Россию, на парижском вокзале, усаживаясь в вагон, он больше всего заботился о кошке, волновался, не забыли ли захватить кошку. Он понимал, что жизнь его переломилась, что едет он на родину не жить, а умирать, и обеими руками держался за это последнее любимое, свое звериное».³²³

Разговоры касаются многих тем – о литературе, о России, об искусстве. Так, в беседе с Б.К. Зайцевым речь заходит о связи

³²¹ Там же. С. 721.

³²² Там же. С. 701.

³²³ Тэффи Н.А. Моя летопись (вступ. ст., прим. Ст. Никоненко). М.: Вагриус, 2004. 376 с. С. 123.

художественного творчества и биографии (на примере И.С. Тургенева), диалог с В.Ф. Ходасевичем затрагивает судьбу русской литературы, с И.С. Шмелевым – происходит обсуждение православных традиций. Часто Н.Д. Городецкую интересуют мнения писателей об актуальных проблемах того времени. Например, кризис театра в 30-е гг. XX века в беседе с Н.А. Тэффи: «Тут я признаюсь, что вообще теряю веру в театральные возможности: уж очень все изжито.

– Ах, нет, – говорит Н.А.– Театр жив, и я верю в его расцвет. Да и сейчас у немцев бывают интереснейшие постановки и серьезные пьесы».³²⁴

Нередко беседа начинается с незначительной детали, например, книжная полка А.М. Ремизова, название кафе «Режанс», которое посещал М.А. Алданов, убранство кабинета И.С. Шмелева, автомобили на встрече с М.И. Цветаевой. Это также необходимо писательнице для воссоздания образа собеседника. Таково, например, начало разговора с М.И. Цветаевой: «– Я люблю рисовать, заявляет она [Цветаева – Л.Г.] в виде приветствия, – смотрите, русский автомобиль.

– Который, почему русский?

– Потому что странный».³²⁵ После этого обмена репликами речь идет только о литературе и об искусстве.

Остановимся подробнее на анализе «бесед с писателями».

Разговор с А.И. Куприным (опубликованный 16 декабря 1930 г.) начинается с обсуждения животных вообще и данной темы в литературе (благодаря появлению кота писателя в начале встречи). А.И. Куприн размышляет: «А вы заметили, что сейчас в литературе почти не осталось ни собак, ни лошадей? И детей тоже нет».³²⁶ Тревожнее всего эта мысль звучит от *того* самого писателя, который создал множество произведений о животных («Ю-Ю», «Белый пудель», «Сапсан» и др.). В «беседах» Н.Д. Городецкой удастся передать яркие, запоминающиеся образы

³²⁴ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.727.

³²⁵ Там же. С. 728.

³²⁶ Там же. С. 701.

писателей и поэтов, она представляет не только их портретные характеристики, но акцентирует внимание на особенностях манеры, жестов, интонаций (например, Б.К. Зайцев произносит слово «идей» через «э»), что помогает раскрыть именно личность собеседника. Вероятно, в этом кроется одна из причин успеха подобной рубрики у читателей. Здесь же мы находим и главное отличие бесед «В гостях у...» от интервью в журнале «Иллюстрированная Россия». В последнем – А. Влади́н не акцентирует внимание на подобных деталях, его ремарки не нарушают границ биографической справки: основные сведения о профессии, творчестве или другого вида деятельности в изгнании.

Так, в заметке «Как живет и работает А.И. Куприн» автор кратко обозначает местонахождение дома писателя, общую обстановку внутри и останавливается на его каждодневных занятиях: «Летом и весной, первая забота И.И. – посмотреть на цветы, которые засажены в его палисаднике и за которыми он сам бережно ухаживает».³²⁷

Н.Д. Городецкая подходит детально к воспроизведению не только произошедшего диалога, но и к увиденному в его процессе. В подтверждение приведем момент из беседы с тем же А.И. Куприным, когда во время разговора случилась неожиданность, подробно описанная автором очерка: «В это время на весь дом закричал кот. Бросились в столовую. Оказалось, что он перегрелся на центральном отоплении, но спрыгнуть ему лень. Сняла, поставили на пол и хотели уйти. Тут кот вовсе раскричался и разобиделся невниманием».³²⁸ По своей сути описанное – небольшое замечание, не относящиеся к интервью. Однако его Н.Д. Городецкая использует для воссоздания образа писателя. Это же цель преследуется при постановке личных вопросов. Все в том же очерке А.И. Куприн делится мечтой молодости: совершить кругосветное путешествие в статусе обычного моряка или кочегара. Другая мечта –

³²⁷ Влади́н А. Как живет и работает А.И. Куприн // Иллюстрированная Россия, 1926, №4 С.8

³²⁸ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.727.

«купить лошадь и поехать по Франции, через всю страну, по романам Дюма».³²⁹

В этом очерке чувствуются особые доброжелательность и уважение друг к другу (писатели были хорошо знакомы, именно А.И. Куприн напишет предисловия к роману «Несквозная нить» в 1931 году), поэтому в данном случае публикацию можно рассматривать как свободный разговор обо всем, тема диалога здесь меняется в зависимости от желания обоих собеседников. Об этом пишет и сама Н.Д. Городецкая: «Человеческий разговор хорош неправильностью, перерывами, неожиданными замечаниями. Когда говорит Куприн, хочется улыбаться, поэтому что его речь наполнена добротой, любовным юмором, прощающим пониманием».³³⁰

Беседа с А.М. Ремизовым (опубликована 30 декабря 1930 г.) запоминается иной деталью: весь разговор писатель рисует. Н.Д. Городецкая описывает это так: «Движения (у Ремизова – Л.Г.) точные – лишних он не делает. Разве что одно: разговаривая, держит в руке карандаш и свои слова отмечает какими-то черточками, запятыми, точками и усиками. Под конец беседы образуется сложная и выразительная фигура».³³¹ Интересна эта беседа изображением именно бытовой, повседневной обстановки: Н.Д. Городецкая подробно обрисовывает игрушки на стенах (мифологические существа, описанные в его произведениях), описывает, как Алексей Михайлович идет на кухню, ставит чайник, заворачивается в плед, угощает крендельками – «у него вкусный и чрезвычайно домашний вид».³³² Речь заходит о высоком (о милосердии, православии, творческих замыслах) и о более приземленном. Так, клубок веревок, обнаруженный писателем, подводит разговор к новым размышлениям – о быте, о доме, об эмиграции. Любопытна деталь,

³²⁹ Там же. С. 702.

³³⁰ Там же. С. 703.

³³¹ Там же. С. 705.

³³² Там же.

которую подмечает автор: говоря о пути собственных книг, А.М. Ремизов невольно вычерчивает карандашом фигуру. Когда Н.Д. Городецкая пытается ее повторить, у нее получается часовня: «Шпиль, купол – это «Взвихренная Русь», скату влево – «Оля» и «Посолонь», вправо «По карнизам» и «Парижские легенды». Внизу – не то ступенькой, не то фундаментом – «Три серпа» <...> Творчество здесь и впрямь молитвенно».³³³

Совершенно иным по характеру представляется очерк «В гостях у М.А. Алданова», опубликованный 8 января 1931 года. Прежде всего, местом встречи писатель выбирает кафе «Режанс». Именно оно служит начальной темой беседы – Марк Александрович рассказывает о столике, где Наполеон играл в шахматы. Здесь снова ярко проявляется особенность очерков: Н.Д. Городецкая часто вставляет собственные размышления над словами и действиями собеседника. Об М.А. Алданове она пишет так: «На лице часто блуждает вежливая и снисходительная усмешка. Многому человек не доверяет – великое дело сохранить доброжелательность, занимаясь историей. Впрочем, многовековые дипломаты приучают к вежливости: многочисленные потрясения учат спокойному наблюдению маленьких дрызг и некоей отвлеченности оценок».³³⁴ И, конечно, почти вся указанная беседа сводится к рассуждениям об истории, которую писатель называет «сплошным сюрпризом», и литературе.

Единственный среди всех «гостей» рубрики М.А. Алданов высказывается о существующей в эмигрантском обществе цензуре: он отмечает серьезную критику в адрес «Бегства» – второй части его трилогии «Мыслитель» – за то, что в романе не демонизируется большевизм, которого, по мнению самого мастера литератора, он не увидел. В этой беседе заметна и вторая отличительная особенность публикаций Н.Д. Городецкой: художественное изображение

³³³ Там же. С. 708.

³³⁴ Там же. С. 709.

происходящего, интерьера, пейзажа. Так, «В гостях у М.А. Алданова» заканчивается живописным воссозданием вечернего Парижа: погоды, ближайших зданий, магазинов, рекламных огней. Но все это фон для размышлений писательницы об истории. Очерк заканчивается следующими фразами: «История все-таки здесь, близко, настороже. В самом деле, почему в этом году <...> белый Пьеро на этой световой рекламе не поет под окном Коломбины, а руками, созданными, чтобы перебирать струны гитары, наводит на испуганное солнце тяжелую пушку?»³³⁵

В свою очередь, А. Владин в интервью с М.А. Алдановым знакомит читателя с работой писателя над новыми произведениями (в это время готовится к печати роман «Заговор»), с его любимыми занятиями (театр, шахматы), обрисовывает гравюры на стенах писательского кабинета.

Интересен очерк о И.С. Шмелеве (опубликован 1 февраля 1931 года), который начинается с описания личных впечатлений Н.Д. Городецкой от посещения Севре, предместья Парижа, где поселился писатель. Она подробно рассказывает о новом электрическом поезде на станции, о необычном сигнале отъезда, напоминающем звук будильника, «от которого начинает неудержимо клонить ко сну», о доме И.С. Шмелева, где «собак нет и надо прямо отодвигать изнутри щеколду».³³⁶ Разговор заходит, конечно, о писательской деятельности, и в ходе него звучит совет собеседника о том, что не надо спешить печататься: «Не спешите – перед вами жизнь... Я сам начал очень молодым <...> А потом – перестал. Как будто и писать не о чем. А вплотную подошел к литературе уже значительно позже, лет через десять».³³⁷

В этом очерке не представлены реплики Н.Д. Городецкой, что создает впечатление цельного монолога о литературе, культуре, России и православии. Напротив, писательница оказывается под большим

³³⁵ Там же. С. 712.

³³⁶ Там же. С. 721.

³³⁷ Там же.

впечатлением от личности И.С. Шмелева и его размышлений, она старается не прерывать его, аргументируя это следующим: «Я что-то бормочу. Мне не хочется ни о чем спрашивать. Думаю с испугом: вдруг кто-нибудь воспримет слова И.С. как простой газетный материал, все это ведь живое, из сердца, из боли».³³⁸

Два очерка посвящены И.А. Бунину: «Встреча с Буниным» (16 ноября 1933 года), «И.А. Бунин в «Возрождении» (17 ноября 1933 года), и приурочены они к присвоению писателю Нобелевской премии по литературе (о награждении стало известно 9 ноября³³⁹, официальная церемония проходила 10 декабря 1933 года).

Н.Д. Городецкая подробно описывает ту атмосферу, что царила вокруг писателя после известия о награде. Конечно, прежде всего читателю представляют обратную сторону славы: «Иван Алексеевич только приехал в Париж, а его уже задержали. Иностранные журналисты, друзья, письма, телеграммы, предложения переводов, просьбы назначить свидание...».³⁴⁰

И.А. Бунин подробно вспоминает день присуждения премии, в том числе посещение театра, на сцене которого в тот день играла дочь А.И. Куприна Ксения Александровна. Именно там писатель получает сообщение о награде.

Н.Д. Городецкая даёт читателю портрет лауреата: «И.А. оттягивает ухо, щурит один глаз, показывает всем лицом напряжение. Лицо у него выразительное, как и голос: это знают и те из нашей публики, кто бывал на вечерах Бунина, кто слушал его поистине мастерское чтение».³⁴¹

Заканчивается интервью характерной для стиля Н.Д. Городецкой любопытной деталью: рассказом о поваре И.А. Бунина Джозефе, который

³³⁸ Там же. С. 723.

³³⁹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вера Муромцева-Бунина. - Москва: Вагриус, 2007. - С. 459.

³⁴⁰ Городецкая Н.Д. Остров одиночества... С.732.

³⁴¹ Там же. С. 734.

был не доволен победителем премии 1932 года англичанином Джоном Голсуорси.

Второй очерк повествует о неожиданном визите писателя в редакцию газеты «Возрождение». Здесь уже мы видим не интервью, а, скорее, заметку о встрече И.А. Бунина с А.И. Куприным, Б.К. Зайцевым, В.Ф. Ходасевичем, И.С. Лукашем, А.Д. Гукасовым, А.А. Плещеевым и др.

Не остаётся без внимания Н.Д. Городецкой деталь, глубже раскрывающая личность лауреата: описание долгих и «беспомощных» поисков пальто на вешалке, сетование писателя о пошивке фрака для церемонии, борьба с лампами. О последнем И.А. Бунин говорит следующее: «Хочу погасить свет <... >хожу из комнаты в комнату, ткну в одну кнопку - горит, в другую - опять горит. Ещё одна лампа. Да когда же они потухнут? Вот тебе и гордый человек, простой лампе и то не хозяин».³⁴²

Важным представляется очерк «В гостях у В.Ф. Ходасевича» (опубликован 22 января 1931 года), являющийся практически единственным интервью с поэтом. Здесь преобладает классическая вопросно-ответная форма. Начинается очерк не со вступительного слова Н.Д. Городецкой, а сразу с серьезного вопроса о возможностях русской поэзии. Более того, только дважды автор делает ремарку, оба случая касаются описания жестов литератора: «Ходасевич – нервный, худошавый, говорит отрывисто, покачивается на стуле, рукою тронет перо, подвинет его и вдруг отпрянет и выжидательно смотрит на собеседника».³⁴³

Поэт размышляет о состоянии эмигрантского общества начала 30-х гг. (указывая на важность того, чтобы изгнанники ощущали себя не каждый отдельным беженцем, а частью нации) и о будущей России (ему видится образ России деятельной и очень религиозной). Н.Д. Городецкая просит поделиться мнением о литературном творчестве младшего

³⁴² Там же. С. 738.

³⁴³ Там же. С. 717.

поколения, по поводу чего сам В.Ф. Ходасевич высказывает сомнение. Он говорит: «Предсказывать с именами не возьмусь – боюсь, что опять перехвалю. В данное время милее других мне группа “Перекрестка”».³⁴⁴ Отметим, что поэт вместе с Н.Н. Берберовой активно участвовал в деятельности указанного литературного объединения, опиравшегося в свою очередь на художественные принципы самого В.Ф. Ходасевича.

Именно в этой «беседе» появляется словосочетание «духовный реализм», которое в настоящее время стало литературным термином. В нашей работе мы используем его в качестве обозначения особого направления в реализме, возникшего в творчестве И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева. Упоминается «духовные реализм» в следующем вопросе Н.Д. Городецкой: «Что же может стать “предметом” русской поэзии? Не считаете ли вы, что после символизма стало дозволено говорить простым языком о иных реальностях? То есть, не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом?».³⁴⁵ Учитывая интерес писательницы к христианству, а также отражение в ее собственных произведениях православных традиций, можно предположить, что Н.Д. Городецкая имела в виду новую тенденцию, возникающую в эмигрантской литературе.

Заканчивается разговор эмоционально – описанием котенка поэта, которого В.Ф. Ходасевич призывает оценить, говоря при этом: «Мой не хуже, чем у Куприна... Вы того хвалили ... Правда, мой еще начинающий, но перед ним будущее».³⁴⁶ Эта деталь любопытна. Она указывает на то, что сам В.Ф. Ходасевич читал предыдущие «беседы», т.е. мы находим очередное подтверждение успеха данной рубрики у читателей.

Таким образом, главное отличие работ Н.Д. Городецкой в этом жанре заключается в том, что она включает в повествование и даже в сам процесс диалога собственные замечания, художественные ремарки и пояснения, т.е. в «беседах» оказывается отражена личность автора.

³⁴⁴ Там же. С. 719.

³⁴⁵ Там же. С. 720.

³⁴⁶ Там же.

Вследствие выше сказанного можно утверждать, что беседы с писателями Н.Д. Городецкой были востребованы эмигрантским читателем, о чём свидетельствует тот факт, что они публиковались на протяжении 3 лет.

Подобные «беседы» с писателями, философами, представителями религиозной и общественной сферы являлись не самыми распространенными в тот период, поэтому сам формат носил оригинальный характер. Стоит заметить, что специальное исследование интервью с известными представителями русского зарубежья не проводилось, что оставляет значительный пробел в общей картине истории русской эмиграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русское зарубежье XX века – это важный историко-культурный феномен, комплексное изучение которого позволит расширить современные знания в истории, экономике, политологии, социологии, искусстве России прошлого столетия, рассмотреть под иным углом тенденции развития русской культуры в целом и литературы в частности.

В настоящее время мы наблюдаем повышенный интерес исследователей к данному феномену, за последние десятилетия появилось значительное число отечественных и зарубежных научных трудов, освещающих тот или иной аспект литературной и культурной жизни русской эмиграции XX века.

Однако стоит признать, что на данный момент общая картина русского зарубежья полностью не сложилась, это относится и к литературным реалиям того периода: российскому читателю становится доступно творчество не только общепризнанных писателей и поэтов эмиграции первой волны (И.А. Бунин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаева и др.), но и неизвестных мастеров слова, представителей «незамеченного поколения» (Н.Н. Берберова, И.Н. Одоевцева, Б.Ю. Поплавский, В.С. Яновский и т.д.). Одним из таких новых имен является Н.Д. Городецкая – яркий представитель «незамеченного поколения», прозаик, публицист, критик, богослов и педагог русской эмиграции первой волны XX века.

В ее творчестве прослеживаются традиции как XIX столетия, так и тенденции, определившиеся в русском зарубежье в 20-30-х гг. XX века. Здесь стоит оговориться: многие образы, мотивы и темы, обозначенные в произведениях писателей прошлого века, сформировались еще в XVIII–XIX вв., а позже получили свое развитие. Яркий пример – тема памяти, обращаться к которой мастера слова начали в XIX веке (М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой), однако наибольшее развитие она получила в

следующем столетии, особенно в мемуарах и художественной прозе представителей русской эмиграции первой волны (В.В. Набоков, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев). Поэтому разделение традиций по временному показателю не во всех случаях будет иметь смысл. Пожалуй, ярче всего тенденции XIX столетия в творчестве Н.Д. Городецкой проявились в особенностях обращения к образам детей. Например, присутствие в художественных произведениях писательницы: 1) толстовских идей об особой восприимчивости ребенка к миру, обществу, природе, а также мотив детства как «потерянного рая»; 2) мотива детских страданий, отмеченного в прозе Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Другой пример – тема одиночества, раскрытая, в том числе через идеи Ф.М. Достоевского и В.В. Розанова об уединении как поиску подлинного себя; традиции А.П. Чехова, нередко изображавшего одиночество с помощью пейзажа. Можно также отметить особенности сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина, ярко проявившиеся в рассказе Н.Д. Городецкой «Мемуары эмигрантской бабушки», и систему женских образов писательницы, восходящую к литературным тенденциям XIX века.

Однако гораздо заметнее в художественных произведениях Н.Д. Городецкой традиции и идеи XX века, главным образом, русского литературного зарубежья: обращение к образу старой России, к теме повседневности и быта эмигрантов, любви, мотиву памяти, к библейским образам. Нельзя не сказать о традиции «духовного реализма», сформировавшейся в эмигрантской прозе И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева и продолжившейся в творчестве Н.Д. Городецкой (роман «Дети в изгнании»).

Выше перечисленные обстоятельства определили разнообразие тем, к которым обращалась писательница в художественном и публицистическом творчестве. Одна из главных – Россия. Наиболее яркие образы, связанные с этой темой – Россия дореволюционная, Россия в период революции и гражданской войны, образ России-воспоминания (у

эмигрантов), оппозиция Россия-Запад. Теме не менее, как представителя «незамеченного поколения» Н.Д. Городецкую прежде всего волновали вопросы быта, повседневной жизни и адаптации изгнанников в иностранной среде. Поэтому другой важной темой художественного творчества писательницы оказывается эмиграция. Главным мотивом здесь выступает одиночество. Это сквозной образ для творчества писательницы, являющийся главным показателем не только страданий, но и духовных исканий персонажей. Останавливается Н.Д. Городецкая и на воссоздании самой иностранной среды. В рассказах перед читателем предстают картины Франции (главным образом Парижа), Англии, балканских государств с четкой оппозицией, обрисованной писательницей: зарубежные государства представлены в двух образах – родиной для местного населения и чужбиной для русских эмигрантов.

Тесно связана с образом эмиграции тема памяти, которую Н.Д. Городецкая включает как в художественные произведения, так и в автобиографические очерки. Чаще всего память является средством раскрытия образа героя или становится средством композиционного построения, что в свою очередь выявляет параллели с традициями И.А. Бунина, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, в чьей художественной прозе создается специфическое временное поле (например, набоковская модель земного существования).

Еще одна важная тема связана с православными традициями, отраженными в художественном и «нехудожественном» творчестве Н.Д. Городецкой. Это прежде всего традиции «духовного реализма», окончательно сформировавшегося в творчестве эмигрантских мастеров слова. Наиболее ярко они проявились в романе «Дети в изгнании», написанном, как указывал Ю.В. Мандельштам, прежде всего для зарубежного читателя, а значит, призванного объяснить жизнь русских эмигрантов. С романом связана и вторая важная тема в данном блоке – детство. Именно через призму восприятия ребенка Н.Д. Городецкая

показывает роль православия и религиозной оформленности быта в жизни русских эмигрантов. В целом, к середине 30-х гг. в творчестве писательницы все чаще наблюдаются попытки религиозного осмысления действительности. Не последняя роль в этом процессе принадлежит Н.А. Бердяеву. С ним Н.Д. Городецкая была лично знакома, а также посещала его Религиозно-Философскую академию. Огромное влияние на писательницу оказали французский поэт Шарль Пеги, о жизни и деятельности которого она читала доклад на заседании Франко-русской студии, и архимандрит Лев Жилле, ставший духовным наставником Н.Д. Городецкой и посоветовавший ей перебраться в Англию и более глубоко заняться изучением богословия, истории религии. Благодаря перечисленным обстоятельствам в этот период Н.Д. Городецкая исследует кенозис в жизни и творчестве русских писателей (например, Н.В. Гоголя).

В художественных и журналистских работах писательница поднимала сложные, актуальные в тот период проблемы. Одна из главных – трудности в адаптации «третьего поколения» эмигрантов, в том числе формирование их национального самосознания. Этой теме посвящен роман «Дети в изгнании» и статьи в газете в «Возрождение» – «Юношество и Россия», «Кочевье», «Спор поколений». Писательница одной из первых обратила внимание на мнение именно детей эмиграции, не видевших или не помнивших отечество. С этим же связана проблема памяти и воспитания детей в духе православных традиций. И конечно нельзя не отметить «беседы с писателями», формат который способствовал рассмотрению важных проблем о жизни эмигрантов, о судьбе русской литературы и культуры с разных точек зрения (например, были приведены размышления А.И. Куприна, В.Ф. Ходасевича, М.И. Цветаевой, о А.М. Ремизова и др. о будущей отечественной литературе).

Дальнейшие перспективы исследования связаны с более обстоятельным изучением биографии Н.Д. Городецкой, особенно ее жизни в Англии, научной и педагогической деятельности в Оксфордском

университете (где она преподавала в одно время с Дж. Толкином), с введением в оборот новых текстов писательницы (так, в настоящий момент неизвестны первые литературные работы Н.Д. Городецкой, опубликованные в хорватской газете «Jutarnji List»), с анализом генезиса художественного творчества писательницы в контексте литературной жизни русской эмиграции. Все это позволит включить творчество Н.Д. Городецкой в учебные курсы, посвященные изучению литературного процесса русской эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Художественные источники**

1. Адамович Г.В. Одиночество и свобода Одиночество и свобода [Текст] / Георгий Адамович. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. – 316 с.
2. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 кн. Кн 2. («Последние новости» (1932-1933) / Подг. Текста, сост и примеч. О.А. Коростылева. – СПб.: Алетейя. 2007. – 512 с.
3. Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). Под ред. и со вступ. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. – М.; СПб, 1994. [Электронный ресурс]. URL : <http://ruslitrev1917.ru/publications/0602-Dnevnik-Pisma-Stat-i-intervyu-Vospominaniya-sovremennikov.phtml> (дата обращения 25.02.2018).
4. Бальмонт К.Д. Белый сон // Воля России. 23 января. – №110. – С.3
5. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. под ред. Л. М. Сурица – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 526 с.
6. Берберова Н.Н. Мыс бурь. – М.: АСТ, 2011. – 352 с.
7. Бердяев Н.А. Л. Толстой // Н.А. Бердяев о русской философии. – Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1991. Ч.II. – 239 с.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. – М.: Канон+, 2017. – 448 с.
9. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – СПб.: Лань, 2017. – 300 с.
10. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – 607 с.

11. Блок А.А. Скифы // Блок А.А. Двенадцать. Скифы. – М.: Гослитиздат, 1958.
12. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Молодая гвардия, 1999. – №3.
13. Бунин И.А. Интервью разных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/intervyu.htm> (дата обращения 28.12.2021).
14. Варшавский, В.С. Незамеченное поколение: публицистика / В.С. Варшавский; под ред. Л.М. Сурис. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 383 с.
15. Вейдле В.В. Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Lusern: Vita Nova Verlag, 1938; Gorodetzky N.. The Humiliated Christ in Modern Russian Thought. S.P.C.K., London, 1938; Berdiaev N. Les sources et le sens du communisme russe. - Paris: Gallimard, 1938 // Современные записки, 1939. – №69.
16. Вейдле В.В. «Не думайте, что я забыл “Современные записки”» // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – Т.3 – 1016 с.
17. Вейдле В.В. Задача России. - Нью-Йорк. 1956.
18. Вейдле В.В. Умирание искусства. – М.: Республика, 2001.
19. Владин А. Как живет и работает А.И. Куприн // Иллюстрированная Россия, 1926, – №4 – С.8
20. Газданов Г.И. О молодой Эмигрантской литературе // Современные записки, 1936. – №60. – С. 404-408.
21. Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 845 с.
22. Городецкая Н.Д. L'exil des enfants (Дети в изгнании). – Париж, 1936. – 296 с.

23. Городецкая Н.Д. Charles Péguy et son œuvre (Шарль Пеги и его труды) // Le Studio Franco-Russe (1929-1931). "Toronto Slavic Library". Séries, 2005.
24. Городецкая Н.Д. И.А. Бунин в «Возрождении» // Возрождение. 1933. 17 ноября. – №3090.
25. Достоевский Ф.М. Пушкин // Речи о Пушкине: 1880-1960-е годы. – М.: Текст, 1999.
26. Зайцев Б.К. Леонов и Городецкая // Возрождение. 1931. 29 июня. – № 2248.
27. Злобин В.А. Тяжелая душа: лит. Дневник, воспоминания, статьи, стихотворения. – М.: Интелвак, 2004. – 623 с.
28. Куприн А.И. Предисловие к роману Н. Городецкой «Les mains vides» // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 845 с.
29. Куприн А.И. Из интервью [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kuprin/kuprin_iz_intervyu.html (дата обращения 25.12.2021).
30. Мандельштам Ю. В. «Дети в изгнании» // Возрождение. 1936. – № 3966. – С. 3-4.
31. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вера Муромцева-Бунина. – Москва: Вагриус, 2007. – 509 с.
32. Письмо Г.Н. Кузнецовой Л.Ф. Зурову 1 марта 1929 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. – М., 2004.
33. Саша Черный. Собрание сочинений: В 5 т.Т.3. – М.: Эллис Лак, 1996.
34. Сегодня. 1929. 6 апр. – № 94. – С. 8.
35. Соловьев В.С. Смысл любви. – АСТ, 2021. – 512 с.
36. Терапиано Ю.К. Человек 30-х годов // Числа. – Париж, 1933. Кн. 7-8. – С.210-212.

37. Тэффи Н.А. Моя летопись (вступ. ст., прим. Ст. Никоненко). – М.: Вагриус, 2004. – 376 с.
38. Тэффи Н.А. Как я живу и работаю // Иллюстрированная Россия. 1926.
39. Цейтлин М. Н. Городецкая. Несковозная нить. Париж. 1929 // Современные записки. 1929. – № 39. – С. 533.
40. Ходасевич В.Ф. Письма // Собрание сочинений в 4.т. – Т.4. – М., 1997. – 454 с.
41. Хилл Э. Надежда Городецкая: изучение и осуществление кенозиса // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 845 с.
42. Le Studio Franco-Russe (1929-1931). "Toronto Slavic Library". Séries, 2005.
43. Livak L. How It Was Done In Paris. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003.

**Научно-исследовательская литература: теоретико-философские,
литературно-критические, публицистические книги,
монографии, статьи**

44. Абраменкова В.В. Агиологическая психология детской святости // Московский психотерапевтический журнал, 2005. – С. 3-6.
45. Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940). – М.: Совпадение, 2005. – 235 с.
46. Арсеньев А.Б. Život, kulturna i izdavačka delatnost Rusaemigranata u Novom Sadu [Жизнь, культурная и издательская деятельность русских эмигрантов в Нови Саде] // Književna smotra. Zagreb. – 1989. – № 65-66. – S. 39-56.

47. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высших культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
48. Афонин Л.Н. Иван Алексеевич Бунин: памятка читателю. Орел, 1952.
49. Баркова О.Н. Литературная и журналистская деятельность женщин русского зарубежья (1917-1939 гг.) // КЛИО. 2013. – №4. – С. 95-100.
50. Безелянский Ю.Н. Отечество. Дым. Эмиграция. Русские поэты и писатели вне России. кн. первая. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. – 432 с.
51. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.)// Новый исторический вестник, 2001. – № 3.
52. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / под ред. Л.М. Суриса. М.; – Берлин: Директ–Медиа, 2017. – 495 с.
53. Бобина Т.О. Мотив детства как «потерянного рая» в автобиографической прозе русского зарубежья // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2011. – №1. – С. 96-98.
54. Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904). – Владимир: Кн. изд-во, 1962. – 108 с.
55. Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. – № 5. – С. 113-122.
56. Бычков В.В. Вл. Соловьев и эстетическое сознание Серебряного века // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. – Москва: Академиздатцентр «Наука» РАН, 2005. – 527 с.
57. Вилесова М.Л., Хатямова М.А. Женские образы в ранней прозе Б.К. Зайцева // Вестник ТГПУ, 2013. – №11. – С. 57.

58. Гавриков В.А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т.д.) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. – №1. – С. 35-42.

59. Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. – М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2003. – 399 с.

60. Герра Р. Интервью с Б. К. Зайцевым. («Русский альманах», 1981 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://almanax.russculture.ru/archives/2419> (дата обращения 18.01.2022).

61. Герра Р. Младшее поколение писателей русского зарубежья. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2009. – 104 с.

62. Герра Р. Несостоявшийся диалог. Русская эмигрантская культура и французская интеллигенция. 1920-1970 // Новый Журнал. 2009. – №257. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/257/nesostoyavshijsya-dialog.html> (дата обращения 23.12.2019).

63. Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920 – 1970). – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр “БЛИЦ”», 2004. – 166 с.

64. Гидини М.К. *Jacov Pavlovitch* и *Monsieur Berdiaeff*: Запад и Восток во «Франко-русской студии» // *Donum homini universalis*: сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. – М.: ОГИ, 2011. – 424 с.

65. Гладышева С.Н. Портреты современников в очерках М.А. Алданова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. – №2. – С. 82-92.

66. Глазкова М.Н. Вклад С.П. Постникова в отечественное библиотечное дело и библиографию // М. Н. Глазков Вклад С. П. Постникова в отечественное библиотечное дело и библиографию // Культурная жизнь Юга России. 2015. – С. 20-23.

67. Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. – М.: Новый Хронограф, 2013. – 296 с.
68. Громова А.В. Проблема адаптации эмигранта в прозе русского зарубежья первой волны // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. – №2. – С. 26-33.
69. Гуревич А.Л. Четыре волны русской эмиграции и их отношение к Православию // Альфа и Омега. Москва, 2003. – № 35. – С. 357-364.
70. Дашков Н. (Вейдле В.) Об одной попытке франко-русского сближения // Возрождение. 1929. 12 сентября. – №1563.
71. Дворяшина Н.А. Лики детства в русской литературе Серебряного века // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2008. – №15. – С. 137-143.
72. Демина Л.И. Публицистика русского зарубежья: духовно-нравственный аспект (на примере газеты «Воля России» // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. 2017. – С. 500-503.
73. Демидова О.Р. Женская проза и большой канон русского зарубежья // Демидова О.Р. Мы. Женская проза русской эмиграции: [сборник] / сост., [вступ. ст., коммент.] О. Р. Демидовой. – [Б. м.] : Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2003.
74. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб, 2001. – 216 с.
75. Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 368 с.
76. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. – СПб, 2012. – 448 с.
77. Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: Материалы Международной научной конференции.

Калининград. Октябрь 2006 г. / Российский государственный университет им. И. Канта; Отв. ред. Л. Дорофеева. – Калининград: Изд-во Калининградского Гос. Ун-та, 2007. – С. 9-19.

78. Живые черты Ходасевича: из откликов современников [Электронный ресурс]. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Zhivyye-chyerty-Khodasyevicha-iz-otklikov-sovryemyennikov.html> (дата обращения 28.12.2021).

79. Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 371 с.

80. Зеньковский В.В. Детская душа в наши дни // Дети эмиграции: Воспоминания. – М.:, 2002.

81. Зеньковский В.В. На темы историософии // Современные записки. – Париж, 1939. – №69. – С. 280-293.

82. Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века: Пер. с англ. – Paris : YMCA-press, 1974. – 382 с.

83. Икута М. Национальная идентичность русских в Харбине // XIX совместный симпозиум ученых Дальневосточного отделения РАН и ученых района Кансай Японии. Владивосток, 2003. – С. 84-88.

84. Ильин И.А. Родина и мы. – Белград: Гл. правление о-ва Галлиполийцев, 1926. – 16 с.

85. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // О русском национализме: (сборник статей). – Москва: Российский Фонд Культуры, 2007. – 150 с.

86. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев, кн. 1. София, 1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php> (дата обращения 23.12.2017).

87. Казнина О.А. Религиозно-философская мысль и литературный процесс Русского зарубежья // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х

гг. Серия «История русской литературы XX века». – Москва. 2010. – С. 230-374.

88. Казнина О.А. Русские в Англии: рус. эмиграция в контексте рус.-англ. лит. связей в первой половине XX в. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наследие, 1997. – 413 с.

89. Казанцева И.А. Традиция осмысления православия в контексте «детской» темы в творчестве современных русских писателей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. – №114. – С. 140-147.

90. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002 – 164 с.

91. Ковалев П.А., Полякова М.Ю. Бунин и Набоков: два дискурса изгнания // Россия Ивана Бунина и культура русского подстепья (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина): материалы Всероссийской научной конференции. 2020. – С. 151-156.

92. Ковалевский М.Е. Зарубежная Россия 1920-1970. - 1-е изд. – Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2019. – 624 с.

93. Козлова А.Л. Образ ребенка в творчестве символистов: истоки современного мифа // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2010. – № 13 (56). – С. 96-102.

94. Колеров М.А. Не мир, но меч: русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» (1902-1909). – СПб. Изд-во «Алетейя», 1996. – 379 с.

95. Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Русская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Покивайлова Т. А. (отв. ред.). – М.: Индрик, 2009. – С. 157-181.

96. Копршилова-Вуколова А. Ruští emigranti ve Všenorech, Mokropsech a Černošcích (20. a 30. léta 20. století). [Русские эмигранты во Вшенорах. Мокропсах и Черношицах (20-е и 30-е гг. XX века)] – Praha: Národní knihovna-Slovanská knihovna ČR, 2003.

97. Коростелев О.А. Итоги двух десятилетий // От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать русского зарубежья / ИМЛИ, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2013. – С. 7-20.

98. Коростелев О.А. Пафос свободы: литературная критика русской миграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья: В 2 ч. – М.: ООО Изд-во «Олимп», ООО Изд-во «АСТ», 2002.–Ч.1. / Сост., преамбулы, примеч. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. – С.3-35.

99. Костиков В.В. «Не будем проклинять изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М.: Междунар. отношения, 1990. – 464 с.

100. Криволапова Е.М. «Рай детского житья»: художественное осмысление темы детства в ранней лирике М.И. Цветаевой // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. – № 1(44). – С. 148-156.

101. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX вв.). – СПб. «Искусство–СПб», 1994. – 399 с.

102. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Т.1. – Таллин: Александра, 1992. – 479 с.

103. Любомудров А.М. К проблеме воцерковленного героя // Христианство и литература. – СПб, 1999. – Вып.3. – С. 356-366.

104. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 271 с.

105. Любомудров А.М. Литературное, богословское и педагогическое наследие Надежды Городецкой в православном контексте:

Материалы VI Международных Св.–Игнатъевских чтений. – Вып. 2. – Ставрополь: Изд. центр СтПДс; Дизайн-студия, 2014. – С. 120-127.

106. Любомудров А.М. Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – С. 5-36.

107. Лященко М.Н. Феномен одиночества в христианской философии средневековья // Вестник ВГУ. 2016. – №4. – С. 118-124.

108. Малашонок М.Г. Литературные истоки русской революции: версия Д.С. Мережковского // Аналитика культурологии. 2008. – №11. – С. 129-131.

109. Миронов А.В. Уединение и одиночество в философии В.В. Розанова // Общество: философия, история, культура, 2015. – № 1. – С. 8-13.

110. Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 429 с.

111. Михеичева Е.А., Зеленцова С.В. Пейзаж как форма психологизма в ранних рассказах И.А. Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. – № 2. – С. 155-159.

112. Молчанов А.В. Истоки проблемы одиночества: анализ философских программ античности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2015. – № 5 (55). – С. 124-127.

113. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции: В 2-х т. – М.: Родник, 1994. – 414 с.

114. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 3. Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2014. – 640 с.

115. Овчаренко А.Ю. «Сабля да книга – чего же еще?»: романтика революции в русской литературе 1920 – 1930-х годов // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. – №1. С 164-169.
116. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ», – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. – 205 с.
117. Петрушева Л.И. Отцы и дети русской эмиграции // Дети русской эмиграции. – М.: 1998. – 493 с.
118. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М.: РГГУ, 2008. – 545 с.
119. Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. – № 1. – С. 151-161.
120. Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки, 2000. – №3. – С. 63-68.
121. Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. – М.: Прогресс, 1994. – 296 с.
122. Революция 1917 года в зеркале художественной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://akunb.altlib.ru/wp-content/uploads/2017/01/tem-podborka-Revolyutsiya-1917-goda-v-zerkale-hudozhestvennoy-literaturyi.pdf>
123. Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. – №1. – С. 71-78.
124. Романова В.Б. Периодическая печать как источник о жизни эмиграции «первой волны» (на материале газет «Возрождение», «Последние новости» и журнала «Иллюстрированная Россия») // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI вв.: материалы XIX Международной научной конференции. – Иваново, 2020. – С. 621-626.

125. Россия и Запад: горизонты взаимопознания: лит. источники послед. трети XVIII века. Вып.3 / Э.Л. Афанасьев, Н.Д. Блудилина, Л.В. Гладкова и др.; отв. ред. Н.Д. Блудилина. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 847с.
126. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. – 205 с.
127. Руцкий А.Н. К вопросу об историко-литературном контексте «Окаянных дней» И.А. Бунина: революция и культура в публицистике русского зарубежья и публицистике метрополии 1920-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2010. – №1. – С. 177-184.
128. Саакянц А.А. Тайный жанр: очерки о М. Цветаевой. – М.: Правда, 1986.
129. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1933): сравнительно-типологическое исследование. Монография. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 551 с.
130. Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти // История и архивы. 2019. – №3. – С. 30-39.
131. Се Чунь янь. Специфика идеальных женских образов в русской литературе // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. 2015. – С. 614-617.
132. Сидорова Т.П. Вклад Н.Д. Городецкой в русское литературоведение за рубежом // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. – Елабуга. 2019. – С. 276-277.
133. Сидорова Т.П. Идея кенозиса в житнетворчестве Н.Д. Городецкой // Studia Rossica Geranensia. 2018. – №5. – С. 172-182.
134. Ситниченко К.Е. Своеобразие становления русской культуры в условиях эмиграции // Вестник ЮУрГУ, 2006. – №17. – С. 108-111.
135. Слоним М. Молодых писатели за рубежом // Воля России. 1029. – № 10-11. – С. 114-115.

136. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: МГУ, 1991. – 184 с.

137. Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919-1939 гг. / сост. вступ. ст., примеч. О.В. Будницкого. – М.: Российская энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 439 с.

138. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.

139. Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX и первой половины XX века: монография. – Курск. Ин-т социального образования (филиал) РГСУ. Курск: ООО «Учитель», 2012. – 246 с.

140. Степанов С.А. Идеальный женский образ-символ в отечественной литературе первой половины XX века // Вестник МГУКИ, 2015. – №2. – С.80.

141. Степанова Н.С. Феномен культурной памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. – № 6 (51). Ч.1. С. 258 – 264.

142. Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. – Вып. 2. – С. 15-26.

143. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж: YMCA-Press; – М.: Русский путь, 1996. – 448 с.

144. Супрун С.В. Тематическая специфика эмигрантской литературы 1920-1940 гг. (по материалам литературной критики русского зарубежья) // Теория и практика современной науки и образования:

русский и зарубежный опыт: материалы II научно-практической конференции. 2019. – С. 96-105.

145. Суриков А.С. Тема вечной женственности в поэзии А. Блока // Начало: Журнал институт богословия и философии. 2017. – Том 34. – С. 144-161.

146. Танин С.Ю. Русский Белград. – М.: Вече, 2009. – 304 с.

147. Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). /Сост., вступ. ст. Р. Герра. – Спб.: Росток, 2014. – 663 с.

148. Тиме Г.А. «Русская идея» как проблема адаптации. Эмигранты из России в Европе в 1920-1930-х гг. // К истории идей на Западе «Русская идея» / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. – Издательство Пушкинского Дома. Издательский дом «Петрополис». Санкт-Петербург. 2010. – 648 с.

149. Тимонин Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920-1945 –е годы): Монография. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2000. – 300 с.

150. Токарев Д.В. «Русская душа» и «Esprit français»: обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях франко-русской студии в Париже (1929-1931) // К истории идей на Западе: Русская «идея» / под ред. В.Е. Банго и М.Э. Маликовой. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. – 648 с.

151. Федорова М.С. О типологии женских образов в русской литературе первой половины XVIII в. // Вестник славянских культур. 2014. – С. 142-149.

152. Федякин С.Р. Полемика о молодом поколении в контексте литературы Русского Зарубежья // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу: Сб. научных трудов. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – С. 19–28.

153. Федякин С.Р. Особенности авторского сознания в литературе и критике Русского зарубежья // В поисках новой идеологии:

социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов. – Москва, 2010. – С. 423-493.

154. Филипповский Г.Ю., Кузьмичева И. Женские образы литературы Руси: истоки и прототексты // Культура. Литература. Язык. 2011. – С. 225-230.

155. Францова Н.В. «Русский ковчег» Саши Черного // Культура русского зарубежья: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. / гл. ред. Л.И. Гаврилова. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. – С. 251-256.

156. Фурдей О.Н. Мировоззренческие уроки литературно-критической публицистики русского зарубежья // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. – №1-2. – С. 252-260.

157. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти // пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

158. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. – М.: «Гнозис», 2005. – 432 с.

159. Ходасевич В.Ф. Литературная критика 1922 – 1939 / под ред. Л.М. Суриса. – М; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 351 с.

160. Ходаков И.М. Белое солнце России. Белая армия и Православие. – Москва : Даръ, 2011. – 303 с.

161. Чагин А.И. Расколота лира. (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920—1930-е годы). – М., 1998. – 269 с.

162. Черников А.П. Духовно-нравственные искания в автобиографической прозе русского зарубежья // Литература в школе. 2008. – №6. – С. 3-6.

163. Шаховская З. Таков мой век. – М.: Русский путь, 2006. – 672 с.

164. Шестакова Е.Ю. Детство в системе русских литературных представлений о человеческой жизни XVIII-XIX столетий. – Северодвинск, 2007. – С. 45-53.

165. Ширванова Э.Н., Гаджиева Р.М. Индивидуалистические мотивы в творчестве Леонида Андреева (мотивы пессимизма, одиночества и бунта) // Вестник Дагестанского государственного университета, 2019. – Вып. 4. – С. 19-24.

166. Шмеман А.Д. Исторический путь православия / Прот. А. Шмеман. - [Репринт. изд.]. – М. : Паломник, 1993. – 387 с.

167. Шмеман А.Д. Проповеди и беседы. М.: Паломникъ, 2002. – 206 с.

168. Шульгин В.В. 1920 год: Очерки. – Москва : Гос. изд-во. Московское отделение, 1922. – 43 с.

Словари и справочная литература

169. Большая российская энциклопедия «Россия». – М: Большая росс. энциклоп. 2004.

170. Литература русского зарубежья: антология (под ред. А.Л. Афанасьева). Т. 1-6. – М. Книга, 1990. – С. 16.

171. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) в 3-х т. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

172. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК Интелвак, 2001. – 1600 с.

173. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 974 с.

174. Российское зарубежье во Франции (1919 –2000): Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука: Дом – музей Марины Цветаевой, 2008. – Т. 1. Ф - К, – 796 с.; – Т. 2. Л - Р, – 685 с.; – Т. 3. С – Я. – 757 с.

175. Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть двадцатого века: энциклопедический биографический словарь / Науч. ред. В.В. Шелохаев. –М.: РОСПЭН, 1997. –748 с.

176. Словарь поэтов русского зарубежья / Под общ. ред. В. Крейда. – СПб.: Изд-во Рус. Христ. Гуман. Инс-та, 1999. – 472 с.

Диссертации и авторефераты

177. Демидова О.Р. Эстетика литературного быта русского зарубежья : На документальном материале русской эмиграции 1920 - 1960 гг.: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.04, 10.01.01. – Санкт-Петербург, 2001. – 355 с.

178. Жарков Н.Ю. Зарубежная и русская литература в журнале «Современный мир»: 1906-1918 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03, 10.01.01 / Жарков Николай Юрьевич; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.]. – Самара, 2009. – 212 с.

179. Иванова Т.Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И.С. Тургенева и Н.С. Лескова: романы «Накануне» и «Некуда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2002. – 19 с.

180. Лебедева С.Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки» : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. – Москва, 2007. – 26 с.

181. Марченко Т.В. Проза русского зарубежья 1920-1940-х гг. в европейском критическом осмыслении: нобелевский аспект : по иностранным архивам и периодике: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Марченко Татьяна Вячеславовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2008. - 46 с.

182. Роденкова О.В. Творчество А.И. Куприна в аспекте Русского Зарубежья : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01

/ Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. – Москва, 2003. – 18 с.

183. Савинская О.А. Генезис лирики Б.Ю. Поплавского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. - Кострома, 2012. - 24 с.

184. Сорокина В.В. Формирование литературной критики русского зарубежья: берлинский период: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01. – Москва, 2010. – 56 с.

185. Тихомирова Е.В. Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01. – Иваново, 2000. – 442 с.

186. Юркина А.Н. Эволюция женских образов в прозе писательниц русского зарубежья начала XX и начала XXI веков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2016. – 20 с.